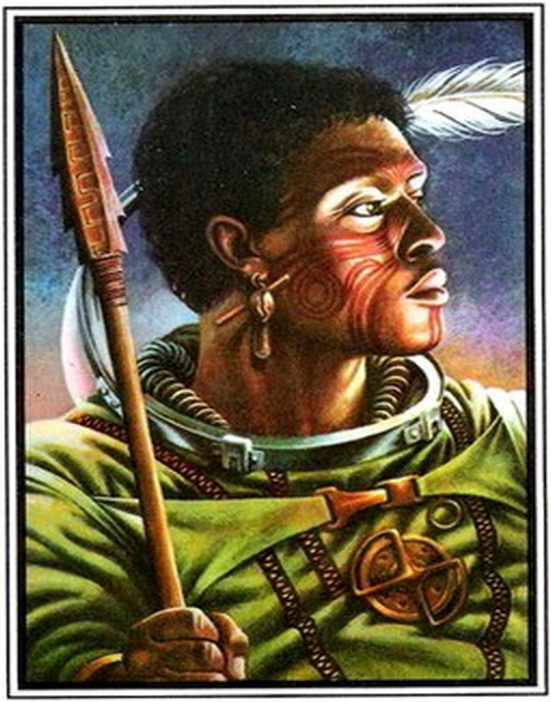
МИРЫ АЛЬФРЕДА БЕСТЕРА



Обманщики (The Deceivers)
Альфред Бестер

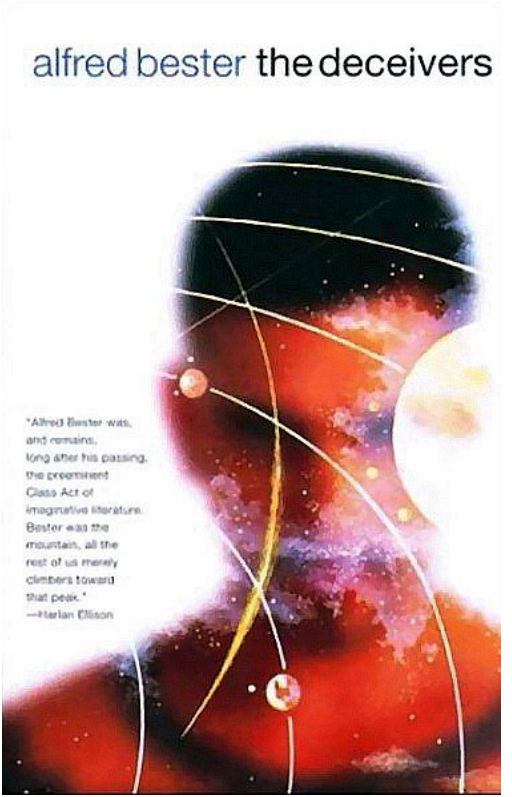
Аннотация
Альфред Бестер. ОБМАНЩИКИ. The Deceivers
ОТКРЫТИЕ
ФЕЯ И СИНЭРГИСТ
ЭНЕРГИЯ
КОРОНАЦИЯ
РАЗЛУКА ТЫ, РАЗЛУКА
И ЕЩЕ ОБМАНЩИКИ
КОГТИ РВАТЬ
ПОИСКИ
СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА
НА ЛОВЦА И ЗВЕРЬ БЕЖИТ
ТРОЯНСКИЙ КОНЬ
КОСА НА КАМЕНЬ
BALLADE DE PENDU
TERRA INCOGNITA

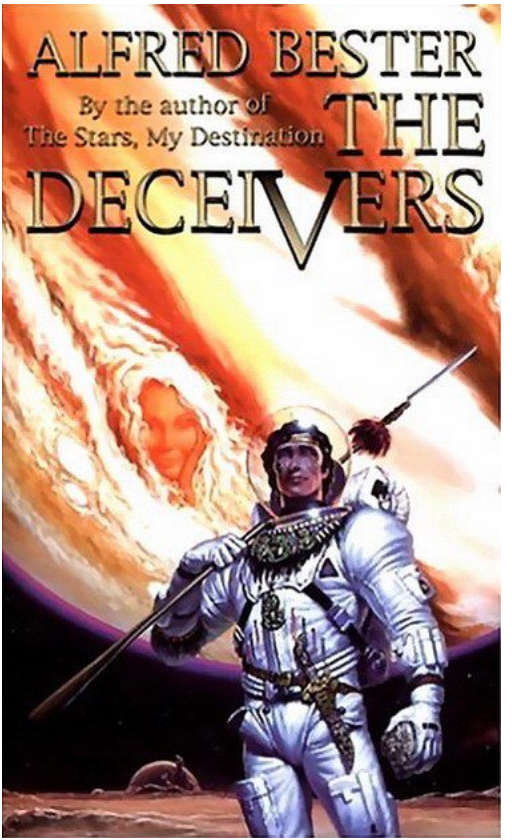
Аннотация

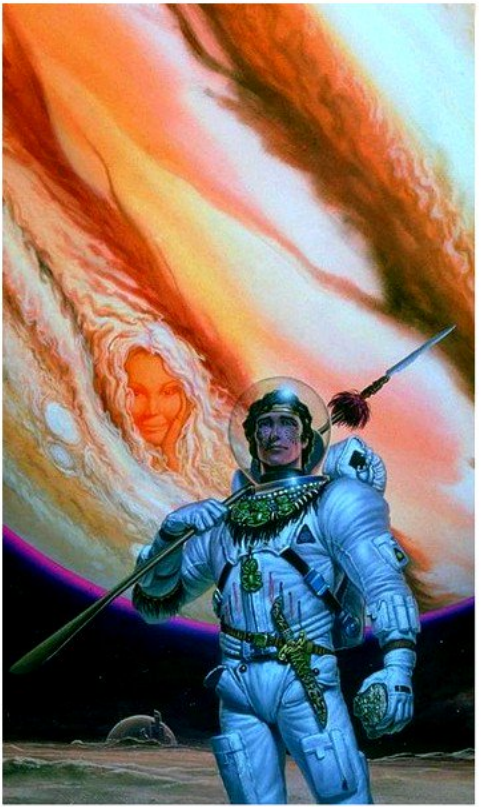
Alfred Bester. The Deceivers. 1981.

Альфред Бестер
ОБМАНЩИКИ

The Deceivers




ALFRED BESTER
By the author of
The Stars, My Destination
THE
DECEIVERS



ОТКРЫТИЕ

Не знаю, каким воспринимает меня мир, но для самого себя я — просто мальчик, играющий на берегу океана и получающий удовольствие, находя иногда камешек более гладкий или раковину, более красивую, чем обычно, в то время, как передо мной расстилается огромный океан неоткрытых еще истин.

Исаак Ньютон

Слыхали, конечно, историю насчет «И тут на арену выхожу я, в белом фраке с блестками»? Вот-вот, именно так все и выглядело. По залитой слепящим светом прожекторов бетонной равнине шел — величественно шествовал! — человек, затянутый в белый (знак высокого административного ранга) радиационный скафандр, в белом же шлеме с опущенным визором. Впереди, на усыпанном звездами фоне ночного неба, прорисовывались контуры огромного куполообразного строения. Власть человека в белом не вызывала сомнений.

Рядом со входным люком ангара вповалку спа-

ли одетые в черную броню люди — взвод охраны. Администратор ударил сержанта ногой — жестоко, но совершенно равнодушно. Командир взвода завопил от боли и вскочил на ноги, за ним и его солдаты. Они открыли люк, и человек в белом прошел внутрь, в непроглядную тьму. Затем, словно вспомнив о какой-то мелочи, он повернулся назад, к свету, задумчиво посмотрел на дрожащий от страха, вытянувшийся по стойке смирно взвод и с прежним безразличием застрелил сержанта.

Внутри ангара не было ни проблеска света.

— Как ваше имя? — негромко кинул администратор в окружавшую его тьму.

Ответом была последовательность высоких и низких звуков:

— " — ' — -

— Перейдите из бинарной формы в фонетическую. RW Как ваше имя? RR Отвечайте.

— Наше имя Р-ОГ-ОР-1001, - откликнулся целый хор говоривших в унисон голосов. Звучали они так же негромко, как и голос спрашивающего.

— В чем состоит ваше задание, Рогор?

— Выполнять.

— Что выполнять?

— Программу.

— Вы были запрограммированы?

— Да.

— В чем состоит ваша программа?

— Доставить пассажиров и груз на Марс, в купол Окс-Кембриджского Университета.

— Будете вы выполнять приказания?

— Только приказания уполномоченных операторов.

— Я имею полномочия?

— Отпечаток вашего голоса занесен в командный файл. Да.

— Идентифицируйте меня.

— Мы идентифицируем вас как Администратора Первого Ранга.

— Мое имя?

Снова последовала серия высоких и низких звуков.

— Это — мой статистический номер. Назовите мое социальное имя.

— Ваше имя не было введено.

— Сейчас введу, свяжите его с отпечатком голоса.

— Цепи готовы к приему.

— Я — доктор Дамон Крупп.

— Принято. Связано.

— Вы запрограммированы на обследование?

— Да, доктор Крупп.

— Откройтесь для обследования.

В куполе ангара появилась щель, его половины медленно ушли вниз. Мягкий звездный свет вырисовывал очертания двухместного корабля, с которым беседовал Крупп. Над глубокой шахтой пламегасителя высился объект, до удивления напоминавший старинный русский самовар — маленькая головка, широкое цилиндрическое тело, из которого кое-где торчало нечто вроде ручек; внизу это тело сужалось и переходило в квадратное основание с четырьмя ножками — дюзами двигателей.

Открывшийся люк внезапно — этот корабль не нуждался в иллюминаторах — залил ангар светом; Крупп поднялся по двум металлическим ступенькам, приваренным к корпусу, и начал свое обследование.

Внутри Р-ОГ-ОРа тысяча первого было на удивление жарко; скинув всю одежду, Крупп начал карабкаться вверх, к рубке управления, расположенной в той самой головке самовара (невесомость неизмеримо облегчит эту операцию). В салоне, посреди брюха корабля, выяснилась причина тропической духоты — прозрачный инкубатор, окруженный уймой вспомогательного

оборудования. Всем этим хозяйством занималась, чертыхаясь и обливаясь потом, совершенно голая женщина. Ползая на манер осьминога поди над вызывающей сомнение аппаратурой, она что-то подкручивала, довинчивала, исправляла.

Доктор Крупп никогда прежде не видел свою помощницу, доктора Клуни Декко, в подобном виде; ему потребовалось некоторое усилие, чтобы не выказать веселого удивления.

— Клуни?

— Привет, Дамон. Слышала, как ты с кораблем обменивались любезностями… Тьфу! Чтоб его все черти!

— Барахлит?

— Эта сучья подача кислорода — она, видите ли, с характером! То она есть, то ее нету. Вот так однажды и угробит ребенка.

— Не позволим.

— Рисковать нельзя, ни на вот столько. После семи месяцев возни, выхаживания и выкармливания нашего эмбриона я не собираюсь допустить, чтобы какая-то железяка ржавая взяла и все испоганила.

— Дело не в оборудовании. Клуни, просто внешнее давление сбивает отсчеты датчиков и перекрывает подачу. Конструкция разрабаты-

валась для свободного пространства, так что в полете все само наладится.

— А если нет?

— Расколем эту люльку и устроим парнишке искусственное дыхание рот в рот.

— Расколем? Господь с тобой, Дамон, эту штуку не вскрыть без зубила и кувалды.

— Не надо так уж буквально. Клуни. Расколем ее — в смысле вскроем.

— Ну если. — Обозленная — и обнаженная — Клуни выпуталась из хитросплетений своей аппаратуры, Круппу хотелось ее как никогда прежде. — Извини. У меня никогда не было чувства. В смысле юмора. — В ее глазах мелькнуло странное выражение. — А что, насчет рот в рот — это тоже шутка?

— Теперь уже не шутка. — Руки Крупна крепко схватили Клуни. — Я обещал себе это — как только наш мальчик будет извлечен из колбы. Он уже родился, поэтому…

Вот так и вышло, что Р-ОГ-ОР-1001 врезался в Ганимед.

Редчайшее событие — в систему управления попала космическая частица с энергией в миллионы БЭВ — сбило корабль с курса. В таких случаях — они все-таки бывают — вводится руч-

ная коррекция, но Крупп и Декко слепо верили в компьютеры и слишком были заняты проверкой своей страсти. Поэтому все трое — мужчина, женщина и ребенок в инкубаторе — упали на Ганимед.

Началась эта история на острове Джекилл (в родстве с мистером Хайдом не состоит). Каковой факт преисполняет меня гордости — не так-то часто удается обнаружить первое звено цепи событий. А вот безукоризненное понимание всех прошлых событий никакой гордости у меня не вызывает, скорее наоборот — мне, при моем роде занятий, больше подошло бы понимание событий будущих. Почему? Потом узнаете.

Звать меня Одесса Партридж,[1] и я занимала уникальное положение, позволявшее мне получать максимум информации и воссоздавать обстоятельства, как последовавшие за точно известными событиями, так и им предшествовавшие. А затем излагать их в том самом повествовании, которое вы читаете. Exempli gratia:[2] в начале моего рассказа описана встреча на Р-ОГ-

---

[1] Notes: 1
partridge (англ.) — куропатка.

[2] Notes: 2
Например (лат).

ОРе тысяча первом, о каковой встрече я узнала лишь много времени спустя, по большей части из слухов, и по ею еще пору циркулирующих в Космотрон-Гезельшафт. Этот факт разрешил уйму вопросов, однако, увы, слишком поздно. Ну да ладно, искала я все равно нечто совершенно иное.

А вам не кажется, кстати, что я слишком легкомысленно отношусь к обещанному рассказу? Кажется? Дело в том, что работа у меня буквально собачья, всю душу выматывает. В такой ситуации юмор — лучшее лекарство. И всегда под рукой. Господь свидетель, моего богатого запаса юмора едва хватило на жуткие сплетения событий, которые начались с острова Джекилл, а потом превратили в пытку жизни Синэргиста с Ганимеда, феи с Титании, да и мою, собственно, заодно.

Теперь взглянем на события, окружавшие вышеупомянутое первое звено вышеупоминавшейся цепи.

Когда было принято решение о строительстве метастазисной энергостанции, Космотрону потребовалась целая серия угроз, шантажа и взяток, чтобы получить разрешение на покупку острова Джекилл, расположенного, как вы, скорее всего, и сами знаете, неподалеку от побережья Джор-

джии. Затем потребовался год, чтобы выкурить — при необходимости даже перебить — самовольных поселенцев, а также упорных экологов, насмерть окопавшихся в этом бывшем заповеднике. За тот же самый год удалось очистить остров от хлама, мусора и трупов временных его обитателей. После чего оставалось только возвести по периметру охранную систему — с напряжением в полторы тысячи мегавольт — и начать строительство станции.

Для производства энергии потребовалась техника данным давно заброшенная и позабытая. Еще год ушел на поиски этих древностей по музеям — с последующим изъятием, чаще насильственным, чем законным.

Тут внезапно обнаружилось, что блестящие молодые ученые не имеют ни малейшего представления, с какой стороны подойти к с таким трудом приобретенным раритетам. Тогда компания наняла высококлассного эксперта по подбору кадров, который повытаскивал откуда-то давно ушедших на пенсию профессоров и, в свою очередь, нанял их на работу со всей этой одним им и понятной техникой. Эксперт получил весьма высокий ранг супервизора. Звали этого эксперта доктор Дамон Крупп, а доктором он стал за рабо-

ты в области личностного анализа.

Докторская диссертация Круппа была посвящена хорее Хантингтона (сиречь пляске Святого Витта). Блестящее и остроумное исследование, доказывавшее, что упомянутая болезнь увеличивает интеллектуальный и творческий потенциал несчастных своих жертв, навело уйму шороха; у неизбежных завистников появилась даже шуточка: «Крупп исследовал хорею Хантингтона, а Хантингтон — хорею Круппа».

Наш уважаемый доктор так и остался зацикленным на увеличении интеллектуального потенциала, а работа на объекте Космотрона предоставила ему возможность провести довольно-таки рискованный эксперимент. Космотрон синтезировал все элементы периодической системы, начиная от атомного веса 1,008 (водород) и вплоть до 259,59 (азимовий). Делалось это посредством метастатического процесса, повторявшего в миниатюре внутризвездные термоядерные заморочки. Постоянной головной болью было неизбежные утечки радиации — именно поэтому весь персонал буквально не вылезал из защитных костюмов — но именно эта же радиация и вдохновила Круппа на многообещающий эксперимент — Мазерную Генерацию Парадоксально

Акцентированной Пренатальной Акселерации.

Его помощница, доктор медицины Клуни Декко, отнеслась к идее с полным восторгом — в основном из-за того, что влюбилась в Круппа, как кошка, но отчасти и по причине второй своей любви — к разным хитрым механизмам. Работая на пару, они сконструировали и установили комплект оборудования для — как они это называли — эксперимента Магпапа, что, вы, наверное, понимаете, было аббревиатурой для Мазерной Генерации Парадоксально и т. д.

Затем встала проблема лабораторного материала. Решением этой проблемы разродилась Клуни. Она разместила во всех средствах массовой информации штата Джорджия осторожные объявления, понятные лишь для тех, кого они касались. В объявлениях предлагали бесплатный аборт.

Крупп и Декко обследовали — физически и психологически — одну посетительницу за другой, пока не нашли, как им показалось, идеальный вариант. Высокая, темноволосая девушка из горцев, красивая и с острым — при почти полной неграмотности — умом, находилась на втором месяце беременности. После изнасилования.

На этот раз доктор Декко приложила особые

старания, чтобы сохранить эмбрион; вместе с околоплодным пузырем он был помещен в бутыль с амниотической жидкостью.

К этому времени микрохирургическое присоединение пуповины к источнику сбалансированного питания давно перестало быть редкостью и превратилось в почти рутинную операцию, так что здесь у Клуни трудностей не возникло, хотя хитроумная мазерная акселерация прецедентов не имела. Как она осуществлялась, не узнает уже никто и никогда — знали это только Крупп да Декко, и секрет погиб вместе с ними. Однако у Клуни была непродолжительная связь с неким служащим Космотрона, не желающим, чтобы его имя упоминалось. Он пересказал следующую беседу, происходившую в постели.

— Слушай, Клуни, говорят, вы с доктором Круппом все время перешептываетесь и все про одно и то же. «Магпапа». Что это такое?

— Аббревиатура.

— Аббревиатура чего?

— Ты был со мной очень мил.

— Ты тоже, это уж точно.

— Могу я говорить с тобой так, будто ты имеешь административный ранг?

— А я и так имею.

— Никому не скажешь?

— Ни хоть самому президенту компании.

— Мазерная генерация парадоксально акцентированной пренатальной акселерации.

— Что-что?

— Правда. Мы пользуемся попутной радиацией станции.

— Для чего?

— Чтобы ускорить пренатальное развитие эмбриона.

— Эмбрион! Ты что, в положении?

— Совсем сдурел, конечно нет. Это будет искусственно выращенный ребенок, сейчас он плавает в мазерной матке. Ему уже почти девять месяцев, так что скоро и рожаться пора.

— А где вы его взяли?

— Даже и знай я ее фамилию, все равно никому не сказала бы.

— Куда же вы его ускоряете?

— Тут-то и есть главная заморочка: мы не знаем. Раньше Дамон думал, что получится общее ускорение, усиление, ну вроде как если положить ребенка под микроскоп…

— Это что, в смысле размеров?

— В смысле мозгов! Но вот мы регистрируем структуру его снов — ты же знаешь, что эмбрион

видит сны, сосет свой палец и все такое, — и сны эти самые что ни на есть средние. Теперь появилось подозрение, что мы усиливаем какую-то одну его способность, но зато ее уж усиливаем — будь здоров. Не просто умножаем на десять там или сто, а возводим в квадрат. Такое вот икс-квадрат.

— Свихнулись вы с профессором.

— Что же это за икс, что это за неизвестная величина, которая умножается сейчас потихоньку сама на себя? Тут я знаю не больше тебя.

— А как ты думаешь, узнаете вы в конце концов?

— Дамон решил, что нам стоит обратиться за помощью к умным людям. Он ведь мужик совершенно блестящий, я таких раньше не встречала, но окончательно великолепна эта его скромность. Он готов признать, что не может справиться с задачей.

— И где же вы найдете таких умных людей?

— Мы берем отпуск и свезем младенца на Марс, в купол Окс-Кембриджского университета. Они там все сплошь двинутые, лучшие эксперты в чем угодно, а у Дамона достаточно влияния, чтобы получить нужную консультацию и прогноз.

— И вся эта суета из-за очередного ребенка из

пробирки?

— Ты что, это же не просто какой-то там очередной эксперимент. После семи месяцев синтетического насыщения этот ребенок не может быть обыкновенным, тут уж и к бабке не ходить. У него должна иметься какая-то особенность, только вот какая? Для тех, кто не понял, повторяю: я знаю не больше тебя.

Она так и не узнала.

Несколько лет назад я смотрела очаровательный мюзикл, в котором compere (в программке ее назвали «рассказчица») не только излагала сюжет и описывала действия, разворачивающиеся за пределами сцены, но еще и принимала самое активное участие в представлении, играла и пела чуть не дюжину различных ролей. Сейчас я ощущаю некоторое с ней родство, так как прежде чем сыграть роль Купидона в романе Феи с Титании и Синэргиста с Ганимеда, мне придется выступить в качестве историка (исторички?) всей нашей Солнечной системы.

Историю мы, конечно же, позабыли. Известный и очень глубокий философ Сантаяна (1863–1952) однажды сказал: «Не помнящие прошлого обречены на его повторение». И подумать только — мы повторяем это самое прошлое с тупостью,

заставляющей задуматься — а не желает ли человечество своей смерти?

Позвольте мне пересказать вам вкратце Сагу Солнечной системы — на случай, если вы прогуляли соответствующую лекцию из курса космографии либо вообще бросили его после первой же лекции, с удивлением обнаружив, что это — не косметология, с которой вы ее перепутали. *КОСМЕТОЛОГИЯ — РАЗДЕЛ НАУКИ, ИССЛЕДУЮЩИЙ ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ СОХРАНЕНИЯ И УЛУЧШЕНИЯ КОЖИ, ЕЕ ЦВЕТА И Т.Д.*

Опять тот же самый «Новый Свет». Англичане, испанцы, португальцы, французы и голландцы колонизовали в семнадцатом веке обе Америки (или три, считая центральную?) и передрались за них; ровно так же земляне колонизовали планеты Солнечной системы и цапаются из-за них теперь, в веке двадцать седьмом. За десять веков природа человеческая изменилась не слишком-то сильно; считай, вообще не изменилась. Справьтесь у какого-нибудь соседа-антрополога.

Вопы[3] (как называют их васпы)[4] прихватили себе Венеру. Планета стала итальянской, и ее именуют теперь «Венуччи» в честь Америго Веспуччи, чье другое имя досталось когда-то некоему другому месту.

Спутница Земли, Луна, стала чуть не насквозь калифорнийской («Тут у нас солнце — чистый отпад! Ты, брат, ваапче забалдеешь!»), и любой из тамошних самых затрюханных куполов обязательно — можете смело спорить на что угодно — носит название вроде Маскл-Бич.

Ну а сама Земля досталась в наследство старомодным васпам — когда все остальные убрались с нее к чертовой бабушке.

Англичане сочли Марс наилучшим приближением к их родному отвратительному климату; под куполами Соединенного Королевства менялись, в соответствии с программой, «Ясные периоды» и «Ливни», а после каждого ливня следовало, само собой, чарльздиккенсовское «Белое Рождество». Забавное обстоятельство:

---

[3] Notes: 3

Воп — презрительная кличка итальянцев.

[4] Notes: 4

Васп (WASP) буквально — аббревиатура от Белый, Англо-Саксонец, Протестант; употребляется чаще всего пренебрежительно, по отношению к расово озабоченным американским белым.

марсианский «год» чуть не вдвое длиннее года нормального, земного, так что им пришлось выбирать: либо двадцать четыре месяца в году, либо шестьдесят дней в месяце. Никто не согласился ни на то, ни на другое, можете себе представить, как они потом разбирались, когда у них Рождество, когда Пасха, а когда — Йом Кипур.

Ну, вы понимаете, конечно, что я малость упрощаю. Кроме английского большинства на Марсе жили также валлийцы, шотландцы, ирландцы, индусы, уроженцы Новой Шотландии (новые шотландцы?) и даже горцы с Аппалачей, прямые потомки английских поселенцев семнадцатого века. Некоторые общины потихоньку перемешивались, другие предпочитали изоляционизм.

Ровно так же, называя Луну «насквозь калифорнийской», я имею в виду лишь дикое очарование того ее сегмента, которое покорило буквально все остальные купола — мексиканские, японо-американские, канзасские и даже Вегас и Монте-Карло, игорные, как вы понимаете, центры. Благодаря калифорнийцам все они задвинулись на купальниках-бикини, луно-дюно-ходах, сыроедении, рефлексологии и трепе — серьезном, чуть не с пеной у рта — насчет «внутренних возможностей человека», «всеобщей взаимосвязи» и «простран-

ства, в котором мы».

Так что не забывайте этого, читая мое описание Солнечной системы. Я только высвечиваю основные, самые заметные черты всей этой дикой путаницы.

Спутник Нептуна Тритон, самый большой и самый удаленный от Солнца из обитаемых спутников системы, принадлежал японцам и китайцам, хотя жили там и другие азиаты. Хозяева Тритона — для краткости их называли «джап-чинками» или даже просто «джинками», полностью сохранили обычное свое высокомерие и глубоко презирали «внутренних варваров», как они именовали всех, кроме себя: высокомерие это выросло стократ после изобретения джинками метастазиса (сокращенно «мета») — совершенно поразительного источника энергии. Подобно громовому раскату, это открытие отозвалось во всех уголках Солнечной и породило больше конфликтов, чем золото за всю историю этого металла.

Столетие за столетием мы растрачивали энергоресурсы с безрассудностью пьяного матроса, в результате чего остались от них только жалкие — и крайне дорогие — ошметки:

низкосортные виды ископаемого топлива вроде торфа и нефтесодержащих сланцев; энергия

солнца, ветра и приливов. (Установки для их использования слишком сложны и дороги, по карману разве что очень богатым); недогоревшие углеродные остатки — сажа, налет в печных трубах и т. д.; калории, которые можно получить из выхлопных газов различной техники; тепло, выделяемое при трении в промышленности, производящей резину, фанеру и пластики; быстрорастущие деревья (на дрова, значит) — тополь, ива и ватное дерево. (К сожалению, рост населения сильно ограничил площадь лесов); геотермальное тепло.

Половина населения — та половина, которой больше нравилось замерзнуть, чем сгореть — продолжала бороться против атомных электростанций типа той, что на Три-Майл Айленде: и вот тут появляется Мета, совершенно неожиданный энергетический катализатор, открытый на Тритоне. Впечатление было такое, словно сама Мать Природа провозгласила: «Усвоили урок насчет мотовства? Вот вам способ спастись — если вы используете его мудро».

Мудро его использует Солнечная или не очень — это мы еще будем посмотреть.

Главный спутник Юпитера, Ганимед, был в основе своей негритянским — с примесью разно-

образных мулатов. Командовали там черные из Франции и ее колоний, уставшие от безнадежной войны с беложопыми и отдыхавшие теперь, воюя между собой (они совсем не дикари, просто много выпендриваются). Прочие черные и коричневые тоже вносили свой посильный вклад в общее веселье — Конго против Танзании, Маори против Гавайев, Кения против Эфиопии, Алабама против чистокровных африканцев und so weiter.[5] Так что у САСПЦН — Солнечной Ассоциации Содействия Прогрессу Цветных Народов — причин для головной боли хватало.

К вящей радости туристов, негритянские купола весьма колоритны, там устраивают самые настоящие родовые селения из самых настоящих хижин, крытых пальмовыми листьями (и снабженных вполне современной канализацией). По крошечным дворикам бродят — в качестве домашних животных — самые разнообразные представители африканской фауны: антилопы нильгау, гну (антилопы же), слонята, носоро(жата, что ли?), разнообразные, все как одна экзотические змеи и даже крокодилы — если есть деньги на бассейн. Последние являются

[5] Notes: 5
И так далее (нем.).

источником постоянных волнений, а зачастую и горя. Некоторые гурманы всей остальной пищи превыше чтят мясо юных крокодилов: по этой причине на Ганимеде получило распространение преступное крококрадство.

Голландцы, вкупе с кучей прочих, заняли другую луну Юпитера — Каллисто. Хоть и поменьше Ганимеда, она все равно превосходит размерами Меркурий. Здешние купола напоминают средневековые бурги — булыжные мостовые, верхние этажи домов нависают над улицами. (Не понравится это Каллистианской торговой палате, но истина мне дороже: подобно своим амстердамским предшественницам, местные проститутки все еще вывешивают с каждой стороны своего окна по маленькому зеркальцу, чтобы иметь полный обзор улицы; завидев приближение подходящего клиента, дама начинает постукивать по стеклу монеткой.) Каллисто весьма серьезно занимается золотом, серебром, драгоценными камнями вообще и их огранкой в частности; поэтому мало удивительного, что здесь собралось довольно большая еврейская колония. Евреи — традиционные специалисты по драгоценным камням, столь же традиционна и их дружба с голландцами. Имеются тут и — традиционные

же — колонии художников, приводящие остальную Солнечную в крайнее изумление — каким образом живописцы с именами типа Рембрандт — двадцать девятый — ван Рейн либо Ян — тридцать первый Вермеер обеспечивают себе спрос и гребут такие башли за авангардную — употребим мягкое выражение — мазню, которую ни один человек с остатками здравого смысла не повесит дома на стенку.

Титан (это спутник Сатурна, не путайте, пожалуйста, с Титанией, которая рядом с Ураном и о которой я расскажу много — но попозже) начал примерно так же, как в древности колонизованная Англией Австралия. Туда скидывали самых безнадежных рецидивистов, пока Солнечная не решила, что стрелять их дешевле, чем возить в такую даль, а все эти противники смертной казни и прочие сострадатели — шли бы они к хренам. Населяющие Титан потомки бандитов все еще разговаривают на анахроничном, абсолютно непонятном блатном жаргоне, горят древней, перепревшей, какой-то извращенной ненавистью к остальной Системе и не играют в этом правдивом повествовании ровно никакой роли — разве что дают материалы для классической шутки: «Первая премия — день на Титане. Вторая

премия — неделя на Титане».

На некоторых мелких спутниках вроде Фобоса, Мимаса, Юпитера-шестого и седьмого выросли микроскопические поселения психов: религиозные сектанты, театральные труппы, ярые сторонники каких-то странных диет и полового воздержания. За одним очаровательным и совершенно необыкновенным исключением, ни на каких планетах и спутниках Солнечной системы не оказалось местного населения, так что голландцам не пришлось выкладывать за Каллисто двадцать четыре доллара и никакие индейцы не воевали с англичанами на Марсе.

Некий придурок, именовавший себя «Звездно-рожденный Джонс» организовал секту из тысячи себе подобных придурков, веривших — так же, как он, — что всех их в нежном младенческом возрасте похитили с каких-то там далеких звезд и втихую доставили в нашу систему. Они построили свой Купол Джонса, в Море Жары, на Меркурии, который все равно никому и на фиг был не нужен.

Меркурианский «день» длится восемьдесят восемь земных дней, а температура там разгоняется такая, что свинец плавится. Пришельцам (похищенцам?) с далеких звезд не пришлось со-

вершать самоубийство, просто однажды отказала теплоизоляция купола, и все они поджарились. Садисты — ну той разновидности, которая оттягивается на гран-гиньолях — любят посещать Купол Джонса, чтобы поглазеть на прожаренные, а затем промороженные мумии. Какой-то гад с извращенным чувством юмора запихнул в рот Звезднорожденного Джонса яблоко. Так оно там и торчит.

А теперь — про то самое необыкновенное исключение, про Титанию, фею неожиданностей, дочь Урана, правителя неба.

Вот уж здесь аборигены нашлись, это точно! Великий Уильям Гершель, профессиональный музыкант и астроном-любитель, вроде как наткнулся на Уран в 1781 году и обнаружил его спутник, Титанию, шестью годами позднее. Вопросы есть?

— Вопрос: Не могли бы вы дать описание?

— Ответ: Ну, Уран испещрен очень яркими облачными полосами — оранжевыми, красными…

— В: Мы не про Уран, а про Титанию.

— О: Ах да, конечно, волшебная луна. Знаете, у Природы скорее всего есть чувство юмора; почти в каждую систему или комбинацию она добавляет хоть чуть-чуть чего-то такого психованного, с

задвигом, видимо чтобы показать нос гармонии и порядку. Сразу приходит на ум знаменитое изречение Роджера Бэкона: «Не бывает совершенной красоты без некоторой странности пропорций».

— В: Френсиса.

— О: Простите?

— В: Не Роджера, а Френсиса Бэкона.

— О: Ну конечно же, Френсиса. Спасибо. Так вот, в Солнечной системе роль этой странности играет Титания, предмет всеобщего восхищения и причина всеобщего же раздражения. Восхищения — ибо немногие имеющиеся у нас ключи и намеки вызывают восторженное предвкушение, а раздражение — ибо мы их не понимаем.

— В: На что они похожи?

— О: Если вы знакомы с кристаллами, то, несомненно, знаете, что почти в любом кристалле могут содержаться жидкие включения размером от долей микрона до нескольких сантиметров. Включения диаметром больше миллиметра встречаются весьма не часто, а уж сантиметровые — это музейные раритеты.

— В: Мне казалось, такие включения обесценивают драгоценные камни.

— О: Совершенно верно, но сейчас нас интересует не стоимость кристаллов, а их геология.

В большинстве случаев пустоты кристаллов заполнены раствором самых разнообразных солей в концентрации от почти чистой воды до насыщенного рассола. Чаще всего включение содержит в себе газовый пузырек. Если такой пузырек достаточно мал, чтобы реагировать на флюктуации количества молекул, сталкивающихся с ним, он постоянно дергается из стороны в сторону, совершает броуновское движение.

n*1 / n*2 = exp (mg (p — p') No (h1 — h2) / pRT)

— В: Мы перестали что-либо понимать, вы заметили?

— О: Пардон. Я просто решил щегольнуть красивой эйнштейновской формулой. Как бы там ни было, это очень впечатляет — смотреть на пузырек в микроскоп и думать, что такое вот нервное расхаживание по клетке продолжается уже миллиард лет.

— В: Когда же вы дойдете до Титании, этой волшебной луны?

— О: Не торопитесь. Некоторые включения содержат в себе кристаллик, иногда даже не один, некоторые состоят из несмешивающихся жидкостей, некоторые — из одного только газа. Иногда кристаллики, находящиеся во включении, сами содержат жидкостные включения с пузырьками

в них, и так — ad infinitum.[6] Теперь увеличьте это до размера в тысячу миль — а это и есть ее диаметр — и вы получите Титанию, самую психованную особу во всей нашей Солнечной системе.

— В: Чего?

— О: Вот именно. Под поверхностной коркой из всякого метеоритного мусора, накопившегося за бессчетные эпохи, спутник представляет собой скопление кристаллов, рознящихся по размерам от фута до мили.

— В: И вы хотите, чтобы мы поверили?

— О: А в чем, собственно, дело? Модели внутренней структуры планет и спутников все время пересматриваются. Выказывалось даже предположение, что сама Земля является живым существом, мы просто не можем копнуть достаточно глубоко, чтобы это выяснить. Известно, что образование Солнечной системы было процессом неизмеримо более сложным, чем какая-то там конденсация газов в твердые тела.

— В: Так что же насчет кристаллов Титании?

— О: В них уйма включений и включений внутри включений, ad infinitum.

— В: Они что, тоже живые?

---

[6] Notes: 6
До бесконечности (лат.).

— О: Этого мы не знаем, зато мы знаем, что в них есть живые существа, эволюционировавшие в процессе собственного броуновского движения. Они удивительны, загадочны и доводят до отчаяния тем, что не позволяют людям посетить себя и исследовать. Их лозунг — «Титания для титанианцев».

— В: На что они похожи?

— О: Включения? Нечто вроде протовселенной. Они самосветящиеся; подлетев достаточно близко, чтобы рассмотреть их через наносную корку, можно иногда видеть, что они вспыхивают в такт, либо в противофазе. Очень вероятно, что между ними существует некая осмотическая или молекулярная связь, которая…

— В: Нет, нет. Аборигены. Жители Титании. На что похожи они?

— О: О, титанианцы… На что похожи? На итальянцев, англичан, французов, китайцев, немцев, на вашу жену, на вашего мужа, на трех любовни-

ков, двух дантистов и куропатку на ветке.[7]

— В: Не надо шутить. На что они похожи?

— О: А кто тут шутит? Они похожи на любое живое существо. Титанианцы — полиморфы, то есть, в переводе на нормальный язык, они могут принять любую форму, какую им только заблагорассудится.

— В: И любой пол?

— О: Нет. Мальчики есть мальчики, а девочки есть девочки, и размножаются они не почкованием.

— В: Это — чуждая цивилизация?

— О: Чуждая, но не в смысле, что с какой-то там далекой звезды. Они — продукт сугубо домашнего, внутри-солнечносистемного производства, хотя отличаются от нашей расы буквально во

---

[7] Notes: 7

Один из наиболее известных образцов английской детской поэзии — рождественская песенка (одновременно — игровое стихотворение) *«Двенадцать дней Рождества»*.

В первый день Рождества мне любимый прислал
Одну куропатку на ветке.
На второй день Рождества мне любимый прислал
Двух серых горлиц
И одну куропатку на ветке.

Итак далее, по нарастающей, вплоть до последней строфы:

На двенадцатый день Рождества мне любимый прислал
Двенадцать барабанщиков, барабанщики барабанили

Одиннадцать лордов, лорды скакали
Десять флейтистов, флейтисты свистели
Девять жонглеров, жонглеры жонглировали
Восемь молочниц, молочницы доили
Семь лебедей, лебеди плыли
Шесть гусей, гуси лежали
Пять золотых колец,
Четырех черных Дроздов.
Трех французских куриц,
Двух серых горлиц
И куропатку на ветке.

Здесь Одесса Партридж обыгрывает свою фамилию, но это — не последнее употребление «Двенадцати дней Рождества» в данном романе.

всем.

— В: Это древняя цивилизация?

— О: Возникла она не позже земного третичного периода, миллионов эдак пятьдесят лет тому назад.

— В: Примитивная?

— О: Нет, они ушли так далеко вперед, что нам и спины их не видно.

— В: Почему же тогда титанианцы никогда не посещали Землю?

— О: А с чего вы решили, что не посещали? Не исключено, что фараон Тутанхамон был титанианцем. Или Покахонтас. Или Эйнштейн. Или Рин-тин-тин. Или Гигантский Моллюск сумасшедшего ученого, тот, который расколошматил Кубу… или это был Сумасшедший Моллюск гигантского ученого?

— В: Как? Они что, опасны?

— О: Ни в коем случае, они полны забав и проказ. Никогда не знаешь, что они придумают через секунду. Эльфы и феи неожиданностей.

И одна из этих фей влюбилась в Синэргиста.

Сам Синэргист об этом и не подозревал, но мы следили за ним и пользовались им вроде как охотничьей собакой многие уже годы: он проходил у нас под кодовым именем «Пойнтер». Вам,

конечно, интересно, как это мы его использовали. Поясню на примере.

Солнечную завалили поддельными монетами и жетонами, безукоризненно изготовленными из мельхиора — вместо полагающегося серебра. Мы сПЛАНировали операцию (ПЛАН — это аббревиатура Программы Логического Анализа Направлений) — то есть изучили схемы перемещения подделок с Марса во все уголки Солнечной системы, однако никакого планирования в прямом смысле этого слова не получилось. Нам не удавалось обнаружить Критический Путь, по которому следует нанести удар. Иными словами, мы хотели, но не могли найти одну ниточку, оборвав которую разом можно было бы покончить со всей паутиной.

Так вот, «Пойнтер» находился в Лондонском Куполе, работая над крупным материалом по кокни для агентства «Солар Медиа». В процессе он изучил все относящиеся к делу структуры, включая традиционный рифмованный сленг кокни. Ну, знаете — «кружка» вместо «документ» — кружка пива — ксива: «прыгда» вместо «тюремное заключение» — прыг да скок — срок; «шик» вместо «треск» (а «треск», надо вам сказать, это и есть фальшивые деньги) — шик и блеск — треск.

Вот тут мы и нашли вожделенный наш Критический Путь.

Дело в том, что на Новом Стрэнде располагался антикварный магазин «Шик и блеск», специализировавшийся на старинных кубках, наградных, изукрашенных чеканкой мечах и шпагах, каких-то там необыкновенных жезлах, булавах, председательских молотках — в общем, на всякой такой хурде-мурде. Магазин весьма шикарный, весьма дорогой. Мы-то, высунув языки, прочесывали все плавильные мастерские — искали, откуда берутся липовые монеты, а вот он, источник этот, прямо у нас под носом, да еще с бессознательной подсказкой на вывеске. В этих старинных кубках не было ни грамма серебра, чистейший мельхиор.

Мы располагали уймой информации про «Пойнтера», служба обязывала, но происхождение этого чуда природы оставалось для нас загадкой — он и сам его не знал. Для объяснения странной этой ситуации я, пожалуй, опишу вам первую свою с ним встречу — вскоре после того, как мы догадались, что можем использовать его уникальные способности в своих целях.

Произошло это в доме Джея Йейла, на очередном замечательном сборище. Джей — профес-

сиональный искусствовед и коллекционирует людей ровно так же, как и картины. Среди дюжины гостей был и главный протеже Йейла, Синэргист. Этот высокий, угловатый парень, лет примерно тридцати, производил странноватое впечатление: все время казалось, что без одежды ему было бы удобнее.

Так вести себя умеют очень немногие знаменитости, только самые из них лучшие — а ведь Синэргист действительно был в некотором роде знаменит. Веселый, уравновешенный, он вроде как не принимал себя всерьез; все время ощущалось — он искренне считает, что мало заслужил свою славу, что главное тут — слепая удача.

Человек, добившийся успеха, спокойный, уравновешенный и вообще лишенный каких бы то ни было видимых изъянов, легко вызывает враждебное к себе отношение. Изъянов внутренних, личных у Синэргиста хватало, тут уж и к бабке не ходить, но был также и один наружный, любопытный и невольно приковывавший внимание — крайне необычные изображения солнечного диска, даже не вытатуированные, а прямо вырезанные на обеих его щеках. В попытке хоть немного прикрыть неожиданные эти орнаменты Синэргист всегда носил огромные очки в толстой

черной оправе; у него образовалась привычка опускать очки вниз, чтобы спрятать шрамы получше, привычка настолько автоматическая, что она почти превратилась в тик.

Конечно же, это был Роуг Уинтер; когда во время болтовни возникла небольшая пауза, я спросила его:

— «Роуг»[8] — это что, прозвище?

Спросила, как вы понимаете, сугубо для завязки разговора, я знала о нем буквально все.

— Нет, — ответствовал он серьезно и даже торжественно. — Это сокращение, а полное имя — Роуг Элефант, то есть Слон-убийца. Доктор Йейл подобрал меня в Африке, застрелив предварительно мою мать. Ее скрестил с гориллой некий скотовод, пришелец с альфы Волопаса. — Он подергал очки. — Нет, зачем же я вру. В действительности это сокращение от Самец-Негодяй, Йейл подобрал меня в борделе, пристрелив предварительно бандершу. Милейшая мадам Брюс, она была мне как мать!.. — Снова очки. — Но если вы хотите знать *истинную правду*, — все это убий-

[8] Notes: 8

Rogue (англ.) — негодяй, мошенник, злодей, бродяга; в качестве прилагательного употребляется для обозначения особей, резко отличающихся от своего биологического вида: одиноких, злобных и агрессивных животных (вроде медведя-шатуна).

ственно серьезным голосом — то мое полное имя — Уинтер с роуг-галереи, Бандитской Витрины. Застрелив главного инспектора Скотленд-Ярда, доктор Йейл…

— Перестань, сынок, перестань, — рассмеялся Йейл. Смеялись и все остальные. — Расскажи хорошей тете, каким образом сделал я величайшее открытие своей жизни.

— Ничего не знаю про эту самую величайшесть, сэр, но открытие — ваше, вы о нем и рассказывайте. Кой черт, неужели я способен слямзить у вас такое удовольствие?

— Да, — улыбнулся Йейл, — я дал тебе вполне приличное воспитание. Короче, разведчики Маори подобрали на Ганимеде, среди обломков космического корабля, младенца, остальные пассажиры погибли. Нежное создание было доставлено в купол, где его усыновил сам король — или вождь, я в этом плохо разбираюсь — Те Юинта.

— У него не было сыновей, — пояснил Уинтер, — одни дочки. Когда Юинта умрет, я сразу стану большой шишкой — как ни говори, все-таки король.

— Теперь вам должно быть понятно, откуда взялись на щеках Роуга знаки королевского до-

стоинства, которых он так стесняется — уж не знаю и почему.

— Дело в том, что перед ними не может устоять ни одна девушка, — сказал Уинтер, снова подергав очки. — Не может устоять на месте и бежит, бежит, бежит…

Зная послужной список Роуга по женской части, я едва не хихикнула — и была почти уверена, что он это заметил.

— Маори назвали младенца Роуг, — продолжал Йейл. — Только эти буквы и можно было разобрать из всего идентификационного названия корабля. Р-черточка-О-Г. Р-ОГ Юинта, произносится с долгим «о», как Роуг. Верно, сынок?

— По звуку это больше похоже на Р-хрюк-Г, сэр, — сказал Уинтер и произнес свое имя на манер маори. — У некоторых возникает желание ответить: «Gesundheit».[9]

— Конец первого акта, — объявил Йейл. — Акт второй. Я прибываю в купол Маори, чтобы посмотреть на их восхитительную резьбу по дереву, и натыкаюсь на десятилетнего мальчишку, гуляющего со своей старшей сестрой. Платье сестры расшито бусами, мальчишка тычет в эти бусы

---

[9] Notes: 9
Здоровье (нем.), говорится при чихании; букв. «будьте здоровы!"

пальцем и пытается объяснить найденную им закономерность их расположения.

— И что же это была за закономерность? — спросила я.

— Скажи хорошей тете, Р-хрюк-Г.

— Там же все было совсем просто. — Уинтер снова подергал очки. — Бусинки и пустые стежки располагались треугольниками:

Красный-Красный-Красный-Красный-Красный
Стежок-Стежок-Стежок-Стежок
Черный-Черный
Стежок

— Да избавит Господь простых смертных от гениев! — в деланном отчаянии закатил глаза Йейл. — Вы слышали, как этот молодой человек сказал «треугольник»? И он всегда так: и говорит, и живет сплошными структурами. Придется мне перевести. Королевский сын ткнул в группу из восьми красных бусинок и поднял один палец. Затем он ткнул в четыре стежка и сделал жест, обозначающий у маори нуль. Затем — две черные бусинки и опять один палец вверх. Пустой стежок и знак нуля. Затем он провел ладонью по треугольнику и поднял вверх все десять пальцев. Его сестра захихикала, она боится щекотки, и это было мое открытие.

— Какое? — спросила я. — Что девочки боятся щекотки?

— Конечно же нет. Что ее брат — гений.

— В области вышивания бусами?

— Покрутите шариками, мадам. Одна группа из восьми бусин, нет четырех; одна из двух, нет одной. Королевское дитятко считало в двоичной системе. Один-нуль-один-нуль равно десяти.

— Это же было совсем просто, — повторил Уинтер.

— Чего? Просто? — негодующе фыркнул Йейл. — Просто неграмотный голозадый ребенок из племени маори взял себе и открыл двоичную систему счисления. Ну, я, конечно же, договорился с королем Те Юинтой, отвез Р-хрюк-Г на Землю, заменил маловразумительное имя мальчишки на простое английское Роуг Уинтер и взялся за его образование. И тут возникла неожиданная проблема: в какую, спрашивается, дыру надо заткнуть ребенка с гениальными способностями по части структур?

— Математика? — неуверенно предположила я.

— Это было номер два. Из-за личных моих склонностей номером первым стало искусство. Парень поехал в Париж, начал с блеском, но за-

тем как-то поскучнел и бросил занятия. Потом математика в МТИ — с тем же результатом. Архитектура в Принстоне, бизнес в Гарварде, музыка в Джуллиардской школе, медицина в Корнеллс, конструирование куполов в Тальесине, астрофизика в Паломаре — везде одна история: блестящее начало, потеря интереса, отчисление.

— Все эти науки какие-то узкие, раздельные, — пожаловался Уинтер. — Части целого, совершенно друг с другом не связанные. А мне было нужно именно целое.

— К моменту, когда у меня окончательно опустились руки, этот красавец достиг уже совершеннолетия, так что подумал я, подумал — и выгнал его.

— Сопроводив это поркой, — Уинтер съежился, словно от страха и боли.

— Сопроводив это тысячей кредитов на Wanderjahr и строгим указанием: не возвращаться, пока не выяснишь, чего же ты, собственно, хочешь. Честно говоря, я ожидал, что он приползет на брюхе, нищий, оборванный и послушный…

— Как холоп и негодяй.[10]

— А это откуда? — поинтересовалась я.

---

[10] Notes: 10
Rogue (англ.).

— Гамлет, акт второй, сцена вторая, — прошептал Уинтер. — Потихоньку от Йейла я занимался английской литературой, только об этом — никому, ладно? Ну, знаете, это такой курс — писатели Англии, части первая и вторая. Здесь тоже провалился, — добавил он. — Благодаря излишествам в употреблении миног.

— И представьте себе мое удивление, когда вваливается этот молодой человек, целенький и веселенький, с карманами, буквально лопающимися от денег, и пленкой, описывающей самое потрясающее интегрирование, какое в жизни своей видела наша Солнечная система. Вы все, вероятно, помните бестселлер «В ногу». Роуг связал азартные игры на Луне…

— Я успел преумножить любезный дар доктора до сотни тысяч, но тут пошли разговоры, и меня перестали пускать в казино, — рассмеялся Уинтер. — А заодно стали обзывать ирландским жуликом.

— …с урожаем кукурузы в Канзасе, с Мета на Тритоне, модами на Ганимеде, феминистическим движением на Венуччи, аукционами произведений искусства на Каллисто — связал все это в структуру, охватывающую всю Солнечную систему, структуру, совершенно — после его книги

— очевидную, хотя никто ее прежде не замечал. «Слава Тебе, Господи, — вздохнул я, — наконец-то он себя нашел». Он оказался синэргистом.

ФЕЯ И СИНЭРГИСТ

Синэргия, сущ. Совместное действие или функционирование. Согласованное действие нескольких отдельных сил, происходящее так, что суммарный результат превышает сумму результатов раздельного действия этих сил.

Ной Уэбстер, 1758-1843

Не думайте, что синэргическое чувство Роуга Уинтера откликалось на любую структуру и конструкцию, были у него и слепые (глухие) пятна, многие из них — тривиальные, некоторые — серьезные. Наиболее серьезным оказался тот факт, что он реагировал на структуры трех языков, но осознавал это только в отношении двух из них. Вот тут-то и лежит причина, ввергнувшая его в пучину бедствий.

Уинтер говорил на солярном-вербальном — ведь он был инквизитором (в двадцатом веке это называлось «расследующий репортер»), и слова, понятные во всей системе, служили ему рабочим инструментом. Он знал и понимал сома-гештальт (в двадцатом веке это называлось «язык тела»);

общаясь в ходе своих расследований с превеликим множеством незнакомых людей самого различного положения, он по прямой необходимости научился понимать, что именно они недоговаривают, что кроется за произносимыми ими словами.

Все это Уинтер знал, а не знал он того, что откликается на сигналы Anima Mundi, которая, собственно, и порождала его необыкновенное синэргическое ощущение структур. Когда-то я считала причиной такой гиперчувствительности страшное потрясение, полученное им в младенческом возрасте, при крушении корабля. Теперь-то понятно, что все дело в эксперименте Круппа и Декко, а загадочная величина икс, квадратично возросшая у Роуга, — то, что я называю про себя «видение». Именно благодаря этому чувству он видит в разрозненных вроде бы фактах и событиях черты, позволяющие связать их в синэргичное единство.

Anima Mundi — это Мировая Душа, лежащая в основе всего бытия. По латыни Anima — дыхание, жизнь, душа, а Mundus — мир, вселенная. Anima Mundi — космический дух, преисполняющий все живые существа и даже — как считают некоторые — все неодушевленные предметы. Я и сама

в это верю. У старого дома всегда есть и свой дух, и свой норов. Вы встречали, вероятно, картину, недовольную местом, отведенным ей в дому и прямо-таки бунтующую, наотрез отказываясь висеть прямо? А стулья? Разве они не требуют к себе внимания, толкая проходящих мимо? А хмурые лестничные ступеньки, норовящие подставить нам ножку?

Почти все мы откликаемся на голос Души и находимся под ее влиянием. Мы воспринимаем некоторые очевидные вещи — «душу», «вибрации», «экстрасенсорику», по разному чувствуем себя при разной погоде, ночью и днем, но не способны понять, что это — лишь крохотные наружные грани Мировой Души, лежащей в основе всего сущего.

Роуг Уинтер чувствовал ее влияние лучше, чем кто-либо другой и в то же время абсолютно об этом не догадывался. Он воспринимал основополагающие структуры, хорошим примером чего может служить случай, рассказанный фламандской девушкой.

Выполняя задание на Марсе, Роуг решил устроить себе выходной и отправился в валлийский купол порыбачить в соленом озере — там стараниями местных жителей водились целаканты,

четвероногие рыбы, чудом сохранившиеся на Земле с мелового периода. Он забрасывал блесну на восток, навстречу стаям этих диковин, которые имели привычку кормиться, передвигаясь с востока на запад. Неожиданно — сам-то Уинтер считал, что придумал способ перехитрить рыбу, но в действительности неосознаваемое седьмое чувство заставило его подчиниться приказу Anima Mundi — неожиданно он развернулся и начал бросать блесну на запад.

Рыба не клевала. Прошло несколько минут, и на пустынном берегу появилась девушка с густой копной темно-золотистых волос; вся ее одежда ограничивалась коротко обрезанными джинсами. Опустив на землю две тяжелые продуктовые сумки, которые она несла без помощи нуль-гравитации, девушка растерла уставшие руки, улыбнулась и сказала:

— Привет.

Французский акцент мгновенно очаровал Уинтера; к тому же незнакомка не уставилась на маорийские знаки королевского достоинства, и это переполнило его благодарности.

— Добрый вечер. Куда вы идете?

— Я приехала сюда погостить, живу в соседнем

поселке. А сейчас ходила покупать dineur.[11]

— А откуда вы приехали?

— С Каллисто.

— Я считал, что на Каллисто сплошные голландцы.

— Вы никогда не visite Каллисто?

— Пока не приходилось.

— Там совсем не сплошные Hollandeux.[12] Это же Бенилюкс, comprendez? Там и Фламандия, и Бельгия, и Люксембург… Я из фламандского купола. А вы рыбу ловите?

— Как видите. Хотите рыбу на dineur? — Уинтер подтянул блесну. — Поплюйте на нее, — предложил он девушке, — тогда точно повезет.

Беспардонная, конечно, ложь, но если перед тобой такое личико и такая грудь…

Девушка смущенно замялась и плюнула на блесну — очень деликатно — только тогда, когда рыболов отвел глаза в сторону. Уинтер забросил на глубокое место, начал короткими рывками выбирать леску и вдруг почувствовал, что на крючок попалась очень большая рыба. Он громко рассмеялся, сам не веря своей удаче, и начал

---

[11] Notes: 11
Обед (фр.).

[12] Notes: 12
Голландцы (фр.).

подтягивать рыбу — действительно тяжеленную: девушка буквально приплясывала от возбуждения. Леска становилась все короче и короче, последний рывок — и на берегу оказалось детское тельце.

— Dieu![13] — буквально простонала девушка. — Это же fille[14] Меганов. Она утонула, а тело никак не могли найти.

— Матерь Божья. — Отцепив от крошечного купальника крючок, Уинтер взял мертвую девочку на руки. — Куда ее отнести?

А что причиной всему его седьмое чувство, бессознательно откликнувшееся на призыв Anima — об этом ни малейших подозрений. Несбалансированная смерть должна была найти свое место в общей структуре Мировой Души, вот почему его и потянуло на запад. Обошлось бы, конечно, и без нашего героя. Нашлись бы другие естественные факторы, готовые откликнуться на призыв, но под рукой был Роуг Уинтер со своим видением — он-то и оказался первым.

А способность делать неожиданные открытия, случайно находить то, о чем даже не помышлял?

---

[13] Notes: 13
Боже! (фр.).

[14] Notes: 14
Девочка, дочка (фр.).

Она его забавляла, она его удивляла, но и здесь он не усматривал какого-то там влияния какой-то там Души. Идешь себе потихоньку из пункта А в пункт Б, никого не трогаешь — и вдруг расшибаешь ногу о подвернувшееся на пути Х — ну как Гершель наткнулся на Уран. Именно эта способность и сделала Роуга нашим «Пойнтером».

Дальнейшие сведения об Уинтере извлечены из досье по проблеме Мета *(сов. СЕКРЕТНО. ТОЛЬКО ДЛЯ АГЕНТОВ КЛАССА АЛЕФ),* из раздела **«Операция Пойнтер».**

У него была странная память. Он великолепно, до микроскопических подробностей, помнил формы — но не цвета. Он помнил сюжеты и логику всего, что читал или видел, — но не адреса и телефонные номера. Он помнил в лицо каждого, с кем встречался в течение всей своей жизни, — но не их имена. Он вспоминал свои любовные увлечения в форме структур, совершенно неузнаваемых для дам, бывших предметом оных увлечений.

Он подвергнул себя весьма рискованной внутричерепной операции по вживлению искусственных синапсов, в результате чего получил прямую телепатическую связь со своим компьютером. Уинтер думал, а компьютер записывал,

печатая и/или графически иллюстрируя его соображения. Использование столь передовой методики доступно очень немногим. Тут необходимо полное сосредоточение — никаких случайных ассоциаций.

Чтобы разобраться в структуре, чтобы различить основу ткани событий, для этого он был готов на все — лгать, обманывать, очаровывать, воровать, принуждать, унижаться перед кем угодно и каким угодно образом, нарушать любую из Десяти Заповедей плюс Одиннадцатую (Не Дай Себя Сцапать). Да и нарушал их почти все — в ходе исполнения служебных обязанностей.

Возраст — тридцать три года, рост — шесть футов полтора дюйма, вес — сто восемьдесят семь фунтов, физическая форма — отличная. Разведен. Бывшая его жена, прелестная девушка с Луны, из купола Фриско, имела гибкое тело пловчихи, узкий разрез темных глаз, большую грудь и белокурые волосы, собранные обычно в высокую прическу — тип, никогда не оставлявший Уинтера равнодушным. Каждую свою фразу она украшала жаргоном, лунным по происхождению, но распространившимся со скоростью эпидемии: «Я от тебя торчу, сечешь? Только спать хочется — крыша едет, без понта. Надо давануть минут

шестьсот».

Очаровательная, легкомысленная, неизменно веселая, она — увы! — не страдала избытком интеллекта, так что брак распался. Уинтер любил женщин, но только как равных. Одна из его пассий — из той же самой, естественно, тощей грудастой породы — съехидничала как-то, что он и сам, пожалуй, не устроил бы себя в качестве равного.

Титанианская фея с этой задачей справилась.

Один день синэргии, а расхлебывай потом всю жизнь.

Уинтер только что вернулся с Венуччи, где собирал материал по местному феминистическому движению. Вернулся в шоке, тем более сильном, что кровавая стычка в куполе Болонья казалась совершенно лишенной смысла. Произошла эта стычка вечером предыдущего дня, предыдущего — это значит предшествовавшего Дню, Который Изменил Его Жизнь.

Квартира Роуга занимала целый этаж ротонды Beaux Arts,[15] комплекса, выстроенного в старом эдвардианском стиле, с панорамными окнами, каминами, а главное — толстыми стенами, за-

[15] Notes: 15
Изящные искусства (фр.).

щищавшими творцов друг от друга. В надежной звукоизоляции тонули и жалобные вопли колоратурных сопрано, пытающихся совладать со своими колоратурами, и электронное громыхание «Галактического гавота в соль миноре», и безостановочное бормотание какого-то типа, диктовавшего оксфордский словарь английского языка для перевода его на новояз.

Берлога была старомодной и в точности соответствовала вкусам Уинтера — просторная гостиная с георгианской мебелью, маленькая кухня, умывальная комната с огромной шестифутовой ванной, две спальни — одна большая, другая — совсем маленькая. Маленькая спальня аскетичностью своей походила на монашескую келью, а большая — на бардак, такой беспорядок царил в этой комнате, превращенной в студию. Стены ее были увешаны полками с книгами, пленками, кассетами, компьютерными программами: здесь же стоял стол, размерами подходивший для какого-нибудь конференц-зала, но исполнявший роль письменного, а также компьютер, тот самый, с которым Уинтер имел телепатическую связь — прекращая работу с ним, нужно было обязательно проверить, заблокирован ли вход, иначе машина писала без разбора

все, о чем думал ее хозяин. Ну и, конечно, кипы бумаги, груды чистых кассет, на полу — ворох старых статей, и, словно змеи, заждавшиеся Лаокоона и его сыночков, извиваются какие-то драные пленки.

Ошарашенный и мрачный, Уинтер не стал распаковывать дорожную сумку и даже не переоделся — хотя лайнеры Алиталии не слишком-то знамениты своей чистотой. Вместо этого он вооружился бутылкой виски, уселся в гостиной на диван, закинул ноги на кофейный столик и принялся доводить себя до невменяемости — чтобы хоть немного очухаться. Вчера вечером он убил человека — впервые в жизни.

Чаще всего поворотные моменты судьбы — это действительно моменты, события буквально секундные. Схватка, перевернувшая всю жизнь Уинтера, произошла в полумраке Центральных Садов купола Болонья и продолжалась три секунды. Он пришел сюда на свидание, но вместо опаздывавшей девушки из кустов выскочил здоровенный гориллоид со здоровенным же ножом — и вполне очевидными намерениями.

Многолетние тренировки с детства отточили реакцию Уинтера. Он не противопоставил силе силу — как, видимо, от него ожидалось — а рассла-

бился, упал навзничь, перекатился под ногами замешкавшегося от неожиданности противника и прыгнул ему на спину. Два удара коленом в пах, захват двумя руками правой — вооруженной — кисти, резко хрустнула ломаемая кисть — и правая сонная артерия гориллоида вспорота его же ножом. Все это — за какие-то три секунды свистящей тишины. Умирал нападавший гораздо дольше.

— Ну зачем ты полез, дурак несчастный? Зачем? — Уинтер потряс головой, отгоняя воспоминания.

Тремя рюмками позднее его посетило вдохновение.

— Девушка, вот что мне сейчас нужно. Забыть все эти заморочки и ждать, пока структура прорисуется сама.

— Валяй, — ответил один из многочисленных Роугов, обитавших в его сознании (их там было с дюжину, а то и больше), — только ты ведь оставил свою красную адресную книгу в студии.

— Ну какого, спрашивается, хрена не могу я записывать девушек в прославленную изящной литературой черную книжечку?

— А какого, спрашивается, хрена не можешь ты запоминать телефонные номера? Ладно, оставим

глупые вопросы. Ну что, по бабам?..

Он позвонил по трем телефонам — безо всякого успеха. Он выпил еще три рюмки — с успехом более чем удовлетворительным. А потом разделся, улегся в своей монашеской келье на свою японскую кровать, некоторое время ворочался, бормоча под нос какие-то ругательства, и в конце концов уснул. И снились ему совершенно бредовые структуры

труктуры
руктуры
уктуры
ктуры
туры
уры
ры
ы

Встал Уинтер очень рано и почти сразу вылетел из дома. Сперва — на телестудию, обсудить с продюсером сценарий. Затем — к издателю, скандалить насчет иллюстративного материала. На закуску — в «Солар Медиа». Он проследовал по издательским коридорам, щедро из без каких бы то ни было предубеждений целуя, иногда даже ущипывая всех встречных сотрудниц; этот церемониальный марш завершился в кабинете

Аугустуса (Чинга) Штерна. Чинг был главным редактором.

— Набрал на статью, Рогелла?

— Набрал.

— Срок три недели.

— Уложусь. Какой-нибудь пустой кабинет на час или около найдется? Нужно позвонить в уйму мест, а тут еще производственный отдел прислал гранки вычитывать. Они просили сделать прямо сегодня.

— Что за статья?

— «Пространство и дебильность: умственная недостаточность в E = Mc*2.

— Ни хрена себе! Она должна была уже вчера лежать в лаборатории. Бери комнату для совещаний, Рогелла, на сегодня никаких мозговых штурмов не намечено.

Уинтер устроился в комнате для совещаний, быстро покончил с телефонными разговорами, позвонил в архив, чтобы переписали в свои файлы привезенный с Венуччи материал, пальцами прочитал магнитную пленку гранок — еще одна грань синэргических способностей — впал в дикую ярость, позвонил Чингу Штерну и понес его по кочкам.

Дверь приоткрылась, и в комнату осторожно

просунулась голова — с узким разрезом темных глаз и белокурыми, неровно выгоревшими на солнце волосами, уложенными в высокую прическу. Деми Жеру из корректорской.

Уинтер махнул рукой, приглашая девушку войти, а затем той же рукой послал ей воздушный поцелуй, все это — ни на секунду не прекращая лить в интерком поток ругательств.

— Я начал вычитывать гранки этой дебильной статьи, и вдруг оказывается, какой-то сукин сын все переделал! Ну сколько мне раз говорить, чтобы не давали никаким раздолбаям курочить мои тексты? Хотите что-нибудь изменить — чего проще, скажите мне, я сам все сделаю. Мне не нужны в соавторы никакие хитрожопые засранцы!

С треском опустив трубку интеркома, Уинтер обернулся к совершенно перепуганной девушке и одарил ее лучезарнейшей из своих улыбок.

— Деми, ты — истинная услада глаз моих, с трудом разлипающихся после вчерашней пьянки. Подойди поближе, дяденька тебя обнимет. — Он широко раскинул руки и почувствовал, как дрожит все ее тело. — Несравненный ты мой корректор, весь исходный материал по Венуччи ждет.

— А я уже не корректор. — Произношение Деми

было по-виргински мягким.

— Только не говори мне, что эти ублюдки уволили мое Сокровище Океана.

— Меня повысили. Теперь я младший редактор.

— Поздравляю! Давно пора, сколько можно закапывать в землю таланты умненькой девочки из… как там назывался этот твой дурацкий колледж?

— Мэримонт.

— Во-во. А зарплату прибавили?

— Увы.

— Вот же гады! Ничего, все равно отметим. Идем сейчас куда-нибудь, и я напою тебя в стельку.

— Вряд ли захочешь, Роуг.

— А чего это?

— Ну… мне дали первую работу… это оказалась твоя олигофренная статья.

— Ты хочешь сказать, что ты и есть тот самый сукин сын, который?… И ты слышала, как я орал все это в трубку? — Уинтер громко расхохотался и чмокнул густо покрасневшую девушку. — Вот тебе первый урок, как надо со мной обращаться. А материал по феминисткам — он что, тоже пойдет к тебе?

— Меня приставили к тебе постоянно, —

смущенно кивнула Деми. — Это поможет мне набраться опыта, полагает мистер Штерн.

— Очень интересно, какой именно опыт имеется в виду. Ну что ж! Полюбуйтесь, перед вами — Деми Жеру, дьяволица из Диксиленда, а отныне — мой личный редактор!

Глубоко, судорожно вздохнув, девушка опустилась на один из стульев. Сейчас в ней сквозила трогательная смесь решительности и страха.

— Мне бы хотелось совсем другого.

— Да?

— Помнишь, ты рассказывал, как ужинал однажды у каких-то ирландцев?

— Чего-то не припомню.

— Ну, когда ты водил меня завтракать в Грот Кошерной Морской Пищи «Эй, на встречном космическом!»

— Завтрак помню, но что я там рассказывал — хоть убей.

— Какой-то… какой-то ребенок ползал у всех под ногами, ты взбесился и пнул его.

— Господи ты Боже! — засмеялся Уинтер. — Ну конечно! Это было в куполе Дублин. Никогда не забуду, как все прямо окаменели от ужаса. Поступок жуткий, кто бы спорил, но ты себе не представляешь, какое это было занудное сбо-

рище.

— А ребенок посмотрел на тебя с обожанием.

— Точно. Лайаму уже лет восемь, и он все еще меня обожает. Пишет мне письма на гэльском. Можно подумать, у этого мальчишки врожденная страсть такая — чтобы его пинали.

— Роуг, — негромко сказала Деми. — А ведь ты и меня пинал.

— Я? Пинал?

Уинтер был поражен, его охватила непривычная дрожь, по всей коже пробежали мурашки Откровенные предложения встречались ему и прежде, но не в такой же форме.

«Я что, делал ей авансы?»

«Неужели она ощутила взаимное между нами притяжение, о котором я сам никогда и не подозревал?»

«А может, я вру?»

«Может, я все время только этого и хотел?»

Все эти противоречивые, взаимоисключающие вопросы метались в голове Уинтера, но искать на них ответы было уже поздно. Он встал, притворил дверь комнаты, поставил стул прямо перед стулом девушки, сел и взял ее за руки.

— Что с тобой, Деми? — Сейчас он говорил нежно, без следа прежней иронии. — Безнадежная

любовь?

Деми кивнула и начала тихо всхлипывать. Роуг осторожно вложил ей в руку носовой платок.

— Надо быть очень храброй, чтобы сказать такое. И давно это у тебя?

— Я не знаю. Это… это просто как-то вот случилось.

— Прямо сейчас?

— Нет, не сейчас… как-то само собой случилось.

— А сколько тебе, радость моя, лет?

— Двадцать три.

— И ты любила кого-нибудь раньше?

— Это все не то, я никогда не встречала таких, как ты.

Уинтер внимательно оглядел безнадежно ревущую девочку с узкой талией и большой грудью. А потом тяжело вздохнул.

— Послушай, — начал он, осторожно подбирая слова. — Во-первых, я очень тебе благодарен. Ведь такое вот предложение любви — все равно что сокровище на конце радуги, оно достается совсем немногим. Во-вторых, я тоже могу тебя полюбить, но ты должна понять почему. Когда предлагается любовь, ответом может быть только любовь, тут нечто вроде шантажа, только шантаж этот — пре-

красен. И я сейчас развлекаю тебя такими вот до тупости очевидными истинами с единственной целью, чтобы ты не промочила мой носовой платок насквозь.

— Я знаю, — кивнула Деми. — Тебе всегда можно верить.

— Так что получить меня можно. Я и вообще маньяк по части женщин — единственный, наверное, мой порок, — а сейчас девушка нужна мне, как никогда, только… Посмотри сюда, Деми, и слушай меня внимательно. Тебе достанется только половина мужчины, а может, и меньше. Большая часть меня принадлежит работе.

— Потому ты и гений.

— Прекрати это слюнявое обожание!

Уинтер резко встал, подошел к огромной карте Солнечной системы и начал ее изучать — без особого, правда, интереса.

— Боже милосердный, так ты и вправду твердо решила меня заарканить?

— Да, Роуг. Мне и самой это не нравится… да.

— И что, никакой пощады? Наш покойный друг, великий Роуг Уинтер подшиблен влет мэримонтской тихоней, каковой факт снова и непреложно доказывает, что я — придурок, способный сказать «нет» кому угодно, кроме девушки.

— Ты боишься?

— Конечно, боюсь, только куда же мне деться? Хорошо, давай начнем.

Деми с разбегу бросилась Уинтеру в объятья и поцеловала его плотно сжатые губы.

— Мне нравится, какой у тебя рот, — пробормотала она, задыхаясь. — Твердый, крепкий. И руки тоже крепкие. Роуг… Роуг…

— Это потому, что я — маори, дикарь.

— Таких как ты вообще больше нет.

— А нельзя ли приглушить малость это благоговение? У меня и так хватает тщеславия.

— Господи, никогда бы не поверила, что получу тебя.

— Да? Расскажи кому другому. Прошу вас. Высокочтимые святые предки царственного семейства Юинта, — молитвенно возвел глаза к потолку Роуг, — благородные короли, пятнадцать поколений правившие маори, те, чьи души покоятся в левом глазе Те Юинты… прошу вас, не дайте этой паучихе сожрать меня с потрохами.

Деми восторженно присвистнула и захихикала.

— Что может поделать благородный дикарь, когда на него нацелилась девица? Он окружен, он обречен, он пропал безвозвратно.

— В левом глазе? — уточнила Деми.

— Ага. А ты что, не знала, что душа обитает в левом глазе? У маори это каждому ребенку известно.

Зажмурив правый глаз, он посмотрел на светившуюся восторгом и предвкушением девушку.

— Какого черта, Деми. Пойдем, отметим это дело, только теперь я не тебя буду накачивать, а надерусь сам. Чтобы приглушить свои страдания.

Деми снова присвистнула.

Сударыня, будь вечны наши жизни,

Кто бы стыдливость предал укоризне?

Сперва ей потребовалось по-кошачьи обследовать всю квартиру, осмотреть, иногда — бегло, иногда — подолгу любуясь, всю мебель, все картины, книги и кассеты, все сувениры, собранные по различным уголкам Солнечной системы. Деми изумленно — и несколько старомодно — приподняла бровь при виде шестифутовой ванной (предмета совсем еще недавно — до наступления эры Мета — незаконного), недоверчиво покосилась на японскую кровать — толстый белый матрас на огромном брусе черного дерева — и слегка застонала при виде кошмарного беспоряд-

ка в студии.

Вы б жили где-нибудь в долине Ганга
Со свитой подобающего ранга,
А я бы в бесконечном далеке
Мечтал о вас на Хамберском песке.

— А чем я тебе понравилась?

— Когда?

— Когда поступила на работу в «Солар».

— С чего это ты решила, что я обратил на тебя внимание?

— Ты позвал меня в ресторан.

— На меня произвела впечатление твоя непоколебимость.

— Какая, конкретно, непоколебимость?

— В борьбе за предоставление Вулкану достойного места в братской семье планет.

— Никакого Вулкана не существует.

— Вот потому-то ты мне и понравилась.

— А что это у тебя в шкатулке?

— Лицо фарфоровой куклы. Я нашел его на Марсе, в куполе Англия. Подобрал из мусора и без ума влюбился.

— А вот это?

— Кончай, Деми. Ты что, вознамерилась изучить всю мою прошлую жизнь?

— Нет, но ты все равно скажи. Такая странная штука.

— Это — слезка из Башни Драгоценностей, которая на Ганимеде, в куполе Бурма.

— Башня Драгоценностей?

— Они делают синтетические драгоценные камни ровно тем же способом, как столетья назад в дроболитейных башнях делали дробь. В тот раз отливали красные рубины, эта капелька не получилась сферической, вот ее и отдали мне.

— Такая интересная, внутри словно цветок.

— Да, это и есть изъян. Хочешь, подарю?

— Нет, благодарствую. Я намерена получить с тебя нечто большее, чем порченные рубины.

— Вот уже и агрессивность появляется, — сообщил Уинтер стенам своей гостиной. — Загнала меня в угол и решила, что теперь можно не скрывать истинное свое лицо.

Начав задолго до Потопа вздохи,
И вы могли бы целые эпохи
То поощрять, то отвергать меня —
Как вам угодно будет — вплоть до дня
Всеобщего крещенья иудеев!

— А чем понравился тебе я, когда ты увидела меня в «Солар»?

— Как ты двигаешься.

— Это что — язык на плечо и едва волочу ноги?

— Господи, да ты что! Твой ритм.

— В действительности я — негр, у нас врожденное чувство ритма.

— Какой ты там негр, ты даже не настоящий маори. — Деми чуть тронула его щеку кончиками пальцев. — Я знаю, откуда эти шрамы.

Роуг чуть опустил свои очки.

— Ты все делаешь как-то четко, размеренно. — Она несколько раз качнула рукой. — Словно ритм-секция оркестра. И двигаешься, и говоришь, и шутишь…

— А ты что, никак на музыке задвинутая?

— Вот я и захотела попасть тебе в такт.

Уинтер замер, не донеся рубиновую слезку до шкатулки; лучи вечернего солнца осветили Деми под неожиданным углом, и на мгновение она стала похожей на Рэйчел Штраус из «Солар Медиа», с которой у него были когда-то весьма сложные и запутанные отношения.

Любовь свою, как семечко, посеяв,
Я терпеливо был бы ждать готов
Ростка, ствола, цветенья и плодов.

Уинтер начинал чувствовать себя несколь-

ко неуютно, с прежними девушками такого не бывало.

— Невнятное у нас какое-то начало получается, — пожаловался он.

— С чего это ты решил? А по моему — сплошные игры и веселье.

— Кто тут веселится?

— Я.

— А я что должен делать?

— Лови мелодию и подыгрывай.

— Каким ухом, левым или правым?

— Средним. Там, кажется, пребывает твоя душа?

— В жизни не встречал таких бредовых и наглых девиц.

— Если хотите знать, сэр, мне приходилось выслушивать оскорбления от людей и получше вас.

— Это от кого же?

— От тех, кому я отказывала.

— Оставляешь меня в неведении?

— Да, с тобой по-другому нельзя.

— Черт побери, меня переиграли, — пробормотал Уинтер. — Силы явно не равны.

Столетие ушло б на воспеванье
Очей; еще одно — на созерцанье

Чела; сто лет — на общий силуэт,
На груди — каждую! — по двести лет,
И вечность, коль простите святотатца,
Чтобы душою вашей любоваться.

— Вот уж последнее, чего я от тебя ожидала, — улыбнулась Деми.

— Что последнее?

— Что ты окажешься таким стеснительным.

— Я? — возмутился Роуг. — Стеснительный?

— Да, и мне это очень нравится. Глазами уже все ощупал, а в остальном

— никаких поползновений.

— С негодованием отрицаю.

— Скажи мне, что ты видишь?

— Калейдоскоп какой-то идиотский.

— Ты бы объяснил попонятнее.

— Я… — он замялся. — Я не могу. Я… ты все время становишься другой.

— Каким образом?

— Ну… Волосы, например. Они то прямые, то волнистые, то светлые, то темные…

— А, да это новая краска для волос, «Призма». Она реагирует на длину световой волны. Посмотрел бы ты, что делает со мной телепрограмма

АРВ, я превращаюсь чуть не в северное сияние.

— И глаза — иногда темные и узкие, как у моей бывшей жены, а иногда раскрываются, как огромные опалы… В точности как у одной старой знакомой из Фламандского купола.

— Элементарный фокус, — рассмеялась Деми. — Это умеют все девушки. Мужчины падают, как громом пораженные — во всяком случае так считается.

Она сняла с Уинтера очки и нацепила их себе на нос.

— Ну что, теперь не так страшно?

— И… И груди. — Уинтер почти заикался. — Когда ты впервые появилась в агентстве, я еще подумал, что они… ну, такие трогательные крохотные бугорки. А теперь… теперь они… Ты что, наращивала их, пока я бегал по заданиям?

— Попробуем выяснить, — сказала Деми и начала расстегивать кофточку.

Но за моей спиной, я слышу, мчится
Крылатая мгновений колесница;
А перед нами — мрак небытия,
Пустынные, печальные края.
Поверьте, красота не возродится,
И стих мой стихнет в каменной гроб-

нице;
И девственность, столь дорогая вам,
Достанется бесчувственным червям.
Там сделается ваша плоть землею,
Как и желанье, что владеет мною.

— Не надо, — сказал Уинтер. — Пожалуйста, не надо.

— Почему не надо? Ты что, все еще стесняешься?

— Нет, просто я… я не этого ожидал.

— Конечно, не этого. Ты же маори, дикарь, настоящий мужчина. А вот на этот раз я сама буду к тебе приставать. — Кофточка улетела в сторону. — Сколько, по твоему мнению, может ждать девушка? До самой смерти, что ли?

— Ни себе хрена! — восхищенно воскликнул Уинтер. — Да тебя хоть на нос парусника приколачивай!

— Да, — серьезно согласилась Деми. — У меня даже прозвище такое — Чайный Клиппер.

— Ты что, террористка из организации «Свободу девственницам»?

— А чего спрашивать, — рассмеялась она. — Лучше взять да выяснить. Давай, Роуг.

Деми рывком подняла Уинтера с дивана и по-

тащила в спальню, на ходу сдирая с него одежду.

Всю силу, юность, пыл неудержимый
Сплетем в один клубок нерасторжимый
И продеремся в ярости борьбы
Через железные врата судьбы.
И пусть мы солнце в небе не стреножим —
Зато пустить его галопом сможем!

Но ей оказалось под силу и это — остановить солнце над лишенном времени чистилище любви. Она казалась сотней женщин с сотнями рук и ртов. Она была негритянкой с толстыми губами, которые обхватывали, поглощали его, с высокими, крепкими ягодицами, которые сжимали его, как клещи. Она была девственницей из Новой Англии — тоненькой, белокурой и беспомощной, но дрожащей от счастья.

Она наполняла его уши жадным, ненасытным воркованием — и в то же время ее рты извлекали арпеджио из его кожи и пили их. Она была дикой, из какого-то иного мира тварью, гортанно вопившей, когда он по-зверски же овладевал ею. В какое-то мгновение она стала надувной

пластиковой куклой, то пищавшей, то гудевшей, наподобие игрового автомата. Она была жесткой и нежной, требовательной и бесконечно покорной и всегда — неожиданной.

И она вызывала у него странные, чудовищные видения. Его словно стегали кнутом, распинали, рвали на дыбе и четвертовали, клеймили добела раскаленным железом. Ему казалось, что он видит ее и себя — невероятно сплетенных — в увеличивающих зеркалах. Он пришел в ужас, услышав громкий стук в дверь и той же дверью приглушенные голоса, выкрикивавшие непонятные угрозы. Его чресла превратились в бесконечно извергающийся вулкан. И все это время ему казалось, что они ведут с ней легкую, блестящую беседу за икрой и шампанским — в качестве эротической прелюдии, чтобы возлечь потом перед зажженным камином и впервые предаться любви.

ЭНЕРГИЯ

Я все больше и больше прихожу к убеждению, что человек — существо опасное и что власть болезненно увлекает своих обладателей, без различия — принадлежит она многим или немногим.

Эбигайл Адамс

Уинтер поднялся с японской кровати, бесшумно прошел в гостиную и уселся на диван, закинув ноги на кофейный столик. Он напряженно думал, стараясь разобраться в структуре событий.

Получасом позднее появилась Деми — вновь стройная, белокурая и чуть раскосая. Одернув на себе одну из рубашек хозяина дома, выполнявшую роль кургузого домашнего халата, девушка уселась по другую сторону кофейного столика прямо на пол и посмотрела на Роуга снизу вверх.

— Я тебя люблю, — прошептала она. — Я тебя люблю, я тебя люблю, я тебя люблю.

Некоторое время Уинтер молчал, затем судорожно вздохнул.

— Ты — титанианка. — Он не спрашивал, а констатировал факт.

Деми помолчала, примерно столько же, сколько и он, а затем кивнула.

— Разве это что-нибудь меняет?

— Не знаю. Я… Ты первая титанианка, с которой я встретился.

— В постели?

— Вообще, где угодно.

— Ты уверен?

— Н-нет. Пожалуй, я не могу быть уверен. Никто не может.

— Не может.

— А ты сама способна уверенно распознать своих?

— Ты имеешь в виду всякие там таинственные приметы вроде секретных масонских знаков? Нет, но…

— Но что?

— Но мы можем узнать друг друга, если начнем говорить на своем языке.

— А как звучит титанианский? Я его слышал когда-нибудь?

— Возможно. Тут не так все просто. Понимаешь, титанианцы общаются совсем иначе, чем остальные.

— Иначе?

— Не звуками и не жестами.

— А как же? Телепатия?

— Нет, мы говорим химически.

— Что?

— У нас химический язык — запахи, вкусовые ощущения, ощущения на поверхности кожи и в глубине тела.

— Что-то ты мне плетешь.

— Ни в коем случае. Это — очень исхищренный язык, где все выражается вариациями интенсивности и сочетаниями.

— Знаешь, я что-то даже не верю.

— Тебе это чуждо, вот и не веришь. Сейчас я буду говорить химически. Готов воспринимать?

— Давай.

— Так что? — спросила Деми после нескольких секунд полного молчания.

— Ничего.

— Чувствуешь какой-нибудь запах? вкус? Вообще что-нибудь?

— Ничего.

— Вообще никаких ощущений?

— Только растущее убеждение, что все это просто жульническая уловка, смысл которой… Нет. Подожди. Надо по-честному. На какой-то момент мне показалось, что я вижу нечто вроде солнечного диска, вроде этих моих шрамов,

— Ну вот! — широко улыбнулась Деми. — Ты все-таки слышал меня, однако все это настолько чуждо тебе и незнакомо, что мозгу приходится переводить принимаемый сигнал на язык привычных символов.

— Ты действительно сказала мне нечто, чему соответствует зрительный образ солнечного диска?

Деми кивнула.

— Так что ты там говорила на своем химическом?

— Что ты — психованный, в конец запутавшийся маорийский мужчина, и я люблю тебя, люблю всего, вплоть до этих самых шрамов.

— И ты все это сказала?

— Не только сказала, но так и думаю, особенно насчет шрамов. А ты, дурачок, чего-то стесняешься…

— Кончай сострадание, я ненавижу такие штуки, — прорычал Уинтер. — Так что же, — добавил он, — вы, титанианцы, так вот и вещаете все время на своем химическом языке?

— Нет.

— А много вас среди людей?

— Не знаю, да, собственно, и не очень интересуюсь. Я интересуюсь только тобой… и ты, Роуг,

меня пугаешь.

— Не понимаю, чем.

— Стать таким холодным и аналитичным сразу же после… ну ты понимаешь, после чего.

— Прости, пожалуйста, — несколько принужденно улыбнулся Уинтер. — Я пытаюсь во всем этом разобраться.

— Зря я тебе сказала.

— А не надо было и говорить, ты показала. Необыкновенно и потрясающе, я никогда и подумать бы не мог… А как ты попала сюда, на Землю?

— Я и родилась здесь. Я — вроде как подкидыш, а уж если точнее — подменыш.

— Как это?

— Настоящая моя мать дружила с семейством Жеру, она была их врачом. Не хочется вдаваться в ее историю, проговоришь до вечера.

— Ладно.

— Мне был всего месяц, когда умер первый ребенок Жеру, примерно такого же возраста, как и я. Мать заменила мертвого младенца мной.

— Почему? Зачем?

— Ей нравилась эта семья, и она знала, что утрата первого ребенка сломит их. Я не была у нее первой… ведь из нас дети сыплются легко и

быстро, как горошины из стручка.

— А твой отец — земной человек?

— Нет, мы можем рожать только от титанианцев. Нашим яйцеклеткам чем-то не нравятся ваши сперматозоиды, а может — наоборот. Как бы там ни было, мать решила, что мне будет полезно вырасти земной девочкой из хорошей семьи. И ей ничто не мешает за мной приглядывать. Вот, собственно, и все.

— Так значит, вы *способны любить*?

— Мог бы и сам понять, Роуг.

— А вот я не понимаю, — беспомощно развел руками Уинтер. — Например, эти разговорчики насчет краски для волос и стреляния глазками и прочем — ведь все это просто камуфляж, титанианские фокусы, верно?

— Да. Я чувствую твои желания и стараюсь к ним приспособиться, но моя любовь — не камуфляж.

— И ты можешь изменяться, как хочешь?

— Да.

— А какая ты в действительности?

— Как ты сам думаешь — на что похож титанианец в действительности?

— Не знаю, хоть убей. — Он смотрел на Деми озабоченно и даже боязливо. — Ну, какой-нибудь

там ослепительный сгусток энергии, или бесформенная амеба, а может, вспышка молнии?

— Неудивительно, что ты места себе не находишь, — расхохоталась девушка. — Поцелуй с напряжением в тысячу вольт — кто же не испугается! Но ты скажи, на что похож в действительности ты сам?

— Ты же видишь и — в отличие от меня — можешь вполне доверять своим глазам.

— Au contraire, m'sier.[16] Я не увижу, каков ты в действительности, до самой твоей смерти.

— Но это же чушь, какая-то нелепица.

— Да не совсем, — посерьезнела Деми. — Что такое настоящий ты, ты, которого я люблю? Твой гений по части структур? Твои блестящие способности журналиста — синэргика? Твой юмор? Твое обаяние? Твой изощренный, аналитический ум? Нет. Настоящий ты в том, какое ты находишь *употребление* всем этим великолепным качествам, что ты создаешь, что оставляешь после себя — а кто же может определить это с уверенностью, пока ты жив?

— Пожалуй верно, — неохотно согласился Уинтер.

---

[16] Notes: 16
Как раз наоборот, мсье (фр.).

— То же самое относится и к нам. Да, я способна изменяться, приспосабливаться к ситуации или человеку — но совсем не к *любой ситуации и не клюбому* человеку. Настоящая я — это то, что я делаю по собственной своей воле. А после смерти я приму ту форму, которую всегда предпочитало мое глубинное, внутреннее «я». Вот это и буду настоящая я.

— А не заносит ли тебя в мистику?

— Ни в коем случае. — Жестом школьной учительницы, привлекающей внимание класса к наглядному пособию, Деми постучала по кофейному столику. Столик у Роуга был редкостный — из поперечного среза тюльпанного дерева с Сатурна-шестого. — Посмотри на эти кольца. Каждое из них свидетельствует об изменении, об адаптации, согласен?

Уинтер послушно кивнул.

— Однако при всех этих изменениях тюльпанное дерево оставалось тюльпанным деревом?

— Да.

— Оно начиналось нежным, бессильным бутоном, из которого могло вырасти что угодно, но Космический Дух сказал: *«Ты — тюльпанное дерево*. Расти и меняйся, как тебе вздумается, но и в жизни, и в смерти ты останешься тюльпанным

деревом». То же самое и с нами: мы меняемся, мы адаптируемся — в пределах внутреннего своего естества.

Уинтер потряс головой, на его лице читалось удивление, смешанное с недоверием.

— Да, мы полиморфны, — продолжала девушка, — но мы живем, адаптируемся, боремся за существование, влюбляемся…

— И разыгрываете с нами такие вот веселенькие любовные игры, — прервал ее Уинтер.

— А что тут такого, — обожгла его взглядом Деми. — Разве любовь — не веселье? Да ты, Уинтер, часом не сдурел? Никак ты считаешь, что любовь должна быть мрачной, глухой, отчаянной, безнадежной, вроде как в старинных русских пьесах? Вот уж не подозревала в тебе такой инфантильности.

Несколько секунд Роуг ошарашенно молчал, а потом затрясся от смеха.

— Ну, Деми, черти бы тебя драли! Ведь ты снова изменилась, только каким местом сумела ты понять, что мне нужен строгий учитель?

— Не знаю, милый. — Теперь она тоже смеялась. — Возможно — левым глазом. Обычно я только смутно ощущаю, что именно сейчас нужно. В конце концов я только наполовину человек,

а влюбилась и вообще впервые, так что нельзя с меня много спрашивать.

— Никогда, никогда не меняйся, — улыбнулся Роуг. — Только что это за хрень я несу?

— Ты хотел сказать, что я должна изменяться только для тебя. — Деми взяла его за руку. — Пошли, суперлюбовник.

На этот раз они вернулись из спальни вместе. На этот раз не он, а она уселась на диван, закинув ноги на столик. На этот раз Деми не стала связываться с импровизированным халатиком и походила в результате на школьницу-спортсменку. «Капитан женской сборной по хоккею с мячом», — подумал Уинтер. Он сидел по другую сторону столика в позе лотоса и любовался Деми, не скрывая своего восхищения.

— Иди сюда, милый. — Девушка похлопала по соседней подушке дивана.

— Пока не буду. Этот диван слишком много треплется.

— *Треплется*?

Уинтер кивнул.

— Ты же это не серьезно.

— Еще как серьезно. Со мною говорят все и вся, а сейчас я хочу слушать только тебя.

— Все и вся?

— Ага. Мебель, картины, машины, деревья, цветы — да все что угодно. Я слышу их, если хоть немного прислушаюсь.

— Ну и на что похож голос дивана?

— Похож… Ну, это вроде как если бы говорил замедленно показываемый в кино морж, да еще с пастью, полной ваты. Блу-у-фу-у-ду-у-му-у-ну-у… Нужно иметь терпение и вслушиваться подольше.

— А цветы?

— На первый взгляд они должны бы боязливо хихикать, словно застенчивые девчонки… Ничего подобного! Они полны знойной зрелости, как рекламные ролики духов, именуемых c'est la Seductrice.

— Ты накоротке знаком со всей Вселенной, — рассмеялась Деми. — Вот это, наверное, меня и привлекло. — Она внимательно посмотрела ему в глаза.

— А говорит кто-нибудь из них: «Я тебя люблю»?

— Такое вне системы их понятий. Они — эгоманьяки, все до единого.

— А вот я говорю. Я люблю. Тебя.

— Я могу ответить даже большим. — Роуг смотрел на Деми так же внимательно, как и она на

него. — Я тебе доверяю.

— А почему это больше?

— Потому, что теперь я могу облегчить свою душу. Мне хочется обдумать вместе с тобой одну вещь.

— Ты всегда что-то обдумываешь.

— Единственный мой порок. Слушай, я тут попал в историю… в нехорошую историю.

— Сегодня?

— На Венуччи. Только ты никому и ни при каких обстоятельствах! Я знаю, что могу тебе верить, но ведь ты — всего лишь малолетняя девчонка из Виргинии, хотя и титанианка, вдруг кто-нибудь вытащит из тебя эти сведения обманом.

— Я не выдам ничего и никогда.

Неожиданно хоккейная капитанша сделалась очень похожей на фею Моргану.

— Изыди, сатана! — отшатнулся Уинтер, скрестив руки перед лицом.

— Попалась с поличным. — Колдунья усмехнулась и вдруг стала яростной Сьеррой О'Нолан.

— Только не это! — взмолился Уинтер, мгновенно припомнив ссоры и склоки. — Бога ради, Деми… Так значит, и у вас, титанианцев, бывают накладки? — ворчливо добавил он, когда Деми

стала прежней Деми.

— Конечно, бывают, у кого их нет? — Она хладнокровно пожала плечами.

— И перестань, пожалуйста, говорить «вы, титанианцы». Не «вы», а «мы». Все мы — части одной вселенской шутки.

— Конечно, лапушка, — кивнул Роуг, — но ты все-таки пойми, насколько это трудно — иметь дело со столь непостоянной возлюбленной.

— Ты так думаешь? Слушай, Роуг, доводилось ли тебе в твоей — назовем это помягче — несколько рассеянной личной жизни иметь дело с кем-нибудь из актрис?

— Увы, да.

— И сколько ролей играла эта актриса, на сцене и вне ее?

— Мильен и триста тысяч, а может, и больше.

— Ну так с нами все тоже самое.

— Однако ты меняешься и физически.

— А разве грим — не то же самое?

— Ладно, ладно, убедила, — сдался Уинтер. — Никогда мне, наверное, не узнать, кто же такая мне попалась, кого же это я полюбил. Или надо «кто же такой мне попался?» Я ведь, — признался

он — завалил грамматику в Hohere Schule.[17] По причине излишеств в употреблении прилагательных.

— Ты гений, — улыбнулась Деми. — Я буду у тебя учиться.

— Боюсь, я превращаюсь для тебя в нечто вроде отца-попечителя.

— Тогда мы занимаемся кровосмешением.

— Ладно, я нарушал уже почти все Десять Заповедей, так что большая разница — одной больше. Коньяк?

— Чуть попозже, если ты не против.

Уинтер достал бутылку и два кларетных фужера, поставил фужеры на кофейный столик, затем откупорил бутылку и сделал большой глоток прямо из горлышка.

— Вот недавно я и нарушил одну из них.

— Какую?

— Твой Мэримонт — это ведь католический колледж?

— Более-менее.

— A les Jeroux,[18] они воспитывали своего кукушонка в католической вере?

---

[17] Notes: 17
Старшие классы школы (нем.).

[18] Notes: 18
Семья Жеру (фр.).

— Более-менее.

— Тогда это может тебя шокировать. Шестую.

— Не у… Не может быть!

— Может.

— Придумал историю и пробуешь ее на доверчивой слушательнице?

— Увы, — покачал головой Уинтер. — В куполе Болонья, перед самым возвращением на Землю.

— Но… Но… — Деми вскочила на ноги и мгновенно стала похожа на фурию мщения: Уинтеру показалось даже, что он различает вплетенных в ее волосы змей. — Послушай, Роуг Уинтер, если ты вешаешь мне лапшу на уши, я…

— Нет, нет, нет, — прервал этот поток Роуг. — Неужели я способен шутить на такую тему?

— Еще как способен. Ты прожженный лгун.

— Сядь, лапа, успокойся. — Уинтер похлопал по дивану. — Это и вправду целая история, только я ее не придумывал Она произошла, и мне нужно обсудить все с кем-нибудь, кому можно верить.

— Да? — Деми недоверчиво присела. — Ну рассказывай.

— В Болонье я вышел на след весьма необычной структуры, завязанной на мета-мафию. Как тебе известно, джинки с Тритона — полные монополисты по части мета, и ребята они крутые,

как яйцо. Устанавливают цены и квоты по своему разумению и разговаривают с внутренними варварами очень просто: если ты им чем-нибудь вдруг не понравишься — сразу урезают квоту. Мало удивительного, что возникла мета-мафия, занимающаяся контрабандой с Тритона. Цены они ломят зверские, но товар доставляют, совершенно при этом не интересуясь, кто ты такой или что ты такое. Этакие честные жулики. Пока все ясно?

— Кроме мета, — призналась, помедлив, Деми. — Я знаю, что это — сокращение от «метастазис» и как-то там связано с получением энергии, но только как?

— Тут все довольно сложно.

— Постараюсь понять.

— Ну хорошо, начнем с атомов и заряженных частиц. Мета может переводить их из основного состояния в возбужденное. При этом они забирают у мета энергию и сваливаются обратно в основное состояние, выделяя эту самую энергию, — вот и весь процесс метастазиса. Сечешь?

— Нет. Слишком уж научно, а я совсем не похожа на Мари Кюри.

— И слава Богу, она красотой не отличалась. Хорошо. Ты говорила со мной химически — я

попробую поговорить с тобой структурально. Представь себе лазерный пучок, способный проделать дырку в стальной плите или передать сигнал на большое расстояние…

— **----------**

— Понимаешь?

— Пока тут нет никаких структур. Одна прямая линия.

— Да, но откуда взялась эта линия? Подумай об облаке частиц, находящихся в своем основном, спокойном состоянии. Нечто вроде большой толпы нулей…

o o
o o o
o o o o o
o o o o
o o o o o o o
o o o o o o
o o o o o
o o o

— Теперь приведем эту толпу в возбужденное состояние, накачав в нее энергию. Все нули превратятся, так сказать, в плюс-частицы…

\+ +
\+ + +
\+ + + + +

+ + + +
+ + + + + + +
+ + + + + +
+ + + + +
+ + +

— Но мы получили в результате не естественное стабильное состояние, а нечто вроде массовой атомной истерии, так что частицам быстро это надоедает, и они начнут возвращаться в нулевое состояние — ну вроде как в привычное, удобное кресло. Понимаешь схему?

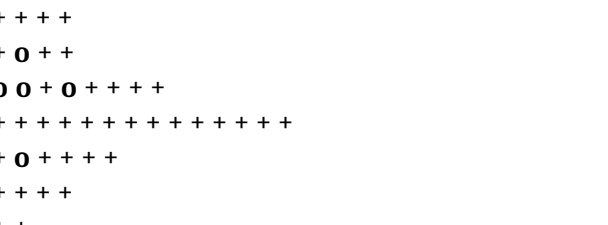
— Continuez. Continuez lentement.[19]

— С другой стороны, они ведь не живоглоты какие, а ребята честные, поэтому частица возвращает полученную ранее энергию, а тем самым заодно подает добрый пример паре своих дружков, и те тоже возвращаются в основное состояние, отдавая свои порции энергии, после чего за ними следуют еще четверо, затем — восемь, шестнадцать, тридцать две, шестьдесят четыре, процесс идет по нарастающей и в результате вся энергия излучается в виде пучка.

o +
o o + +

---

[19] Notes: 19
Продолжайте. Продолжайте медленно (фр.).



— И все это — за наносекунды, и все — в фазе, чем и объясняется мощь лазера. Теперь сечешь?

— Да, только при чем тут мета?

— Плохо одно — чтобы перевести атомы и частицы в возбужденное состояние, нужно затратить огромное количество энергии, большее, чем они потом отдают, так что если подсчитать доходы и расходы, всегда оказываешься в убытке. А вот если использовать для их возбуждения мета, получается доход. Тратишь единицу, а зарабатываешь сотню.

— Как? Почему?

— Потому, что этот бредовый катализатор — настоящая энергостанция, работающая на запасенной энергии. Запасенная энергия, Деми, имеется буквально во всем, и для ее высвобождения нужна лишь электронная система передачи. Представь спичку. У нее есть головка из серы, фосфора, селитры и всякой прочей химической

дряни, головка эта полна энергии, только и ждущей, чтобы ее высвободили — к примеру, трением. Но когда энергия выделяется из мета — это уже не спичка, это скорее ящик динамита. Нечто вроде шахматной легенды, воплощенной в жизнь.

— Я не знаю такой легенды.

— Рассказывают, что некий философ изобрел шахматы для развлечения индийского раджи. Раджа пришел в полный восторг и обещал ученому любую награду, какую тот только пожелает. Ученый попросил положить одно зернышко риса на первую клетку шахматной доски, два — на вторую, четыре — на третью и так далее до шестьдесят четвертой.

— Что-то он поскромничал.

— То же самое сказал и раджа, думавший расплатиться золотом или самоцветами — ценными, в общем, вещами. Просьба ученого казалась ему очень скромной — пока не выяснилось, что на последнюю клетку доски не хватит всего риса Индии и Китая. Вот что такое возрастание в геометрической прогрессии, а именно это и происходит с энергией под действием мета.

— Как же это получается?

— Не знаю. Мне всегда хотелось изучить про-

цесс во всех подробностях, но джинки с Тритона темнят. Обращение энтропии — это единственное, что могут сказать наши, местные физики. Ну и Бог с ними, пускай разбираются дальше.

— Энтропия? Никогда не слыхала такого слова.

— Не понимаю, в этом вашем богоугодном заведении вообще чему-нибудь учили?

— На факультете иностранных языков никаких энтропий не проходят.

— Да, это не язык, а стопроцентный упадок. Энтропия — это распад. Если физическую систему не трогать, ее энтропия увеличивается, то есть система дряхлеет, слабеет, энергия, пригодная для выполнения какой-либо работы, иссякает. Мощь, сконцентрированная в мета, разворачивает этот процесс, да еще со страшной силой.

— Ты посмотри! *Действительно* хитрые штуки.

— Да уж, не простые.

— А как выглядит мета?

— Я никогда не видел. Инженеры трясутся над своими кристаллами, как евнухи, защищающие гарем. Никаких посетителей. Никаких праздных зевак. Объясняют, что это очень опасно… Прекрати сейчас же, Деми!.. И трудно их в чем-нибудь винить. В прошлом происходило очень много

самых дурацких несчастных случаев.

— Ну а теперь вернемся к Шестой Заповеди, — сказала Деми, оставив попытку превратиться в обнаженную одалиску.

— Что, прямо сейчас?

— Пожалуйста.

— Но мне хочется поговорить о нас с тобой, это гораздо приятнее.

— Потом.

— А вдруг потом будет уже поздно? «У любви, как у пташки крылья, — жалостливо запел он. — Ее нельзя никак поймать».

— Не голос, а услада уха! Половина нот уходят на полтона вниз; наверное, это можно назвать энтропическим пением. Так что же там насчет Шестой Заповеди? Прошу тебя, Роуг, нельзя, чтобы это нас отдаляло.

— А что, отдаляет?

— Да, — кивнула Деми. — Я все время чувствую… ну, словно над тобой висит крохотная, но мрачная туча.

— Боже ж ты мой, — прошептал Уинтер скорее самому себе. — Чистая фантастика… Ощутить такое… да еще в тот момент, когда ты буквально меня пожирала.

— Прошу тебя, Роуг, напрягись и попробуй быть

серьезным.

— Да я просто пытаюсь переключить скорость, — неуверенно пошутил Уинтер. — Подожди секунду, дай мне собраться.

Деми погрузилась в сочувственное молчание. Вглядываясь в прошлое, Роуг негромко барабанил пальцами. «А ты сейчас отстань», — прервал он неслышный монолог какого-то там стола или стула, мешавшего ему думать. И в конце концов поднял на Деми глаза.

— Ты же знаешь, что на Венуччи живут не одни итальянцы. Там скорее все Средиземноморье — греки, португальцы, алжирцы, албанцы и так далее. Каждый из этих народцев цепляется за свои традиции, свой стиль жизни, да и итальянские купола придерживаются местных региональных культур — сицилийцы, неаполитанцы, венецианцы, есть даже нью-йоркская Малая Италия. Там говорят на трущобной итало-английской тарабарщине, а посмотрела бы ты, что творится в Тутовом куполе, когда там отмечают дни святых!

Деми молча кивнула, все еще не понимая, к чему он ведет.

Внимательный взгляд Роуга заметил выражение ее лица.

— Подожди, — улыбнулся он. — Потерпи немно-

го. Помню, однажды компания «Суп-За-Секунду» обратилась ко мне с недоуменным вопросом: почему изо всех итальянских куполов их продукция идет только в Болонье? Мне пришлось объяснить, что итальянские жены — убежденные домашние хозяйки, гордящиеся супами собственного своего приготовления. За одним исключением — эмансипированные болонки, да будет позволено назвать их этим собачьим словом, предпочитают служебную карьеру — ну, знаешь, долой Kinder, Kirche, Kuche und Kleider — вот они и прибегают домой, язык на плечо, и стряпают, что попало, из пакетов и банок.

— Полностью их одобряю.

— Да и я ничего против не имею. Болонья — главный центр венуччианского феминизма. В полиции там по большей части женщины — крутые, высоченные итальянские лесбиянки, к которым и подойти-то боязно. Но имелась среди них, в порядке весьма примечательного исключения, одна маленькая хрупкая девушка. Более того, она была — вот тут-то все и начинается — из джинков.

— Как? На Венуччи?

— А конкретно в куполе Болонья, что дало мне повод для весьма напряженного синэргизиро-

вания. К тому же у нее явно водились большие деньги — форма от дорогого портного, роскошные рестораны, транспорт по высшему классу, да и вообще на что ни посмотришь — сплошной люкс. Так что ты легко поймешь, до чего я там досинэргизировался.

— Представительница мафии.

— И — вполне возможно — ниточка, ведущая к их операциям на Тритоне, а я давно прямо-таки мечтал вскрыть эту схему. Мне и в голову не шло, что если это и ниточка, то совсем не та. Я мобилизовал все свое неотразимое очарование и сумел в конце концов договориться о рандеву. В центральном парке купола, когда у нее закончится смена. Это был мой последний вечер на Венуччи.

— И ты ее убил? — ужаснулась Деми.

— Я пришел пораньше, чтобы провести рекогносцировочку — место там глухое, опасное, всюду рыщут красотки из женского движения, кобелей себе подыскивают. Да и вообще — туман, темно. И вот, стою я на том самом месте, куда должна явиться моя прелестная блюстительница порядка, а тут из кустов вываливает здоровый такой гориллоид и — на меня.

— Матерь Божья! И…

— И я нарушил Шестую.

— Но… каким образом?

— Понимаешь, Деми, первое, чему маори учат будущего своего вождя, это умение защищать себя и убивать противника в рукопашном бою. А описывать эту неаппетитную сцену в подробностях не хочется.

— И кто это был такой? Я хочу сказать — а может, он напал на тебя по ошибке?

— Никаких там не было ошибок, потому-то мне и снятся теперь страшные сны… Дело в том. Что у него был Потрошильный Нож — это такой нож, которым маори вырезают сердце отважного врага. Ведь если съесть сердце, к тебе переходит вся храбрость прежнего его обладателя…

— Бр-р!

— Да, а к тому же в его документах значилось: Кеа Ора, Ганимед. Такой вот маори-террорист.

— Господи помилуй! А эта мафиозная девица, она потом пришла?

— Я не стал дожидаться и выяснять. Прихватил нож, засунул труп в кусты и — ноги в руки. Так что ты теперь понимаешь, какие у меня заморочки, отчего я малость не в себе. Вот подумай — в чем тут дело? Может, я сделал какую-нибудь глупость и показал косоглазой красотке, зачем она мне понадобилась? А ее шефы поручили меня заботам

одного из своих киллеров? Но почему именно маори, человек моего народа, да и вообще — какого хрена понадобилась ему на Венуччи? И что будет теперь? Появится ли у тамошней полиции подозрения, а если да — начнут ли они за мной гоняться? И как мафия — она все еще намерена меня прикончить? Oi veh! Shiog'n kop in vant![20]

— А этот — как его — Потрошительный Нож, он так у тебя и остался? — прервала Уинтера Деми, поняв, что битье головой о стенку грозит затянуться.

— Ну да, в дорожной сумке.

— Ты не мог бы его показать?

Внимательно и немного боязливо, девушка изучила принесенный Роугом нож. Заточен необычно, щечки лезвия не выпуклые, не плоские, а вогнутые, одним слово — нечто вроде опасной бритвы, только с острым концом. Блестящий и смертельно опасный. Без крестовины. Рукоятка — натуральный орех, сильно потертая, испещренная бурыми пятнами.

— Вот этой штукой я его и убил. Пришлось взять с собой — отпечатки.

— Так значит это правда — то, что ты мне рас-

---

[20] Notes: 20
О горе! Хоть головой в стенку бейся! (идиш).

сказывал.

Деми осторожно положила нож на столик.

— До последнего слова.

— А вот теперь твоя бутылка будет очень к месту.

Пили они не спеша, в долгом, молчаливом раздумий. Затем коньяк немного восстановил самообладание Уинтера.

— Выше нос, лапа, — ухмыльнулся он. — Я выкарабкаюсь из этой заварушки в самом лучшем виде. Вот посмотришь.

— Только говори не «я», а «мы», — серьезно и решительно поправила его Деми. — Я бы хотела тоже тебе помогать.

— Премного благодарен. Такая вот мгновенно вспыхнувшая патологическая лояльность. Ты — просто титаническая душка.

— Иди к черту, Уинтер, — засмеялась Деми. — Ты и в гробу, наверное, не бросишь свои шуточки. С тобой происходят странные, фантастические вещи… Очень хотелось бы знать — почему?

Роуг снова наполнил фужеры.

— Может, я и напрашиваюсь на них, но только не по своей воле. Вот, скажем, ты. Ведь ты — самое фантастическое событие всей моей жизни, а я могу поклясться на чем угодно, что и в мыслях

ничего подобного не имел.

— Я обязана сделать признание, — объявила Деми, допив коньяк и поставив рюмку на столик. В ней появилось что-то от Жанны д'Арк. — Это не было случайностью. Осознав, что хочу тебя, я все спланировала и организовала. Я просмотрела все доступные документы, касающиеся тебя, побеседовала с людьми, тебя знающими, потратила уйму времени на чтение всего, что ты когда-либо написал. У тебя не оставалось никаких шансов на спасение. Ты только на меня не злись.

— Вот и нимб вокруг головы прорисовывается, — пробормотал Уинтер.

Деми взяла свою рюмку и плеснула в нее коньяку.

— А чего это ты вдруг заявил, что нуждаешься в девушке? — вопросила она. — Да у тебя их сотни.

— Нет.

— А сколько?

— Интересные ты задаешь вопросики. Кстати, что такое «Деми»? Уменьшительное от Демон?

— Нет, нет, нет, НЕТ. Пятая поправка.[21]

— Ну, Деми.

---

[21] Notes: 21

Пятая поправка к Конституции США; поправка довольно длинная, но упоминается из нее чаще всего одна фраза — «никто не должен принуждаться свидетельствовать против самого себя".

— Ни-ко-гда.

— Один звонок в канцелярию, и ты обречена.

— Ты не посмеешь!

— Ты в моей власти.

— А ты не будешь дразниться?

— Вторая поправка.

— А что это такое?

— Право носить оружие.

— Ну… Я же говорила, что выросла на юге. В типичной виргинской семье, так что я — типичная приличная виргинская девушка… — она слегка запнулась. — С т-типичным приличным виргинским именем.

— А именно?

— Демюр,[22] - обреченно прошептала Деми.

— Как?! — Плечи Уинтера начали сотрясаться от беззвучного хохота.

— Да будет вам известно, сэр, — высокомерно вскинулась Деми, — что полное мое имя Демюр Рекамье Жеру, и в гробу я вас всех видала.

— А Рекамье, — обессиленно спросил Уинтер, — Рекамье-то почему?

— Мадам Рекамье — кумир моей мамы.

— Ясненько. Теперь послушай, феечка моя

---

[22] Notes: 22

Demure (англ.) — скромная, застенчивая.

нализавшаяся. У тебя детские, извращенные представления, будто я какой-то там Казанова, что стоит мне пальцем пошевелить, как целая женская армия сломя голову бросится исполнять любую мою прихоть. Такого просто не бывает. Все и всегда в руках женщин, именно они принимают все решения.

— То есть, это я тебя соблазнила. Я же знала, что ты разозлишься.

— Конечно, соблазнила. Ну ладно, покорила ты меня своей титанианской воле, а теперь что?

— Мне все-таки хочется узнать, чего это ради ты сказал, что нуждаешься в девушке — тогда, в комнате для совещаний.

Несколько секунд он молчал.

— А что, разве и так не ясно? Я что — какой-нибудь там герой, веселый и беспечный даже под обстрелом? «Хрен с ними, с торпедами, полный вперед!» Бывают, видишь ли, моменты, когда я теряю все свое хладнокровие, когда я расстроен и не понимаю происходящего, когда я боюсь, например — сейчас. А тогда инстинкты гонят меня к женщине, искать утешение и поддержку.

— Ц-ц-ц.

— Ну чего цыкаешь?

— Значит, я для тебя — материнский образ, — с

восторгом выпалила Деми. — Двойной инцест.

— И чего это все вы, южане, так обожаете гнильцу и декаданс? Или это у тебя титанианское?

— К вашему, сэр, сведению, я хранила полную чистоту и непорочность, пока не была depravee[23] излишествами в употреблении маори.

— Как смела ты спереть коронный мой рефрен?

— А сколько сейчас времени? — Деми решительно опустила свой фужер на столик.

— Часа четыре.

— Мне надо одеваться.

— С чего это такая спешка? И куда ты пойдешь?

— Домой, дурачок. — Она поднялась с дивана. — Нужно переодеться, чтобы не давать лишнего повода для сплетен. И без того будут чесать языки. К тому же я обязана покормить кошку.

— Кошка! — искренне удивился Уинтер. — Утонченная виргинская девушка растрачивает себя на какую-то там кошку?

— Она не какая-то, она особенная. Когда у меня появляются перед глазами пятна, она за ними гоняется. Она пси-кошка, и я ее очень люблю.

---

[23] Notes: 23
Развращена (фр.).

— Ну, тут уж и слов нет Придется проводить тебя до дома.

— Благодарю вас. Так что же мы собираемся делать с этой твоей проблемой?

— Отложим ее на время, пусть малость остынет Подождем, что будет дальше.

— А тебе ничто не грозит? — спросила Деми.

— Думаю, нет. — В глазах Уинтера светилась любовь. Он притянул девушку к себе и погладил ее живот.

— Нечестно, — хихикнула она. — Ты щекочешься Вставай, супердоходяга. Оденемся.

— Обидеть хочешь?

— Да, я использовала все твои мужские способности до предела и теперь отбрасываю тебя, как ненужный хлам. Мы, титанианцы, всегда так делаем.

— У меня даже ноги скрючило, — весело пожаловалась Деми из ванной. — Ты что, всегда такой страстный?

— Только в первый раз. Выпендриваюсь. Все так делают.

— Придется постараться, чтобы для нас с тобой каждый раз был первым.

— Она приоткрыла дверь и высунула голову. — А почему я устала, а ты нет?

— Не знаю. Возможно потому, что я похитил твою титанианскую сущность. Меня же так все и называют — Роуг-вампир.

— А чего это ты так моргаешь?

— Нагоняю себе пятна перед глазами, чтобы твоей якобы пси-киске было за чем гоняться. — Уинтер погладил упомянутое — и очень ласковое — животное, странную, выведенную на Сатурне помесь сиамской кошки и коала. — И вправду красавица. А за своими пятнами она гоняется?

— Ты что, конечно! Все кошки так делают. Ну, я переоделась. Пора идти.

— Я провожу тебя в нашу контору.

— Умоляю, не дальше, чем до угла. Если нас увидят входящими вместе, утром… Ладно. Так кто кому позволит, я или ты?

— Позвони ты и говори. Бога ради, нормальным своим виргинским голосочком. Не строй из себя Мату Хари.

— C'est magnifique, — ответила Деми знойным, дрожащим от напряжения голосом, приличествующим шпионке, — mais ce n'est pas la guerre.[24] Пошли, суператлет.

— Я выдам тебе все тайные планы вторже-

---

[24] Notes: 24
Великолепно, но это не война (фр.).

ния, — жалобно проскулил Уинтер, — только выпусти меня из своего тайного застенка.

КОРОНАЦИЯ

Le Roi est mort, vive le Roi![25]

Французское изречение

Поцеловав на прощание Деми (вне поля зрения сплетниц), Уинтер взял курс на ротонду Beaux Arts. Блестящий Нью-Йорк, город-джунгли, был залит ослепительным утренним солнцем, везде и во всем чувствовалось радостное возбуждение. Витрины увешаны анахроничными рождественскими призывами:

> *«У НАС НА МАРСЕ ТОРЖЕСТВО — МЫ ОТМЕЧАЕМ РОЖДЕСТВО! ШЛИТЕ ПОДАРКИ СВОИМ ЛЮБИМЫМ!»*

Непристойные украшения к Валентинову дню — это бастующие проститутки просят их поддержать. Из некоторых окон свешиваются белые простыни — знак сочувствия с борьбой Движения

---

[25] Notes: 25
Король умер, да здравствует король!

Хонков[26] за право соорудить на Ганимеде свой собственный купол.

По центральной полосе улицы двигалось нечто вроде рекламной процессии; впереди — оркестр из флейт и барабанов, сопровождаемый жонглерами, почти столь же многочисленными, как и барабанщики. Адский шум оркестрика дополнялся воплями молодежной банды — «Порно-графов», если верить светящимся надписям на их куртках. Юнцы скакали, кувыркались и делали — в гармоничном соответствии со своим названием — непристойные жесты в адрес жонглеров. Далее плавно плыла платформа, рекламировавшая *П+Л+А+С+Т+С+Ы+Р*, на которой восемь селянок (живых) доили восьмерых коров (пластиковых).

Синэргист мгновенно замер, словно парализованный лазерным пистолетом, которому еще только предстоит быть изобретенным. А может — и не предстоит.

— Восемь! — Он повернулся, догнал голову шествия и пересчитал барабанщиков.

— Ну да, двенадцать.

Далее были пересчитаны «Порно-графы», флей-

---

[26] Notes: 26

Хонк (Honk) — этим словом американские негры пренебрежительно называют белых.

тисты, барабанщики и жонглеры.

— Одиннадцать, десять, девять, чтоб мне с места не сойти. Ни себе хрена!

Синэргист продолжил свой путь к ротонде, но теперь его синэргические чувства насторожились, буквально ощупывали все окружающее.

Следующим элементом структуры оказался расположенный у входа аркады игрушечный магазин, его витрину украшал великолепный кукольный дом. Дом этот размещался посреди миниатюрного парка. В крошечном пруду плавало семь еще более крошечных лебедей.

Понимающе кивнув, Уинтер вошел под своды аркады и безо всякого уже удивления нашел за углом деликатесный магазин. В его витрине красовались шесть казарок, лежащих на слое битого льда.

— Врубаюсь, — пробормотал врубающийся синэргист. — Хоть они и Порно, но графы. Лорды, значит. Казарки — чем они не гуси. А что же дальше?

Теперь не оставалось и мысли о возвращении домой. Уинтер все осматривал, обследовал и обнюхивал, пока не обнаружил у входа на какую-то лестницу объявления об образовании общества цветоводов. Афиша изображала стилизованный

мак, четыре золотистых кольца обводили его лепестки, а пятое

— середину.

— Угу. Пять золотых колец.

Поднявшись по лестнице, он оказался в другой аркаде, миновал зоомагазин с изобилием щенят на витрине, прошел было дальше, остановился и сокрушенно помотал головой.

— Суперфраер, — пробормотал синэргист, возвращаясь к магазинчику, и после внимательного осмотра обнаружил наконец искомое — большую клетку в глубине помещения. Клетка содержала четырех скворцов.

— Разговаривают? — поинтересовался Уинтер, подойдя поближе.

— Не остановишь. Одна беда, они трещат на гула,[27] потому такие и дешевые.

— Вполне разумно. Спасибо.

Покидая магазин через заднюю дверь, Уинтер задавался вопросом, каким же именно образом проявят себя три французские курицы. Как выяснилось — посредством вывешенной у входа в ресторан грифельной доски Сделанная на ней

---

[27] Notes: 27

Гула (gullah) — негры, живущие на островах, расположенных вдоль юго-восточного побережья США, этим же словом обозначаются многочисленные английские диалекты этих негров.

мелом надпись гласила:

Меню:
Poulet Gras Poularde
Poulet de'l Annee
Vieille Poule Coq
Sauce Indienne, или Sauce Paprika, или Sauce Estragon
Burgundy, Bordeaux, Cotes du Rhone.

Не успел Уинтер начать охоту за двумя горлицами, как из ресторана выпорхнули две юные леди, одетые по последнему писку моды, вплоть до огромных странных шляп Eugenie. Поля каждой шляпы украшала крошечная перепелка из красных драгоценных камней.

— Naturlich,[28] - удовлетворенно кивнул синэргист-полиглот. — Рыжая перепелка, разновидность горлицы В количестве двух штук.

Держась на благопристойном расстоянии, он последовал за двумя юными модницами.

Теперь нужно было найти какую-нибудь ветку, однако в этой части могучей Столицы деревьями и не пахло.

Путеводительницы нырнули в огромный ад-

[28] Notes: 28
Конечно (нем.).

министративный корпус. Над дверями, которые смело могли бы украшать вход какой-нибудь пагоды, шла надпись, сделанная стилизованными под иероглифы буквами:

БАНК «ВЕТКА САКУРЫ»

Уинтер начал хихикать. Структура обернулась чем-то похожим на дурацкую игру в поиски клада, оставалось только посмотреть, какой дурацкий приз заслужил он своей догадливостью.

Пройдя через вестибюль, синэргист не стал тратить времени зря, а сразу же изучил список съемщиков помещений на букву «П», нашел строчку *«Одесса Партридж — 3030»,* скоростным лифтом поднялся на тридцатый этаж и — вот она, внушительная трехстворчатая дверь с табличкой *«ПАРТРИДЖ».*

Уинтер открыл дверь.

И оказался посреди самого настоящего симфонического оркестра, правда — без музыкантов. Синэргиста окружали все известные и неизвестные ему инструменты — струнные, медные, деревянные, ударные.

— Доброе утро, мистер Уинтер. — К нему приближалась очаровательная юная леди, успевшая уже снять шляпку Eugenie. — Очень приятно, что

вы изыскали возможность прийти в назначенное время. Спинет готов к осмотру. Фрэнсис!

— Спинет? — тупо повторил Уинтер.

— Ну, в действительности, конечно же, вирджинал. Знаете, настольный спинет, без ножек. Фрэнсис, проводи, пожалуйста, мистера Уинтера в студию.

Вторая очаровательная леди, появившаяся за это время и тоже успевшая снять головной убор, провела Уинтера через симфонические дебри.

— У нас возникли определенные трудности с настройкой, — доверительно, сообщила она. — Надеюсь, вы не будете излишне придирчивы насчет ля-четыреста тридцать девять, мистер Уинтер. Струны просто не выдерживают больше четырехсот тридцати пяти. Сюда, пожалуйста.

Девушка открыла дверь студии и мягко впихнула ошеломленного журналиста внутрь.

— Доброе утро, король Р-ог, — сказала я.

Не думаю, чтобы Уинтер меня слышал. Он просто смотрел и смотрел, а потом заговорил:

— Но вы же — та самая приятная леди с вечеринки доктора Йейла. Похожая на примадонну. Я еще подумал, что вам бы петь Брюнхильду.

— Вы этого не говорили. Я — Одесса Партридж. К сожалению, не певица, хотя и имею некоторое

отношение к музыке.

Уинтер быстро окинул помещение взглядом. На стенах — толстая звукоизоляция, окна с двойными стеклами, кипы нот — и печатных, и рукописных, — золоченый клавикорд, вирджинал, концертный рояль, за роялем

— Джей Йейл с обычной своей мягкой улыбкой.

— И доктор Йейл тут?

— Доброе утро, сынок.

— Это уж чересчур.

— Ничего подобного, мальчик. Садись. Я ни разу не видел тебя растерявшимся больше, чем на секунду. Соберешься.

Уинтер сделал шаг назад, к креслу, и сел, удрученно тряся головой. Затем он глубоко вздохнул, плотно сжал губы и пристально посмотрел на меня.

— Так это и есть мой приз, тот клад, который я искал?

— Ну вот! Видишь? — широко улыбнулся Йейл. — Тебе всего-то и потребовалось каких-то пять секунд. Молодец, Роуг.

— А кто это решил, что мне делать больше нечего, как такие вот загадки *роу* гадывать?

— Нам нужно проинформировать вас по крайне

щекотливому вопросу, — проинформировала я его.

— Ну и что? А позвонить не могли?

— Я ведь сказала «по щекотливому». Телефонные звонки могут быть перехвачены. Ровно как и записки. И устные сообщения. Перед нами стояла задача привести вас сюда, не возбуждая ни у кого ни малейших подозрений, и мы понадеялись на ваше — действительно уникальное — чувство структуры. Такого чувства нет больше ни у кого.

— Простите меня, пожалуйста, Брюнхильда, но сейчас вы говорите, как героиня третьесортной книжки про шпионов.

— Чтобы поставить «Двенадцать дней Рождества», у нас была вся прошлая ночь, пока вы… были заняты несколько иначе.

— Понятно, у вас ведь фамилия Партридж. А если бы Калликак?

— Я знала, что никто другой не усмотрит эту структуру, а даже при наличии слежки ваш маршрут окажется настолько эксцентричным, что следящие неизбежно отстанут.

— Слежка? Ну да, конечно. Роуг Мориарти, так меня обычно и называют,

— рассмеялся Уинтер. — Шерлока Холмса почитываете?

— Не смейся, сынок, это очень серьезно, — заметил Йейл.

— Но почему король Р-ог? — неожиданно спросил Уинтер.

— Блестяще! — искренне восхитилась я. — За пару минут вы синэргизировали самый корень проблемы. Душа Те Юинты покоится уже в вашем левом глазу.

— Когда? Каким образом?

— Неделю назад. Несчастный случай на охоте. Скафандр, вспоротый клыком. Правду говоря, он был слишком стар для встречи один на один с анаэробным мамонтом.

Уинтер судорожно сглотнул.

— Он был обязан подтверждать свою силу. Раз в год, каждый год. Такова традиция королей маори.

— А теперь это предстоит вам, — напомнила я. — Послушайте меня, пожалуйста, Уинтер, и не встревайте некоторое время. Сечете?

Он молча кивнул.

— Мы используем вас, и много уже лет, хотя сами вы об этом не знали. Ваша помощь была просто неоценима. За вами наблюдали, шли по вашим следам. Вам дали кличку «Пойнтер».

Я описала наши операции «ПЛАН» и роль,

которую играл в них он — совершенно бессознательно; Уинтер слушал внимательно и ни разу меня не перебил. Быстрый и сообразительный, он не стал приставать с вопросами, ответы на которые очевидны, — вроде того, кто такие «мы». Был, правда, момент, когда он бросил взгляд на Йейла, который ответил пожатием плеч.

— А теперь главное, — продолжала я. — Тот боевик принес в сады Болоньи Потрошильный Нож с двумя целями. Первая — убить, это очевидно, но была и вторая. Он хотел вернуться на Ганимед с вашими щеками.

— А!

— Вот именно. И он не имел никакого отношения ни к джинковой девушке с Тритона, ни к ее организации. Он выслеживал именно вас, Р-ога Юинта, наследника престола.

— Вот как!

— Именно так. Существует маленькая, но очень жесткая террористическая группа, которая вас не желает. Вы не маори. Вы воспитывались не в куполе. Вы развращены хонками. Вы мягкотелы. Вам нельзя доверять. Et cetera.[29] Ну и что же им остается делать? Необходимо вас уничтожить

---

[29] Notes: 29
И так далее (лат.).

— чем они и занимаются. Эти убийцы весьма не глупы и хорошо обучены, вот мне и пришлось устраивать всю эту комедию с «Двенадцатью днями».

— Зря они беспокоятся, — покачал головой Уинтер. — Мне ни с какого бока не нужен королевский титул.

— Для них это совершенно безразлично. Кто бы ни занял ваше место, вы будете постоянной угрозой. Большинство населения купола навсегда сохранит благоговение перед вашими щеками. Так что выход у наших ребят один — привезти эти щеки домой, в качестве охотничьего трофея.

— Я могу подписать акт об отречении.

— Никого это не устроит. Почему они должны верить, что вы не отречетесь потом от своего отречения? Вас просто *необходим* о уничтожить, и они пойдут по этой дороге до конца.

— Ни хрена себе! Чтобы такому приличному киндеру из гоев да такой крутой облом!.. Причем в тот самый момент, когда мы с Деми… — Уинтер осекся. — Но я не поверю, что вы заманили меня сюда, словно котенка бумажкой на ниточке, только ради дурных вестей с Ганимеда. Вы что-то задумали. Так что именно?

— Отправляйтесь на Ганимед и вступайте в

королевские права.

— У вас что, крыша поехала?

— Вас будет сопровождать Йейл.

— А при чем здесь доктор?

— Я никогда не говорил тебе этого, сынок, но Те Юинта платил за твое воспитание и образование. Он считал, что маори очень пригодится король, разбирающийся в привычках и обычаях белых.

— Вот-вот, — пробормотал Уинтер. — Ну совсем как титанианская мамаша Деми.

— И я просто обязан провести тебя через этот кризис, — продолжал Йейл. — Это мой долг перед Те, иначе вся наша подготовка пойдет псу под хвост.

— С вашего позволения, сэр, она и так пошла псу под хвост. Быть монархом — для этого нужно призвание, которого у меня нет и никогда не будет.

— Но зато вы останетесь в живых, — пояснила я. — После официальной коронации террористы на крайние меры не пойдут, иначе большинство от них отвернется, полностью и окончательно.

— А вам то, Одесса, какого черта тут надо? Защитить меня? Теперь, получив предупреждение, я и сам сумею себя защитить. Господь свидетель, я неплохо справился с этим на Венуччи.

— Я и в мыслях не имела защищать вас, — взвилась я. — Я защищаю работу, выполняемую вами для нас. Вы же напрочь перестанете воспринимать какие-либо структуры, кроме тех, что угрожают вашей драгоценной жизни.

Возразить было трудно, так что Уинтер только хмыкнул.

— А после коронации беспокоиться будет больше не о чем, и вы вернетесь к своим обычным, нормальным занятиям. — Я немного помолчала, давая ему время все переварить, а затем добавила: — Ну и ваша девушка, она тоже будет в безопасности.

— А ведь ты — сука, — негромко сказал он, глядя на меня с ненавистью.

— Даже не сука, а сучка — прирожденная, за всю свою жизнь так и не повзрослевшая. Знаешь ведь, какое место у мужика нужно выкручивать?

— Работа у меня такая.

— Ну да, вроде как музыка, «Музыка сфер»… защемленных дверью… Деми должна быть прикрыта на все время моего отсутствия.

— Я позабочусь.

— Ясно. Когда?

Молодец. Я готова была в него влюбиться. Приняв наконец решение, он прекратил все свои

протесты, действовал дальше без всякого писка.

— Сегодняшний рейс, в полдень. Йейл все организовал.

— Организовал чисто?

— В лучшем виде.

— Вы понимали, что я не откажусь, ведь моя девушка у вас в руках. А Деми, она узнает что-нибудь после моего отлета?

— Объясним ей ровно столько, сколько ей положено. Положитесь на меня.

— Да уж придется. Avante, dottore! — Уинтер вскочил на ноги. — А я рассказывал вам когда-нибудь, как мамонт ограбил ювелирный магазин?

Благодаря энергии мета ракетный полет длится теперь не месяцы и годы, как раньше, а дни, в крайнем случае — недели; ну а джинки в результате еще крепче держат всех за глотку. Ничего не попишешь, это цена, которую платит Солнечная за свое превращение из реденькой сети изолированных друг от друга аванпостов в тесное сообщество склочничающих друг с другом планет и спутников, а заодно и волшебная палочка, превращающая бандитов из мета-мафии в Благородных Контрабандистов. (На исследование по анализу и синтезу мета было затрачено не менее 5.271.009 часов — и это еще по самым консерва-

тивным оценкам. Но я говорю так совсем не из пренебрежения — древние угробили примерно столько же времени на поиски философского камня.) К главному люку купола Маори Уинтера и Йейла доставил катер на воздушной подушке. Стоял второй из трех дней светового дня, так что погода была достаточно ясной и приятной. Если интерьер этого купола и напоминал что-нибудь, так только Рапа Нуи — или, если желаете полуперевод «Великий Рапа», — более известный под фамилией «остров Пасхи».

Отличия, конечно же, есть. Остров треугольный, а купол круглый. Нет крытых тростником хижин, вместо них — маленькие сборные домики. Нет титанических каменных истуканов, вместо них перед каждым из родовых поселений стоит огромный тотем, вырезанный из дерева (левый глаз выложен пластинками слюды). Все до восхищения дико и примитивно, однако центральный кампонг, где маори собираются, чтобы посоревноваться, посплетничать, посклочничать, провести какую-либо церемонию und so weiter расположен прямо над ультрамодерновой системой жизнеобеспечения купола, приближаться к которой — особенно после трагедии в джонсовском куполе на Меркурии — табу для

всех, кроме специального на то уполномоченных техников.

Йейл оказался просто неоценим. За время перелета с Земли он успел выкрасить Уинтера сепийной вайдой, под стать коричневому цвету кожи настоящих маори — и это при яростном сопротивлении окрашиваемого (есть мнение, что благодаря вайде приобретается импотенция, хотя за что же тут ее благодарить?)

— Паблик рилейшнз, сынок, создание верного имиджа. Насчет той импотенции — одни ничем не подтвержденные слухи да и вообще к тому времени, как ты вернешься к своей женщине, вся вайда сгинет давно без следа.

— И я тоже, от беспокойства.

— Побеспокойся лучше о мамонте.

Проходя через шлюз, они ожидали увидеть внутри купола толпу встречающих, песни и пляски и на лужайке детский смех — одним словом, полный сумасшедший дом. Но ничего подобного не оказалось, их встретили торжественным и немноголюдным ритуалом. Двенадцать племенных вождей при полном параде, то есть в перьях, жемчугах, ожерельях и браслетах выстроились полукругом. Затем они преклонили колени, на коленях же подошли к Уинтеру и мягко, но на-

стойчиво раздели его догола.

— Опаро? Это ты? — прозаикался Уинтер на смеси полинезийского и английского. — Я так долго был в отъезде… Тубуаи? Мы боролись с тобой когда-то, ты всегда меня побеждал. Вайху? Помнишь, как мы попытались забраться на ваш тотем и нас за это выдрали? Теапи? Чинча?

Никто ему не отвечал.

Уинтер никогда не видел коронацию, так что ожидал почти чего угодно, но очень скоро убедился, что все его предположения ошибочны. Никаких возбужденных толп, никаких приветствий, барабанов, песнопений; вместо этого вожди провели его — в чем мать родила — через совершенно безлюдный кампонг и, храня все то же торжественное молчание, оставили одного во дворце Те Юинты, дворце, знакомом ему с самого раннего детства.

По понятиям маори дворец был огромен, он состоял из десяти отдельных комнат, в настоящий момент — пустых и голых. Из здания вынесли абсолютно все.

Уинтер присел на корточки посреди самого большого из помещений — огромного и великолепного (опять же по меркам маори) — тронного зала и начал ждать, что будет дальше.

Дальше не было ничего. Он ждал, и ждал, и ждал.

— Интересно, а доктора они тоже так встречают? — подумал Уинтер, растягиваясь на полу.

(Йейла тем временем осыпали гостеприимством, кормили и развлекали. У племени сохранились о нем самые лучшие воспоминания.)

— Предполагаю, они предполагают, что я должен погрузиться в размышления, — в такие размышления погрузился Уинтер. — Об огромной ответственности, ложащейся на мои плечи. О моем долге перед предками и перед народом. Вот так. Перед лицом своих товарищей торжественно клянусь, что буду честно стоять за дело Бога и отечества, неукоснительно исполнять Законы скаутов…

— Так вот, однажды утром приходит этот парень в свой ювелирный магазинчик, пораньше приходит — хотел бумаги привести в порядок. Только успел сесть за стол, как видит: подъезжает фургон, прямо к магазину. Задняя дверца фургона открылась, вылезает оттуда мамонт, весь волосатый, расшибает бивнями стекло витрины, а затем сгребает хоботом все, что там лежало. После чего забирается снова в фургон и — только их и видели…

Негромкое шуршание и позвякивание. Уинтер посмотрел на звук и обнаружил, что в комнату проскользнула темно-коричневая девушка. У нее были волнистые черные волосы — у маори они всегда либо прямые, либо волнистые, курчавых не бывает — привлекательные полинезийские черты лица и юное, совсем еще подростковое тело. Последний факт был голой, неприкрытой истиной, так как вся одежда девушки ограничивалась цепочкой серебряных (вот оно, позвякивание) раковин вокруг талии.

— А это еще что за хренопень? — недоуменно спросил себя Уинтер. — Элемент ритуала? Или будущая моя супруга, она же королева? Могли бы хоть со мной посоветоваться!

Девушка не стала тратить времени попусту. Через мгновение она была рядом и молча сплелась с голым, беззащитным журналистом, весьма недвусмысленным, возбуждающим образом проявляя, как сперва показалось Уинтеру, более чем серьезное отношение к будущим своим супружеским обязанностям.

Вот именно — сперва, пока что-то не царапнуло ему ногу, чуть повыше подколенной ямки. Тренированные рефлексы не подвели, наследник маорийского престола молниеносно ударил свою

так называемую будущую супругу коленом в пах и вышиб из ее руки бритвенно-острую раковину.

— Поджилки, говоришь? Вот так вы это, значит, придумали? — пробормотал Уинтер, глядя на согнувшуюся от боли вдвое девушку. — Нет, Одесса права, эти типы — далеко не клоуны. Хорош бы я был, охотясь на мамонта с перерезанными поджилками.

Он подхватил беспомощную девицу с полу и выкинул ее, словно охапку ветоши, через переднюю дверь дворца, но прежде доставил себе злорадное удовлетворение, до крови укусив голую коричневую задницу. С треском захлопнув дверь — чтобы показать решительность своих намерений, — он вновь обосновался на полу тронного зала, готовый к любому развитию событий. Уинтер не успел еще осознать, что это нападение и собственная его реакция пробудили в наследном принце с детства прививавшуюся ему кровожадность.

Следующие полчаса прошли в полном спокойствии, и он вернулся к своему внутреннему монологу.

— Так значит, как я рассказывал в тот момент, когда нас столь грубо прервали, смотрит этот парень на отъезжающий грузовик, смотрит в

полном опупении, а потом приходит кое-как в себя и звонит копам. Те являются и подходят к делу вполне серьезно, профессионально.

— Нам нужна какая-нибудь ниточка, зацепка. Ты усек помер машины?

— Нет, я видел только этого лохматого слона.

— А марка фургона?

— Не знаю, я и смотреть-то ни на что не был способен, кроме как на долбаного мамонта.

— Олл райт, а какой это был мамонт?

— Вы что, хотите сказать, что они бывают разные?

— Конечно. У азиатского мамонта большие висячие уши, как лопухи, а у американского мамонта — наоборот, уши маленькие и крепкие. Какие уши были у этого?

На этом вопросе Уинтер заснул.

Проснулся он от оглушительного шума и гвалта. Пришлось встать, открыть дверь и выглянуть наружу. Теперь кампонг был под завязку набит людьми, все они пели, вопили, топали ногами, лупили в барабаны. К дворцу шествовали племенные вожди, нагруженные шестифутовым королевским щитом Те Юинты и его же королевским копьем — Уинтер мгновенно узнал обе эти регалии.

— Уши! — пробормотал он. — Уши! Да откуда же мне знать? Этот долбаный мамонт натянул себе на голову чулок.

На этом с английским было покончено, далее наследный принц маори и думал на маори, и вел себя как маори. Голый и царственно-величавый, он вышел из двери навстречу приближающейся депутации, тронул каждого из вождей за грудь, в районе сердца, и пробормотал традиционное приветствие.

Вожди водрузили щит себе на плечи, он позволил взгромоздить себя на этот шаткий помост и встал для всеобщего обозрения — высокий, неустрашимый.

Три раза его обнесли вокруг кампонга, и все время стоял такой шум и грохот, что закладывало в ушах. Затем щит опустили, Р-ог Юинта гордо выпрямился и замер в напряженном ожидании.

Появился главный исполнитель обряда помазания, жрец — а скорее шаман

— с чашей масла. Откуда-то из глубин всплыло давно позабытое, и Уинтер осознал, что это — жир, вытопленный из трупа его отчима. Помазали его щедро — и макушку, и глаза, и щеки с монархической символикой, грудь, и ладони и пах.

— Сим коронуется Король Семи Боевых Каноэ, — возгласил шаман. — Король Гавайки, Апаи, Эвава и Маори. Р-ог Юинта, сын и ближайший наследник нашего последнего, недавно усопшего короля.

На голову Роуга возложили диадему Те Юинты, сплетенную из серебряных и угольно-черных прядей.

— Он и никто другой, — снова возгласил шаман.

Именно в этот момент любой член племени мог оспорить законность коронации.

Гробовая тишина.

Приблизились вожди, вложили в ладонь Роуга, на манер скипетра, королевское боевое копье Те Юинты, и тут снова начался полный бедлам. Теперь оставалось совсем немного — в одиночку убить мамонта и тем доказать свое королевское право главенствовать над племенем.

Ганимедский мамонт — еще один пример вселенской эксцентричности матери-природы (Деми Жеру предпочитает именовать ее «Космическая Maratre»[30]), которой помог в силу сил своих и возможностей и человек.

---

[30] Notes: 30
Мачеха (фр.).

Свинина — один из самых любимых продуктов питания обитателей Солнечной системы (отвлекаясь от всяких тронутых религиозных сект). А свиньи — народ просто восхитительный. Они умны, активны и обладают необыкновенной способностью к адаптации. Ни в коем случае не думайте, что свиньи любят возлежать в прострации и распространять вокруг себя нестерпимую вонь; этим занимаются только те несчастные представители гордого свинячьего племени, которых держат в грязных стойлах и откармливают до умопомрачения отбросами и помоями. Это прекрасно знает любой, наблюдавший чистую шуструю свиноматку, весело резвящуюся на лугу в окружении толпы столь же радостных поросят. К сожалению, когда свинина ценится на килограммы, свинине этой самой приходится валяться в грязи — для поддержания избыточной массы — и она жирно хрюкает и постоянно воняет, а именно в таком жалком состоянии и наблюдает свиней большая часть человечества.

Но под куполом нет места для вони животных (с человеческой-то справиться бы), поэтому животноводы и мясники бросились в ножки генетическим чародеям с просьбой сконструировать такую свинскую разновидность, которая

сумеет выжить не под куполом, а в наружных стойлах при почти анаэробных, убийственных для всего живого условиях Ганимеда.

Пришедшие в полный восторг от столь неожиданной и заковыристой задачи ученые выбрали для своих экспериментов тамвортов, одну из древнейших свинячьих пород. Тамворты выносливы, активны, плодовиты и состоят в близком родстве со всеми уважаемым диким кабаном. У них длинные морды, длинное тело, длинные ноги, крепкие плоские ребра и, к сожалению, далеко не самый приятный характер.

Генетики занялись обратной селекцией тамвортов, то сеть посредством селективного скрещивания и последующего отбора вернули по возможности эту породу к ее первоначальным, диким корням; одновременно на основе природной выносливости развивалась устойчивость к анаэробным условиям, иными словами искоренялась потребность в снабжении кислородом. Результатом был ганимедский «астрохряк», выращивавшийся с минимальными затратами и продававшийся по всей Солнечной за весьма приличные деньги. Можно привести характерные примеры рекламы:

ЖДЕШЬ ГОСТЕЙ? ТАК НЕ СКУПИСЬ!
АСТРОХРЯЧИНУ КУПИ!

или

МАЛО ЖИРА, МАЛО САЛА,
И ХОЛЕСТЕРИНА МАЛО.
СВИНИНА ЖИЗНЬ ТВОЮ ПРОДЛИТ,
АСТРОХРЯЧИНУ КУПИ!

Иногда кому-нибудь из этих ценных животных удавалось улизнуть из загона и скрыться. Свиноводы только пожимали плечами — гоняться? Овчинка (свининка) не стоила выделки.

Казалось, свободолюбивые парнокопытные обречены на верную гибель, но вот здесь-то и начались шуточки природы. Сотни миллионов лет назад прилив выбрасывал на берег первобытных рыб, обрекая их, вроде бы, на гибель; однако некоторые умудрились выжить. Совершенно так же умудрились выжить и некоторые из отдаленных их потомков, беглых астрохряков. Они рыли скованную вечным холодом почву, разыскивая мхи и лишайники, они вели голодную, опасную жизнь, они встречались друг с другом, спаривались, производили потомство. По большей части они быстро подыхали, тем не менее самые

выносливые сумели приспособиться к суровым условиям и постепенно эволюционировали, в результате чего на Ганимеде появились так называемые мамонты.

Правду говоря, «мамонты» эти больше походили на гигантских кабанов, чем на слонов. Высота их достигала двух метров — по сравнению с четырьмя метрами у настоящих, древних Mammuthus. Уши у них вроде слоновых — чтобы поглощать максимальное количество солнечного тепла. Они покрыты шерстью, подобно шерстистому мамонту. Изогнутые кверху бивни — главный инструмент для разрыхления почвы — чудовищно огромны.

Тамворты, с которых все и пошло, были всеядными, такими же остались и ганимедские мамонты; к тому же трудности с пропитанием привили им вкус к людоедству. Темпераментом они крайне походят на настоящих кабанов — злые, вспыльчивые, агрессивные; инстинкт самосохранения у этих животных стоит на самой низкой, опасной не только для них самих, но и для всех окружающих отметке.

Вот такого-то пятисоткилограммового психа ежегодно выслеживал и убивал каждый из королей маори.

— Уж хоть бы я свинину любил, — мрачно подумал Уинтер.

Одетый в скафандр и шлем, нагруженный кислородными баллонами, он держал в руке охотничье копье с длинным наконечником; с пояса синэргиста свисал Потрошильный нож — чтобы вырезать сердце поверженного противника, принести его в купол, а затем съесть. Ничего не поделаешь, такая вот симпатическая магия. Маори желали, чтобы их правитель обладал дикой жестокостью мамонта, для чего, собственно, и устраивалась эта ежегодная королевская охота.

— Смех да и только, — обреченно бурчал Уинтер. — При чем тут я, изнеженный землянин?

Но бурчал он на маори.

Местность оказалась очень неровной, похожей на лунную — каменные осыпи, сланцы, сланцевые глины, выходы изверженных пород, черный обсидиан — стеклоподобное напоминание о бурном вулканическом прошлом Ганимеда, в узких расселинах — тошнотворно-белесые клочья анаболических грибов, одного из немногих средств пропитания тех самых Мамонтов. (Дай жизни хоть один шанс из тысячи, она в него вцепится и не отпустит уже никогда.) Через час после выхода из купола Уинтер встретил первые следы Мамон-

тов, точнее не следы, а конические кучки помета. Ест мамонт непрерывно и столь же непрерывно испражняется.

Двинувшись осторожно по следу, не совсем еще утвержденный король маори обнаружил, что след этот сливается с другими и выводит в конце концов к неглубокому кратеру, густо усеянному подобными кучками.

— Мамонтовый кампонг, — хмыкнул он.

Затем охотник взял верх над юмористом.

— Вот здесь-то и есть ошибка Те Юинты. Они все делают эту ошибку, а в результате нарываются на неприятности. Не нужно идти к мамонту и пытаться его перехитрить — пусть он идет к тебе и пытается перехитрить тебя. Да, именно так.

Один взгляд на ослепительно-яркий диск садящегося солнца и гигантский ломоть Юпитера, выпирающий над горизонтом сказал — до начала трехдневной ночи остается всего один час. Времени вполне достаточно, раньше эти зверюги, ведущие почти ночной образ жизни, не выйдут.

Уинтер вернулся немного назад, внимательно осматривая местность, и нашел наконец то, что надо — небольшой кратер с примерно десятифутовой высоты валом. Метеорит, наверное, ударил. Дно кратера состояло из покрытого се-

тью трещин сланца. Удовлетворенно кивнув, хитроумный охотник подбежал к замеченному им ранее выходу обсидиана и начал осторожно, чтобы не проколоть скафандр, собирать длинные игольчатые осколки этого черного стекла. Ударами металлических подошв удалось отколоть несколько еще более длинных стеклянных сталактитов. Все эти режущие предметы он рассовал внутри кратера по трещинам, поближе к десятифутовому валу. Кровать из гвоздей обкидала факира.

Уинтер выпрямился во весь рост и некоторое время стоял неподвижно, тяжело дыша, сглатывая слюну и стараясь наполнить сменный пластиковый мочеприемник скафандра, а потом нащупал сзади вентиль; через секунду его карикатурно раздувшийся скафандр напоминал то ли воздушный шарик, то ли труп утопленника. Следующая операция требовала определенного проворства: он нагнулся, просунул руку в анальный клапан и мгновенно вытащил мочеприемник. К тому времени, как Уинтер закрыл клапан и отрегулировал давление в скафандре, моча уже замерзла.

Он перелез через вал кратера и снова направился к мамонтовому кампонгу, разбрасывая по

пути отколотые Потрошильным ножом кусочки мочи. Кампонг так и оставался пустынным, но солнце уже село, колючими искрами сверкали звезды, среди которых выделялась ушастая электрическая лампочка Сатурна, отдельные его кольца невооруженный взгляд не различал. Уинтер бросил на почву остатки мочи, растер ее металлическими подошвами и еще раз прогулялся к маленькому кратеру. И стал ждать.

Ждать приходилось стоя, сесть мешала болезненно отмороженная при извлечении мочи задница.

Он ждал, почти уверенный — Хряки не оставят без внимания такое откровенное посягательство на свою территорию.

Он проверил древко копья; фиберглассовое, оно обладало прочностью и гибкостью прыжкового шеста.

Он ждал.

Он собрал небольшую кучку камней — гладких, которые не повредят перчатки скафандра.

И снова ждал.

И ждал.

И вот наконец появился астрохряк, молча и мрачно принюхивавшийся к этому невиданной

наглости defi[31] — чужой моче. Вид животного, мягко говоря, впечатлял — жесткая обледенелая шерсть встала дыбом, налитые кровью глаза ворочаются, выискивая противника, огромные лопухи ушей нервно подрагивают, жутко блестят, отражая неверный звездный свет, устрашающие бивни. Полтонны дикой злобы и ненависти.

Уинтер взял из своей кучи камень, сильно швырнул его и промахнулся. Только четвертый камень попал в мамонта и привлек наконец его недовольное внимание. Уинтер высоко подпрыгнул, помахал рукой, пробежал несколько шагов вперед, угрожающе потряс копьем, бросился назад и швырнул еще один камень, который угодил свиномамонту прямо в пятачок.

Окончательно взъярившийся зверь задрал хвост, пригнул голову и рванулся вперед; острые бивни грозили разорвать обидчика пополам, от паха до шеи, Уинтеру потребовалось все его хладнокровие, чтобы замереть и внимательно следить за этой атакой, подобно матадору, оценивающему скорость быка. В самый последний момент он развернулся, пробежал три шага, перепрыгнул — пользуясь древком копья, как шестом

[31] Notes: 31
Вызов на дуэль (фр.).

— вал кратера и полосу, утыканную осколками обсидиана, приземлился на колени и снова развернулся. Преследуя отступающего противника, мамонт перебрался через вал и всей своей тушей рухнул на «кровать факира». Теперь он бился в агонии, из мягкого брюха, вспоротого не менее чем десятком стеклянных кинжалов, обильно хлестала, здесь же замерзая, кровь.

Уинтер поднялся на ноги, глазами поискал копье и вспомнил, что уронил его за пределами кратера. Он содрогнулся, только сейчас осознав, насколько сильно рисковал. Не упади этот поросеночек на колья… Ладно, обойдемся и без копья, заключительный удар совершенно излишен — мамонт и сам сдохнет с минуты на минуту.

Он стоял и смотрел на предсмертные судороги животного — и вдруг поднял голову, краем глаза заметив осыпающиеся в кратер мелкие камешки. Через вал перебиралась безутешная вдова безвременно усопшего хряка. Эта двигалась немного помедленнее.

Мамонтиха соскользнула по внутренней стенке кратера, очень удачно (для себя) прокатилась по немногим оставшимся торчать осколкам стекла, раздавив их при этом, и вскочила на ноги — еще одна полутонна ярости.

Она бросилась на известного нью-йоркского журналиста, острыми копытами попирая все еще вздрагивающее тело предательски умерщвленного хряка. В широко распахнутой пасти виднелись огромные корявые зубы, способные раздробить булыжник.

Уинтер приплясывал на месте — то отступал на полшага, то подавался на полшага вперед, пытаясь уловить момент последнего, смертельного броска. Он высоко вскинул руки, а затем, когда страшные челюсти были уже почти рядом, поймал тяжелые уши, рванул, сделал полусальто, перелетел через огромное свинячье рыло и уселся верхом, цепляясь за жесткую густую шерсть. Такой номер выполняют иногда на Крите при играх с быком.

Затем последовало неизбежное вставание на дыбы, вскидывание зада, броски из стороны в сторону; все это сопровождалось высокими — тяготение на Ганимеде довольно слабое — прыжками. Крепко сжимая широкую спину ногами и придерживаясь одной рукой, Уинтер обнажил Потрошильный нож. И перерезал отважной вдове глотку.

Он явился в купол маори с двумя сердцами, нанизанными на копье Те Юинты.

Чествование победителя прошло в самой радостной обстановке. Уинтер оказался первым из королей, принесшим с охоты двойную добычу, и это сочли за благое предзнаменование. Дважды король Р-ог!

Били барабаны, но не в привычных белому человеку однообразных ритмах две четверти, три четверти или четыре четверти — традиционный маорийский стиль вообще не допускает постоянного ритма, барабаны ведут рассказ со всеми его паузами и знаками препинания, примечаниями и объяснениями.

Девушки и женщины танцевали, в их танцах тоже не было жесткой, раз и навсегда заданной структуры. Они разыгрывали древние маорийские предания, символическими жестами рассказывали о победоносных войнах, сломленных врагах, о героях, совокупляющихся со своими женами, чтобы произвести могучих потомков, которые поведут маори к еще более славным победам.

Пиршество поражало великолепием — нежный молодой крокодил (скорее всего похищенный из какого-нибудь негритянского купола), анаконда, десятифунтовые лягушки, импортное акулье мясо, конина и — конечно же — шашлык из ма-

монта. Из Мамонтов. Какой смысл оставлять две огромные туши друзьям и родственникам покойных на съедание? Кроме того имелись опиум и гашиш, приобретенные в турецком куполе.

Великолепно выбрав момент, в самый разгар празднества, когда дальше оно могло идти только на убыль, шаман препроводил Уинтера к тому самому возвышению, на котором его короновали; теперь там жарились мамонтовые сердца. Это была кульминация.

Глубоко поклонившись, шаман отступил и присоединился к вождям, ровным кольцом обступившим невысокую земляную насыпь. Ни один мускул не шевельнулся на лице Уинтера, когда раскаленный вертел обжег ему руки; он откусил огромный кусок первого сердца, разжевал — снова не поморщившись — шипящее от жара мясо и проглотил. Дикие крики восторга! Он повторил ритуал, проглотив кусок другого сердца, снова прозвучали вопли, но на этот раз они резко оборвались. Уинтер недоуменно посмотрел на толпу своих подданных, а затем — на вождей и шамана, в ужасе пятившихся от возвышения.

— В чем дело? — громко вопросил он.

Лицо шамана тряслось, он немо тыкал Роугу в ноги.

Роуг посмотрел вниз. Возвышение кишело какими-то мелкими тварями, все вылезающими и вылезающими из-под земли. У тварей не было отчетливой формы

— серые, волосатые комки, они бестолково сновали под ногами, словно что-то разыскивая.

— Души Мамонтов! — Крик, прозвучавший из самой гущи собравшихся был полон ужаса. — Это души Мамонтов! Души Мамонтов, убитых королями!

Непонятное и неприятное происшествие потрясло Уинтера, но на лице его это никак не отразилось. Разве может король бежать, поддаваться панике?

Повторив (на этот раз в мертвой, гнетущей тишине) церемониальное сердцеедство, он положил вертел на прежнее место, повернулся и гордо, величественно покинул возвышение, даже взглядом не удостоив загадочных существ, все также ползавших под ногами. По словам Йейла, представление было первоклассным, с чем он и поздравил Роуга чуть позднее, уже в королевском дворце.

— Спасибо, Джей. Господи, да у меня же прямо ноги подкосились.

— Вот и у меня.

— А ты веришь в жизнь после смерти? В духов? В привидения? Вообще во всю такую мистику?

— Насчет животных — точно нет.

— Я тоже не верю. Что же это за штуки ползали тогда у меня под ногами? Ведь не души же Мамонтов.

— Сейчас узнаем, — пообещал Йейл. — Я поймал одну такую душу.

— Что?

— Подобрал ее, когда ты сходил с возвышения.

— Ну и где же она?

— Здесь.

Йейл распахнул церемониальную мантию и встряхнул одну из ее складок. На пол вывалился маленький комок, покрытый серой шерстью; мгновение полежав неподвижно, он начал неуверенно ползать.

— Похоже на шкуру мамонта, — пробормотал Йейл. Он потрогал комок, осторожно его ощупал, а затем сдернул серый шерстистый лоскуток, обнажив существо совсем иного, чем прежде вида. — Да это же просто детеныш подковного краба, покрытый мамонтовой шкурой!

— Не трогай, — осек его Уинтер. — Это не детеныш краба, а вполне взрослая панцирная стоножка Кринга, ее яд смертельно опасен.

Йейл отскочил в сторону, Уинтер встал, сильным ударом каблука раздавил ядовитую тварь и начал задумчиво расхаживать.

— Такая вот, значит, картинка, — произнес он наконец.

— Какая картинка, сынок?

— Подумай сам, Джей. Эти кринголожки живут под землей. А что там у нас под кампонгом вообще и под насыпью в частности?

— Силовая установка купола.

— Значит оттуда они и явились.

— Похоже на то.

— Там вполне можно наловить этих тварей, обрядить их в маскарадные костюмы, а затем сунуть под насыпь, чтобы они вылезли прямо на меня.

— Больно уж это сложно, сынок.

— До коронации эти ребята пытались угробить своего наследного принца прямо и без затей. Желание послать меня на тот свет не пропало, но теперь я — его королевское величество, так что открыто действовать они не могут. Слишком дорого обойдется.

— Тоже верно.

— А почему бы тогда и не посредством ядовитых душ покойных Мамонтов? Король Р-ог оскорбил

богов, и те его покарали. Суеверные маори легко в такое поверят и не будут чинить никаких препятствий воцарению другого монарха.

— Так что, опять та же самая террористическая группа?

— Опять, Джей, опять. — Уинтер упрямо, по-бычьи покачал головой. — Нужно разобраться с этой историей, иначе покоя не будет.

— Роуг, а ты хоть представляешь себе, кто это такие?

— Даже догадок не имею.

— Ну и как же будешь ты с ними разбираться?

— Спущусь вниз, посмотрю, что делается на энергостанции. Очень удобное место для организации ячейки — ведь вход туда строго запрещен. А уж гнев богов обрушился на меня точно оттуда. — Уинтер повернулся к выходу. — Пока, Джей.

Энергостанция представляла собой огромный темный подвал, битком забитый чем-то вроде стальных цистерн, только поставленных на попа и по-приятельски обнявших друг друга за плечи. В действительности это были последовательно соединенные силовые блоки, каждый — в бронированном кожухе, запертом на замок, чтобы никто не совался. Посреди подвала тускло светил фонарь, но что там происходит Уинтер не видел

из-за густо натыканных цистерн. Ни на секунду не отпуская рукоятку ритуального Потрошильного ножа, так и оставшегося висеть на поясе, он начал осторожно, бесшумно пробираться сквозь стальной лабиринт. Голоса доносились все громче и громче. Еще один поворот — и маорийские карбонарии предстали во всей своей красе.

Три женщины и двое мужчин; тесно сбившись вокруг фонаря, они что-то тихо обсуждали. Сердце Уинтера болезненно сжалось.

— Надо было давно догадаться, — печально покачал он головой, узнав в женщинах трех своих сводных сестер. Не стараясь более ступать тихо, новоинаугурированный (я не запуталась?) король маори вошел в круг света, отбрасываемого фонарем: пятеро повернулись и узнали нежданного гостя. Наступило долгое молчание, говорить не было смысла — все все понимали.

— Уходите, — махнул он мужчинам. — Здесь семейные дела.

Двое помедлили, нерешительно глядя на женщин, но те утвердительно кивнули. Уинтер остался один на один (на трое?) со своими сестрами.

— Мне нужно было догадаться, — нарушил он новое тягостное молчание, — еще когда вы

не явились на коронацию. Но обо всем сразу не подумаешь, а тут так много нового, незнакомого.

Молчание.

— Куити, Тапану, Патеа, вы отлично выглядите.

Что было правдой. Высокие, красивые женщины лет сорока с чем-то, все еще стройные, едва начинающие седеть.

— Почему? Почему?

— Кроме нас нет настоящих наследников.

— Ну да, ведь я — сирота-приемыш. Согласен, Куити, но ведь вы это всегда прекрасно знали.

— И не могли с этим примириться.

— Ничуть вас не осуждаю. Согласен, я — чужак, вломившийся в вашу семью, да ведь не я это придумал, на все была воля вашего отца.

— Он не имел права.

— А вот право он имел, Патеа, самое полное. Женщина не может сидеть на троне.

— У нас есть мужья.

— Понятно. Вот, значит, в чем дело. А сыновья?

Ответом было враждебное молчание.

— Ясно. Извините за такой вопрос. Так значит, прямая линия Юинта пришла к концу. Очень печально, однако такое случалось со многими царственными семьями. И вы хотите возвести на

трон одного из своих мужей, а самим оставаться настоящей, скрытой за кулисами властью. А если он не будет вас слушаться? Что тогда?

— Он *будет* слушаться. Нас трое и только мы — настоящие потомки Те Юинты.

— Конечно, конечно, вот только чей это будет муж? Твой, Куити? Ты ведь старшая.

— Ты убил его! — в резком голосе женщины дрожала ненависть.

— Убил? Что за чушь!

— На Венуччи.

— На Ве…? Ты имеешь в виду… как там его звали? Кеа Ора? Я думал, он простой боевик.

— Он должен был стать королем.

— Боже мой! Боже мой! — Уинтер был совершенно ошеломлен. — Какой ужас! Муж моей сестры…

— Я никогда не была тебе сестрой.

— А теперь никогда не будешь королевой. Кто такие эти мужчины, которые сидели здесь? Тоже мужья?

— Нет.

— Боевики?

— Да.

— По ним и похоже. Сколько у вас человек?

— Увидишь, когда мы будем готовы.

— А вот уж нет, Куити, — медленно процедил Уинтер. — Нет, теперь, когда я все знаю и могу сделать так, чтобы вас привлекли к ответственности вне зависимости от того, что случится со мной — теперь вы никогда не будете готовы. Так что, сестренки дорогие, сестренки вы мои любвеобильные, Куити, Тапану и Патеа, с вашими девичьими играми покончено.

— Никогда!

— Покончено, — уверенно кивнул Уинтер, обнажая Потрошильный нож. Ни одна из трех сестер не дрогнула. — Случись хоть что-нибудь со мной или моими близкими — в ответе будете вы. И я скрепляю это своей священной кровавой клятвой.

Он полоснул ножом по своей руке и, прежде чем женщины успели отшатнуться, измазал их лица кровью.

— На вас моя клятвенная кровь. Это — конец вашей вендетты. Больше мы не увидимся.

Уинтер повернулся и ушел.

— Вы ни разу не произнесете больше моего имени, — донесся из темноты его голос.

РАЗЛУКА ТЫ, РАЗЛУКА

Нынче здесь, завтра там — беспокойный Вилли Ныне здесь, завтра там, да и след простыл Воротись поскорей, мой любимый Вилли, и скажи, что пришел, тем же что и был.

Роберт Бернс

Дорогие читатели, вы снова находитесь в обществе Одессы Партридж, каковая, в свою очередь, находится на Терре, на северо-востоке не трудно догадаться какого континента, и хочет напомнить вам, что более-менее последовательно выстраивает данное повествование из огрызков информации, которой соблаговолило поделиться с ней высокое начальство. Чувствую я себя при этом чем-то вроде все понимающей еврейской мамаши. Приятное ощущение.

Согласных судьба ведет, сопротивляющихся — тащит, так, что ли? Приключения Р-хрюк-ОГа были серединка на половинку, тащить его, может, никто и не тащил, но погонять пинками приходилось, уж это точно. А пока он и его *Fatum* предавались таким вот развлечениям на Ганиме-

де, в зловещих джунглях Нью-Йорка, *une crise se prepare* («назревающее событие») оглушило Деми Жеру буквально как в парадной кирпичом.

После некоторых объяснений с моей стороны она восприняла неожиданный отъезд Роуга спокойно и без хныканья, как хорошая девочка, да иначе ее, собственно, и не назовешь. Ожидая, когда же вернется маорийский принц — теперь даже король — Деми пыталась жить точно так же, как и в прошлом, прежде, чем ловец попался в свои же сети.

Проснувшись тем утром, она заблевала все вокруг; это случилось второй раз подряд и второй же раз подряд было списано на счет неблагоприятных физиологических последствий разлуки. Деми осмотрела себя в зеркален и вновь поразилась, насколько эта неприкрытая титанианская сущность соответствует идеалу Уинтера: стройная виргинальная (виргинская — да, девственная — ? но причем тут вирджинал?) фигура, высокая грудь, задорно задранная задница. Прозрачно-восковая кожа и каштановые волосы, почти точная копия «Рождения Венеры» Ботичелли. Копия, которая лучше оригинала, ведь Сандро напрочь лишил свое видение какой бы то ни было сексуальности.

— Роуг, все это — работа Роуга, — пробормотала она. — Вот и не верь сказкам про царевну-лягушку. Колоссальное открытие! — сообщила царевна-лягушка пси-кошке. — Для обретения полной реальности женщине необходим мужчина.

Титанианская безграничность накладывала на ее стиль ограничения, легко понятные любой деловой особе. На работе Деми бывала всякой — твердой и уступчивой, компетентной и беспомощной, замкнутой и компанейской; одежда, вступающая в противоречие хотя бы с одним из этих образов, не годилась. В конце концов многогранная корректорша (ныне — младший редактор) «Солар Медиа» остановилась на темном неброском костюме, строгой блузке, простых туфлях и полном отсутствии каких бы то ни было украшений. Правда, в ее объемистой сумке всегда лежали кое-какие драгоценности, а также изящные туфельки и сумочка — так, на всякий случай.

Включив калейдоскопический проектор — чтобы было за чем гоняться пси-кошке — она отправилась в контору.

Этот месяц Деми работала в «легкую смену» — от полудня до шести, однако, проявляя

похвальное усердие, зачастую приходила в агентство на несколько часов раньше. Сегодня эти часы были просто необходимы — требовалось разобраться в материалах на новоязе, древнефранцузском, мозамбикском. Тайном английском и хроматическом, а затем передать их хозяину (он же — главный редактор) «Медиа», Аугустусу (Чингу) Штерну, сопроводив разумным резюме и резонными рекомендациями. Особый ее восторг вызвала абсолютно бредовая статья «франсуа-Дьяболо» — подробное доказательство дьявольской природы Рабле (Деми знала, что великий средневековый farceur[32] был в действительности титанианцем), но Чинг как-то не уловил юмора.

К половине шестого она решила, что вечер, посвященный развлечениям, поможет немного забыть про Роуга, набрала номер фирмы «Герл-Гард», подождала, пока компьютер проверит состояние ее банковского счета, и заказала себе кавалера, буквально по всем статьям противоположного Уинтеру. Это, надеялась Деми, малость притупит уже разгоравшуюся в конторе сплетню. На критический вопрос: «Секс?», она набрала

---

[32] Notes: 32
Шутник (фр.).

«НЕТ»; испуганная поспешность этого ответа не прошла незамеченной и утвердила кумушек в их подозрениях.

Маленький, крепкий, агрессивный (жалкой агрессивностью третьеклассника, вызывающего на драку своих сверстников) он ввалился в «Медиа», по-петушиному выпятив грудь и всем своим видом объявляя, что он — пуп Вселенной, а сомневаться в этом опасно для здоровья.

— Мисс Джероукс? — громко возгласил он. — Кто тут будет мисс Джероукс?

— Я.

Сердце Деми упало.

— Я — Самсон из «Герл-Гард», — голосом диктора рекламного ролика представился Самсон из «Герл-Гард», оглядывая тем временем остальных женщин комнаты. — Герк Самсон.

— Герк — это Геркулес? — негромко поинтересовалась одна из оглядываемых.

— Точно сечешь, телка, — кинул через плечо маломерный Самсон, беря за локоть робко поднявшуюся из-за стола Деми. — Оттянемся, крошка, на полную!

— Его рот растянулся в широкой ухмылке. — Счет твой, конечно, малость скиснет, но ты не бо, Герк того стоит! Зря ты только с этим отри-

цательным.

— Он окинул Деми оценивающим взглядом. — Хорошая доза Герка была бы тебе в самый кайф. Герк Самсон — чемпион. Герк — это сила.

Сегодня в программу Деми не входили обычные для нее культурные, рафинированные развлечения — Самсон организовал для своей подопечной экскурсию по сомнительным заведениям преступного — или на грани того — «дна» Нью-Йорка. Он находился на дружеской ноге со взломщиками и торговцами краденым, с мелкими жуликами и прожженными аферистами. У него была уйма знакомых среди сутенеров, завсегдатаев странноватых «спортивных залов», среди букмекеров и в борделях — этих цитаделях злачного мира.

— Герк Самсон — чемпион, — снова заверил он Деми. — «Герл-Гард» — надежный гарант, так что, крошка, будь спок. Герк — это сила.

Деми сломалась в первом же «спортивном зале» — в «Собачьей конуре».

Вырастить действительно классную бойцовую собаку — дело серьезное. Мастиффы, бульдоги, терьеры, гончие, лайки, сеттеры, эрдели и самые фантастические дворняги — чаще всего краденые — завозятся изо всех уголков Солнечной. Общий вес запускаемой на арену десятки огра-

ничен пятью сотнями фунтов, поэтому собаки весят обычно не более сорока-пятидесяти фунтов каждая.

Главное тут — питание и воспитание, а точнее — тренировка. Для тренировок используют «куски мяса» — нищих бродяг, которых связывают кабальными контрактами, подкармливают, чтобы придать им некоторую силу тела и духа (иногда присовокупляют к кормежке обещание освободить от контракта), а потом выпускают на арену. Предварительно «кускам мяса» выбривают наиболее уязвимые части тела — чтобы собачка училась грызть, где надо.

Боязливо, широко раскрытыми глазами Деми осмотрела зал, куда привел ее Самсон. Посередине — круглая заглубленная площадка, усыпанная, на манер цирковой арены, песком, вокруг нее — переполненные трибуны. Стены увешаны афишами и спортивными гравюрами. В стеклянных ящиках — чучела знаменитых в свое время собак, на самом видном месте — большой портрет голого, атлетической внешности негра, «Чудодея Чарли».

— Весил сотню фунтов, — сообщил Самсон своей оробевшей протеже. — Всегда надевал на шею женский браслет. Один раз Чарли выстоял три

схватки подряд. Величайший борец всех времен, сколько угробил собак — и не сосчитаешь, но в конце концов они его сделали.

Чуть поодаль полдюжины голых — и наголо выбритых — мужчин усиленно разминались, а тем временем орущие и вопящие игроки делали ставки на своих фаворитов.

Объявили первую схватку, с участием «Бандита Бенни». Бенни грузно спрыгнул на арену, оббежал ее по кругу, отвечая на приветствия аплодирующих болельщиков, затем вышел на середину и кивнул судье. Из открывшегося люка на арену вылетели десять собак; яростно рыча, оскалив покрытые пеной морды, они бросились на Бенни, который начал руками и ногами забивать их насмерть.

— Уйдем, пожалуйста, — умоляюще прошептала Деми.

— Да ты, крошка, никак из общества защиты собачек и кошечек, — расхохотался Самсон. — О'кей, все будет тип-топ. Герк Самсон — не грошовый пижон. Мы знаешь что сделаем? Пойдем в «Стреляй их на Хрен». Там без собак.

Заведение «СУКИ» (Стервы и Ублюдки Криминальной Истории) представляло собой точный слепок салуна, вроде тех, что были когда-то на Ди-

ком Западе. Здешняя труппа воссоздавала образы легендарных звезд вестернов двадцатого века — Гэри Купера, Джимми Стюарта, «Дюка» Уэйна, Марлен Дитрих, Мэй Уэст и прочих. Одежда этих знаменитостей повторялась до мельчайших подробностей, актеры длительными тренировками оттачивали мастерство владения револьвером, а актрисы не менее упорно репетировали канкан и приемы непритязательного — сиськой в морду — соблазнения мужчин. Скользкие типы в шелковых цилиндрах и смокингах доводили до совершенства древнее высокое искусство карточного мухлевания в стиле Джона Каррадине, Генри Холла, Брайана Донлени и иже с ними.

Этим вечером ставилась драка в баре с неизбежной ломкой мебели, битьем стекол, кровавым мордобоем, швырянием бутылками, а на закуску — перестрелкой. Убитых оказалось двое — Генри Фонда, на груди которого была шерифская звезда, и Джейн Рассел, на груди которой — ровно как и на остальном теле — не было вовсе ничего.

— Потрясающе! — воскликнула Деми, восхищенно аплодируя. — Ну совсем как по-взаправдашнему.

— А тут, крошка, и есть все по-взаправдашнему.

— Как? Так что, эти люди… их действительно били и убивали?

— Ага, все без понта. Мочилово здесь всегда на полном серьезе. Да этим ребятам гасить друг друга — самый кайф. Поэтому в СУКах каждый вечер под завязку.

— А… а убивают тоже по-настоящему?

— Нет, это бы уж полный был облом. Хрень у них всякая, бутафория. Тратят на нее такие крутые башли, что дешевле было бы замочить одного-другого. Ну и цены у них поэтому — чистый отпад. Увидишь свой счет — охренеешь. Герк Самсон — не пустозвон. Что на витрине, то и в магазине.

— Может, уйдем отсюда?

— Не в кайф это, крошка, тут еще линчевание будет.

— Ну пожалуйста.

— О'кей. А как насчет классного судебного процесса? Ни драк, ни собак — чистый оттяг.

Чистый оттяг имел место быть в борделе, отделанном по лучшим стандартам викторианской эпохи — красный бархат, резные зеркальные стекла, мореный дуб, неверное мерцание газовых фонарей. Вышибалы щеголяли во фраках и белых накрахмаленных манишках, заколотых

бриллиантовыми булавками. Вполне из себя викторианского вида гувернантка строго, но справедливо опекала малолетних проституток.

Сегодня подавалось, если можно так выразиться фирменное блюдо этого заведения — восхищенная аудитория наблюдала судебное заседание (точнее — представление). Роль зала исполняла ЛСД-гостиная борделя. Председательствовал вполне викторианский, в черной мантии и белом парике, судья; молотком ему служил деревянный, гипертрофированных размеров член Размещенный на галерее оркестр наяривал ударные номера из «Суда присяжных».[33] В загородке для присяжных сидели двенадцать проституток, все — густо напудренные, накрашенные, в соблазнительно декольтированных платьях с блестками. На скамье обвиняемых сидела еще одна, столь же гротескно размалеванная проститутка; она непрерывно кривлялась, пела, визжала, несла какой-то рифмованный, по всей видимости наркотический бред.

— Подсудимый! — Голос судьи с трудом перекрывал рев зала. — Вам предъявлено обвинение. Что вы можете сказать в свое оплевание?

---

[33] Notes: 33

"Суд присяжных» — оперетта У.С.Гилберта и А.Салливана.

— А как это вышло, что *ты меня судишь?* — отпарировала обвиняемая и запела:

Не суди, мочалка, и не будешь ты судима,

и тебе не кинут палку, и не будешь ты долбима.

И не чмокнут тебя, и не чпокнут тебя,

ни в дыру — трах-трах, ни в нору-трах-трах…

Член с грохотом обрушился на конторку.

— Неужели, подсудимая, вы сами этого не знаете?

— Знаю, знаю, ты кому-то сунула взятку. Да что я мелю, не сунула, а дала, сунули тебе.

— Что сунули?

— То, что суют, когда дают. А ты скажи, сколько ног имеет Конь Бляд Апокасифилиса?

— Четыре.

— А если отнять три ноги у четырех Апокасептических блядников, сколько останется?

— Девять.

— А отнять еще шерсть, сколько будет?

— Три.

— У меня три ноги, значит — я блядник, значит я — Конь Бляд.

— Чей конь, подсудимый?

— Всехний Забери у меня две, что осталось?

— Один.

— Один-единственный, мой единственный, мой единственный конец, мой таинственный конец, наконец, наконец, наконец всему конец. Суди меня, присуди меня к испражнительным работам, к распердительным работам.

— Подсудимая, встаньте. Я приговариваю вас к растраханью.

— Как я рад, как я рад, капли в зад, капли в зад. Раздвиньте меня, задвиньте в меня, шарарахните меня, я — для всех людей, кончайте скорей, кончайте, кончайте, все досуха выжимайте.

Одежда полетела на пол и оказалось, что «подсудимая» — не женщина, а переодетый гомосексуалист; ту же трансформацию претерпели и с криками набросившиеся на него «присяжные».

— Вот потому-то и вышиб себе мозги этот посол, — сообщил Самсон окаменевшей от ужаса Деми.

— Ч-чт-то?

— Труйдж Калиф, турецкий посол. Посольство заявило, что сердечный приступ, а по правде он самоубился. Вляпался, раскрутили его уличные ребята. Ну, сама знаешь, как это бывает. Заклеи-

ваешь шлюху. Она ведет тебя к себе поразвлечься. Ловят тебя с поличным, да еще пленки показывают, путы и покупаешь эти пленки. Только эта шобла не стала продавать пленки, они раскрутили его на хороший шантаж. И знаешь, как?

— Н-незн-наю и знать не хочу.

— Кинули они посла этого — полный облом. Шлюха та совсем не была взаправдашней мочалкой, это как раз и был этот самый — ну, обвиняемый, которого там сейчас трахают, Труйдж совсем охренел от страха и…

— Пожалуйста, — бессильно взмолилась Деми. — Я хочу домой.

Галантно препровожденная галантным кавалером до самой двери («Герл-Гард» — надежный гарант), она не глядя подмахнула аккуратно составленные Самсоном счета, заперла все замки и чуть не рухнула тут же, у двери.

(Постскриптум к приключениям Деми: уж сколько лет нас изводили представители турецких куполов (для тех, у кого слабо с географией: располагаются турецкие купола на Ганимеде) — вынь да положь им объяснение этого загадочного самоубийства. Когда Деми поведала мне в конце концов о своих развлечениях, вся загадочность мигом исчезла Несчастная девушка нарвалась

на эти кошмары по вине — в некотором смысле — Роуга, так что и здесь он сыграл для нас — в некотором же смысле — обычную свою роль «Пойнтера».) На следующее утро Деми не только тошнило, появились некоторые дополнительные обстоятельства. Теперь не оставалось сомнений, что нужно показаться врачу. Она позвонила в «Медиа», сказала, что больна, а затем связалась со своей настоящей матерью, все еще жившей в Виргинии, и отправилась к ней на консультацию.

Теперь попробуйте представить себе, что вы — титанианский полиморф. И вы добровольно расстались с родиной, так как предпочитаете — подобно бесчисленным другим титанианцам во все века истории человечества — жить на Земле и вам нравится избранная вами роль всеми уважаемого терапевта. Ну и какую же внешность вы себе придумаете для постоянного, так сказать, употребления? Как, по-вашему, должна выглядеть женщина-врач? Мать Деми, доктор Алтея Ленокс, взяла за образец величайшую из королев, Елизавету Английскую.

Консультация, естественно, велась на титанианском. По причине полной невозможности изложить на бумаге химическую беседу, я оставляю тут пробел; заполните его, если хотите,

знаками трех ваших чувств — вкуса, обоняния и осязания. Задача не из простых — у титанианцев крайне сложная грамматика. Например: тактильное ощущение туго натянутой тетивы лука можно использовать как глагол для запаха лука — но только в том случае, если подлежащее фразы обладает едким вкусом.

За все эти три дня было произнесено единственное земное слово:

— *Крольчиха.*

Деми вернулась в Нью-Йорк совершенно потрясенная.

Уинтер закончил эпическое повествование о приключениях на Ганимеде и осторожно снял со своей шеи пси-кошку, буквально зачарованную то ли им самим, то ли тембром его голоса, то ли надеждой на скорое появление у него пятен перед глазами. Пристроив загадочное животное себе на колени, он озабоченно оглядел Деми, несколько удивленный ее видом или, уж точнее, полным такового отсутствием.

После трех недель разлуки можно было надеяться на больший энтузиазм при первой встрече, можно было предположить даже, что младшая редакторша «Медиа» примет образ веселой, остроумной хозяйки дома, вроде знаменитой своей

тезки мадам Жанны Франсуаз Жюли Аделаиды Рекамье (1770–1840), развлекавшей в знаменитом на весь Париж салоне сливки литературного и политического общества. Но Деми была как в воду опущенная. Она только задала несколько вопросов, да и то рассеянно, словно по обязанности.

— А доктор Йейл?

— Я оставил его у маори, своим регентом.

— Тебе нужно будет возвращаться?

— Не знаю. В будущем году — точно нужно, для очередной охоты.

— А ты… тебе и в правду пришлось съесть это сердце?

— Оба. Мои подданные совсем ошалели от восторга. Теперь я — дважды король маори и, ей-же-ей, искренне этим горжусь. Я честно заслужил такое звание.

(Он действительно заслужил, и действительно гордился и — самое, пожалуй, важное — даже перестал носить свои маскировочные очки.)

— А эта девочка? — поинтересовалась Деми. — Та, которую ты… ты ее видел потом?

— А-га! — понимающе воскликнул Роуг. — Вот оно, значит, что?

— Что — «значит что»?

— Почему ты такая хмурая. Нет, больше я ее не

видел. Одесса Партридж не ошиблась — после коронации все эти заговорщики буквально испарились, словно их никогда и не было. — Роуг опустил из своего рассказа эпизод со сводными сестрами, ни к чему зря тревожить девушку. — Что касается этой сопливой террористки, то между нами, лапа, ничего не было, я только укусил ее за задницу, чтобы хорошенько запомнила. Так что не надо ревновать. Посмотри на меня, улыбнись, я же столько времени о тебе скучал. Виргинской девушке из хорошей семьи не идет такая кислая физиономия.

— Я не кислая, Роуг, просто я устала и не в настроении, а ты возбужден, торжествуешь. Прошу тебя, дорогой, иди домой, я хочу побыть одна.

— Ты никогда не говорила раньше «дорогой», только «милый». С чего бы это вдруг?

— Не придирайся, пожалуйста, мне это не нравится.

— В чем дело? Чего это ты такая дерганая?

— Никакая я не дерганая.

— И у тебя на лице в точности то же самое выражение, как тогда, в конторе, когда ты начала меня соблазнять, — перепуганное, но полное решимости.

— Нет у меня никакого выражения лица.

— Брось, расскажи лучше папочке, что с тобой такое. Давай угадаю с трех раз. Тебя уволили.

— Нет.

— Ты влюбилась в кого-то другого и не знаешь, каким образом дать мне conge.[34]

— Кончай трепаться.

— Ты залезла в долги и тебя одолевают кредиторы.

— Даже и близко не похоже.

— Тогда я пас. Ты должна рассказать папочке о своих трудностях.

— А ты можешь оставить меня в покое?

— Нет. Посмотри мне в глаза и выкладывай.

Деми глубоко вздохнула и на мгновение твердо сжала губы.

— Хорошо, папочка. Ты будешь папочкой.

— Что?!

— Я беременна. — По ее щекам покатились слезы.

— Но ведь ты говорила… — Роуг не верил своим ушам. — Ты говорила, у людей с титанианцами такого не бывает.

— Н-не б-бывало, но ведь все случается когда-то в первый раз.

---

[34] Notes: 34
Отставка (фр.).

— Ты говорила, наши яйцеклетки и сперматозоиды не нравятся друг другу.

— М-может быть, я т-так тебя люблю, что… ну вроде как свершилось чудо. Н-не знаю, — всхлипнула Деми, — может, это очередная космическая шутка. И совсем не смешная.

— А как ты узнала?

— Н-на той н-неделе я п-пропустила м-месячные и…

— А у тебя что — и это бывает? — удивленно перебил ее Роуг.

— Это у всех женщин бывает… и обычно я — как часы. Вот я и поехала к м-маме — к н-настоящей маме, к доктору — и она сделала анализы и… и вот ты теперь знаешь, а я перепугана до смерти.

Уинтер разрешился давно сдерживаемым воплем: пси-кошка прыснула из-под его руки и забилась куда-то в угол.

— Одна ночь. Подзалетела за одну сказочную ночь. Да мы же всем насекомым сто очков вперед можем дать. Иди сюда, супермамочка, иди. — Он обнял Деми. — Если мальчик — мы назовем его Те Джей, по обоим моим отцам. А девочку назовем в честь тебя, всей тебя с ног до головы, например — Деликатнейшая Девственная Дважды Дражайшая Дразнильщица Обманщица

Деми, а сокращенно — Декаломания. Вот только возникает одна проблема, — добавил он. — Из-за излишеств в следовании традициям.

— Какая?

— Солнечные диски. Когда-нибудь он станет королем Те Джеем Юинтой. Как ты думаешь, честно это будет по отношению к мальчику — разрисовать его щеки монархическими украшениями?

Рука Уинтера машинально потянулась к очкам, которых он больше не носил.

— Это не проблема.

— Думаешь?

— Не знаю, но главная проблема — *будетли он мальчиком? Буде* т *ли она девочкой*? Что это будет за гибрид?

— А какая разница? Он, она, или там оно — все равно оно наше, а больше мне ничего и не надо. Знаешь, а мне ведь *сразу* показалось, что ты пополнела.

— Через неделю? Не говори глупостей.

— Ничего, все еще впереди, ты пополнеешь, а потом — УРА!

— Я думала, ты тоже испугаешься.

— Ты что, совсем? Я же всю свою жизнь синэргизировал структуры, созданные другими людьми, а теперь у нас будет собственная, домашнего

производства, с иголочки новенькая структура, играй — не хочу. Вот так-то, миссис Уинтер.

— Роуг Уинтер, — Деми и плакала, и смеялась, — это — самое дикое предложение руки и сердца, какое я слышала, а уж наслушалась я их — будь здоров. На работе буквально все уверены, что ты побегаешь-побегаешь, да и подцепишь в конце концов какую-нибудь красотку-манекенщицу.

— Да, знаю я этот бабский синдром. Утонченная красавица, на которую пялит глаза все мужское население горнолыжной базы. Этот призрак лишает сна всех девиц. Чаще всего она именуется мадемуазель Мистик де Харизма.

— Роуг, будь, пожалуйста, посерьезнее.

— А какая мне нужна серьезность? Вот смотри, с копами из Болоньи разобралась Одесса Партридж, они отпадают. После коронации отпала и эта группка моих собственных террористически настроенных подданных. А наш ребенок — какую бы там странную штуку мы ни произвели — будет принцем. Либо принцессой. Отличный зачин веселых приключений.

— Вот странность-то меня и пугает. Все это впервые, внове, так что даже мама ничего не может посоветовать, а мне нужен совет… очень нужен. Помоги мне, Роуг, найди кого-нибудь, кто

сможет.

Уинтер кивнул и задумался; думал он так долго, что перепуганная было пси-кошка успокоилась, снова вспрыгнула к нему на колени и блаженно вытянулась.

— Томас Янг, — решительно объявил он. — Вот кто нам нужен.

— Врач?

— Даже лучше. Томас руководит кафедрой экзобиологии университета. Занимается природой и генезисом любых возможных форм жизни, сечет в них, как никто. Я работал однажды над статьей по совершенно сдвинутым живым конструкциям, которые состряпал Том на пару со своим, тоже совершенно сдвинутым, компьютером. Если ты и вправду копала все мои материалы, когда вознамерилась меня подцепить, попадалась, наверное, и эта статья.

— И ты попросишь, чтобы он помог?

— Ты не знаешь Тома, он обожает заковыристые задачи, а уж тут придет в полный восторг. Завтра утром найду его и все устрою. Да, должен предостеречь: сам-то Том — настоящий джентльмен — это я на случай, если тебе придется раздеваться для осмотра, — но поосторожнее с его компьютером. Бабник, каких еще поискать.

— У-у-у.

— А теперь, пожалуй, самое время в постель.

— Я думала, ты поедешь домой, вещи распакуешь.

— А почему, думаешь, я приехал из порта прямо сюда?

— Унга-унга-унга.

— Это еще что такое?

— Это «у-у-у» на маори. — И Деми начала преображаться в малолетнюю террористку — как она ее себе представляла.

И ЕЩЕ ОБМАНЩИКИ

Никого не люби, никому не верь, ни о ком не говори плохо в его присутствии, ни о ком не говори хорошо за его спиной. Обнимай на людях того, кто втайне тебе ненавистен.

Бен Джонсон

Томас Янг — только тогда его звали «Сохо» Янг — привел меня в восторг буквально с первого предъявления, а увидела я его потому, что моя подружка решила расстаться с невинностью. Приличные девушки из приличных семей, мы с ней учились на первом курсе одной из Семи Сестричек;[35] я также все еще пребывала в первозданном состоянии, однако никому в этом Не признавалась. Воспитанные юноши — а только с такими мы, увы, и общались — в своих отношениях с приличными девушками никогда не преступают рамок дозволенного.

Мы совершали обход баров Нью-Йорка, причем

[35] Notes: 35

"Семь сестер» — ассоциация семи старейших и самых престижных из американских женских колледжей.

слишком много пили и при своей робости и неуклюжести не были способны не то что поклеить какого-нибудь мужика, но даже понять, что нас хотят поклеить. Наивные малолетки, крепкие, чистые и здоровые, что твои кобылы.

Как бы там ни было, Мардж твердо решила избавиться от «этого» в некоем шикарном борделе наоборот, рекламную листовку которого сунули нам на улице, только вот капиталы наши к этому времени сильно истощились. Капиталы истощились, зато сохранилось достаточно бравады, так что мы решили добыть денег под залог. В ломбардах я понимала приблизительно столько же, сколько в мужчинах, однако мы бесстрашно направились на поиски, этакие тебе юные маркитантки, и что-то — случайность, судьба, а может, и сам Великий Ростовщик иже еси на небесах — что-то привлекло нас к ломбарду Сохо Янга, под самое закрытие.

Выглядел он что твой Иван Грозный: позднее я задавалась вопросом — не является ли «Янг» сокращением какой-нибудь совершенно невообразимой монгольской фамилии. Столь позднее оживление деловой активности не вызвало у него особого энтузиазма, но мы объяснили, задыхаясь и перебивая друг друга, что должны сегодня

же ночью вернуться в свой колледж, однако остались без денег на билеты, и не может ли он, пожалуйста, помочь нам добыть полсотни.

— Полсотни? — Сохо слегка приподнял бровь. — Вы из Чикаго? Северо-западный?

— Нет, мистер Янг, — быстро сориентировалась я. — Мэн. Университет штата Мэн.

— Морем, наверное, добираетесь, — сказал Сохо. — Что у вас есть?

Наши «недорогие, но приличные» украшения, то немногое, что родители дозволяли нам носить, Сохо отверг с первого взгляда, однако его палец тронул мои наручные часы.

— Это — старинный Патек. Мужские. Вашего отца?

— Да, мистер Янг.

— Зря он дал их вам. Чересчур хороши для первокурсницы.

— А почему вы решили, что мы… — вскинулась Мардж.

Один взгляд Сохо — и она смолкла.

— Вот за них я могу дать полсотни, — повернулся он ко мне, а затем положил на прилавок квитанцию, показал, как ее заполнять, и объяснил, каким образом я получу свои часы обратно. Затем выдал две двадцатки и десятку.

— Все ясно?

Я кивнула. Сохо помедлил, еще раз окинул нас взглядом и не то, чтобы улыбнулся, но чуть приподнял, один угол рта. А потом открыл миниатюрный шкафчик, висевший за кассовым аппаратом. Шкафчик оказался полон лекарств, Сохо выбрал маленькую белую коробочку и вручил ее мне.

— Подарок фирмы. В целях установления сердечных отношений с клиентами.

— Спасибо, мистер Янг, — ошалело промямлила я. — А что это?

— Таблетки от морской болезни, — объяснил он, выпроваживая нас из своего ломбарда. На улице я первым делом открыла коробочку: в ней лежали четыре senza's, венуччианские оральные противозачаточные таблетки.

Ну каким, спрашивается, образом мог этот поразительный человек догадаться? Я отдала таблетки Мардж, а сердце — Сохо Янгу.

Часы свои я получила при следующем же посещении Нью-Йорка и только значительно позднее обнаружила, что Сохо проявил неожиданное великодушие — он отдал их в чистку и реставрацию. Все мои попытки выказать благодарность он просто отмел.

— Я сделал это не для тебя, а для них. Ведь ты еще ребенок и не представляешь себе, какая это драгоценность — такие часы. Их надо беречь и лелеять, наравне со старинными картинами, так что снимала бы ты их лучше, когда лупишь в этот свой дурацкий теннис.

Последнее замечание типично для Сохо и показательно: он провел небольшое тихое расследование и знал обо мне буквально все.

Ростовщик — тот же психиатр. Такой тебе папаша, о котором мечтает каждая девушка — умудренный, опытный, никогда и ни перед чем не пасующий, никого и ни за что не осуждающий, никогда не теряющий своего едковатого юмора. Я просто прилипла к этому ломбарду и — если только Сохо был на месте — околачивалась там часами, смотрела, слушала, набиралась образования. Возможности такие представлялись, к сожалению, довольно редко — по большей части он отсутствовал, передоверяя все дела клеркам.

Хорошо помню морщинку, чуть искривившую угол рта Сохо, когда он сказал, что лучше бы мне учиться в Йейле. По его мнению, в моем колледже собрались сплошные педерасты и лесбиянки, не говоря уж о том, что пиво Мэтью Вассара ни один уважающий себя человек и в рот не возьмет. Сохо

вводил мне мощные дозы суровой ломбардной реальности — в качестве противоядия от снобистски-элегантной культуры кампуса.

Была там, например, самая натуральная индийская принцесса; у нее имелось и красное пятнышко на лбу, и сари, и все что угодно, за исключением разве томика «Индийской любовной лирики» сочинения Эми Вудфорд-Линден. Как-то вечером эта принцесса заявилась в ломбард, сняла с себя новехонькую норковую тубу и молча положила ее на прилавок. Сохо взглянул на шубу и, также молча, передал принцессе пятнадцать сотен, после чего та удалилась, даже не дав себе труда пересчитать деньги.

— Приходит каждый месяц и всегда в новой шубе, — объяснил Сохо, аккуратно сворачивая упомянутое меховое изделие. — Ее мать — махарани или что-то в этом роде, на Ганимеде. Дико богатая. У этой семейки кредит во всех дорогих магазинах, но вот наличных старушка не дает своей дочери ни гроша. Так что принцесса попросту покупает себе новую шубу, а затем закладывает ее, чтобы иметь карманные деньги. Мамаша, как я понимаю, подмахивает все счета, не читая. Может себе позволить. А принцесса, — Сохо окинул меня суровым взглядом, — тратит

денежки на оплату услуг подцепленных на улице кобелей. Доигралась до венерической болезни. Ты это учти, пожалуйста.

— Хорошо, мистер Янг, — послушно кивнула я.

Как-то ясным утром ввалился некий молодой человек в черном галстуке, явно уторчавшийся до полного отпада, со старинными, редкой красоты настенными часами в руках. Он получил две сотни и ушел, едва перебирая ногами. Я начала было открывать рот, но тут же его захлопнула, увидев предостерегающий жест Сохо. Через несколько мгновений появился в высшей степени английский дворецкий, выложил две сотни плюс процент и удалился с часами. Операция с часами прошла столь же молча и автоматически, как и операция с шубой индийской принцессы.

— Голландский мальчонка с Каллисто, — объяснил Сохо. — Богатый. Всегда нуждается в капусте на ширево, вот и приворовывает из дома. Я договорился с его матерью, она тут же выкупает все назад.

— Но если она знает, чем занимается сынок, могла бы прямо давать ему деньги, проще было бы.

— Снять парня с иглы она не может, так что решила — пусть уж он хоть попотеет за каждую

дозу героина. — Тут Сохо снова окинул меня суровым взглядом. — А ведь привык он к наркотикам как раз в этом вашем педерастическом колледже. Так что ты и это учти. У тебя должна быть одна-единственная привычка — привычка к работе.

— Спасибо, мистер Янг.

Лозунгом Сохо было: в ломбард принимается все, лишь бы оно не было живым и пролезало в дверь. Роланд и Эли, подручные, демонстрировали мне самые дикие и неожиданные заклады — декоративные головы животных, подвесные моторы, полный набор цыганских цимбал, сорокафутовую шкуру питона. Некий престарелый тип заложил четырнадцать вставных челюстей, ни одна из которых не была его собственной. Сохо так и не сумел узнать, где он их взял.

— А самой бредовой штукой была мумия, — сказал он как-то.

— Мумия? Вроде тех, из пирамид?

— Во-во. Сперва я подумал, что этот парень слямзил ее из какого-нибудь музея, и начал проверять.

— Каким образом, мистер Янг?

— Слушай и набирайся ума. Мумия — вещь настолько особая, что все описаны-переписаны. Специалисты знают их буквально наперечет.

— О! Это что, мистер Янг, вроде как антикварные автомобили?

— Вот видишь, врубаешься. Так та мумия была вполне законной. Этот парень оказался египтологом, он собирал деньги на очередную экспедицию к верховьям Нила или куда там еще. Я выдал ему пятнадцать тысяч.

— Выкупил он свою мумию?

— Нет, написал письмо, чтобы я ее продавал.

— И вы получили назад свои деньги?

— Пора бы тебе понять, о чем можно спрашивать, а о чем нет, — сурово отрезал Сохо.

— Извините, пожалуйста, мистер Янг.

Стоявший за его спиной Эли молча поднял большой и указательный пальцы — значит, «два» — затем свел их кольцом («нуль») и махнул рукой четыре раза.

В один незабываемый день Сохо разрешил мне постоять за прилавком.

— Узнаешь кое-что, чему не учат в этом вашем хедере для педерастов, — сказал он. — А именно, как оценивать людей. Половина населения Солнечной — жулье, только и мечтающее надрать вторую половину.

За мной, конечно же, бдительно присматривали настоящие клерки, но первый мой клиент

явил собой просто потрясающий образец «децибела» (каковое слово Сохо сконструировал из «дебила» и «имбецила»), образец, существование которого просто не возможно было бы предсказать.

В распахнутой двери появился техник торгового флота — об этом говорила нашивка с надписью «Бригадир Кунард».

— Эй, герои, вы как — берете в заклад что угодно? — спросил бравый космонавт, от которого за версту разило перегаром.

— Если оно не живое и пролезает в дверь, — спопугайничала я.

— Хорошо, — кивнул он, выкладывая передо мной тысячную Ллойдовскую банкноту. — Я вот ее хочу заложить.

— Вы хотите заложить деньги? — тупо вытаращилась я.

— Волоку на буксире потрясающую девочку, — ухмыльнулся он. — Зачем ей знать, что у меня такая капуста? Еще утащит. Так что лучше оставить эту штуку в надежном месте. Точно?

Я беспомощно посмотрела на Эли и Роланда, те пожали плечами и кивнули, так что я взялась заполнять квитанцию.

— Сколь вы хотели бы получить?

— Ничего. Гони свою бумажку, и хватит.

— Нос вас все равно будут удерживать стандартные пять процентов.

— Хок-кей, — согласился он, выуживая из кармана пятерку.

— Вроде как за охрану. Заплатишь пятерку — сбережешь кусок. — Он подцепил с прилавка квитанцию, запел (если можно так выразиться) «Круглая Земля, он знал, и Америку искал...» и выкатился наружу.

Часом позже потрясная девочка принесла квитанцию и забрала тысячную бумажку.

По словам клерков, мелкие мошенники проявляют уйму изобретательности, изыскивая способы надуть ломбарды. Они сдают «крашеные бриллианты», то есть кольца с двухслойными камнями (поверх стекла приклеивается тоненький кусочек алмаза, чтобы обмануть простейшую проверку). В ход идут бутафорские фотокамеры, предназначенные для оформления витрин, часы и аккордеоны, лишенные механизмов, да все, что угодно.

— Приходят в самый час пик, когда у прилавка толпа, и нам просто некогда хорошенько разглядывать эти штуки.

Люди респектабельные буквально сгорают

от стыда при первом посещении ломбарда, они воображают себя павшими на дно финансовой пропасти (пропасть оная бездонна), корчащимися в какой-то сточной канаве. Сохо это злило.

— Человек заложил свой дом и не стыдится, — говорил он мне. — Так чего же он стыдится, закладывая часы? Можешь ты мне это объяснить?

— Не могу, мистер Янг.

— А как себя чувствовали в этом смысле ты и твоя подружка, которая хотела раздобыть себе мужика — тогда, в первый раз. Как она?

— Она не стыдилась, мистер Янг.

— Я сейчас не про то. Пригодились ей таблетки от морской болезни?

— А! Да. На всякий случай. С вашей стороны это было очень…

— Ну и понравилось ей?

— В основном она просто перепугалась, мистер Янг.

— У-гу. Не трудно понять. А ты стыдилась, закладывая свои часы?

— Нет, мистер Янг. Это было вроде приключения.

— У-гу. Надо бы и тебе с этим разобраться, поскорее. Такая хорошая девочка. Давно уже пора.

— О, мистер Янг…

— Романтики вы все, в том-то и беда. Вот в Йейле тебя бы давно уже драли в хвост и в гриву. Набирай боевой счет, пока не успела влюбиться. Сечешь? Связалась ты со своим пидор-хедером.

Но я так блестяще закончила первый курс этого пидор-хедера, он же Вассаровский колледж — к этому меня в немалой степени подвигнуло благотворное влияние Сохо, — что в самом начале второго курса привлекла к себе внимание отдела TerraGardai, с чего и началось долгое мое сотрудничество с разведкой. А Сохо Янг вдруг словно испарился. Вот так: только что был, пфф! — и нету. Spurlos versenkt.[36] Совершенно непреднамеренно, более того — даже того не понимая, я поставила под угрозу его вспомогательную крышу. Разведка (чиновники так и называют ее отделом TerraGardai) объяснила мне это только значительно позже.

Так вот, мой без вести пропавший великий Сохо Янг — он и есть тот самый экзобиолог Томас Янг, с кем Уинтер собрался проконсультироваться по поводу Деми Жеру. Я прямо слышу голос Уинтера:

---

[36] Notes: 36
Бесследно сгинул (нем.).

— С кем? Или «с которым?» Я ведь завалил местоимения, благодаря излишествам в употреблении…

Угадайте недостающее слово, и вы получите шанс выиграть один из пяти ценных призов.

— Насколько я знаю, Роуг, мне в жизни не встречался ни один титанианец. Встречался, наверное, но сам я этого не знаю. А как ты угадал про свою девицу?

— Ничего я не угадывал. Том.

— Она тебе призналась?

— Она мне показала.

— Потрясающе. Хорошо бы заглянуть ей внутрь.

— Ничего не выйдет.

— Ну хоть одним глазом. Ей это не повредит.

— Забудь и не думай.

— Ладно, сойдемся на рентгене.

— А ей ничего от этого не будет?

— Откуда я знаю?

— Тогда отпадает.

— Эгоист! А каким образом твоя фея узнала, что она точно беременна?

— Анализы.

— Значит, была у врача. Вот он-то произведет в биологических журналах полный фурор. Это

же первый случай медицинского обследования титанианца. Не знаю уж, то ли они здоровы до неприличия, то ли бегают лечиться домой.

— Этот врач — женщина.

— Значит, *она* произведет фурор.

— Она — мать Деми. Титанианка.

— Что? Очень интересно, как отнесется к подобному известию Земная Медицинская Ассоциация?

— Никак, мы на нее не настучим. Слушай, Том, хочешь ты проконсультировать мою Деми или нет? Ведь это — твой шанс произвести фурор.

— Что, без внутреннего обследования?

— Том! Я люблю эту девушку. Я не хочу подвергать ее никакому риску.

— Суровые ты ставишь условия.

— И не пытайся меня надуть. Я — король.

— Слышал, слышал. Le Roi Malgre lui.[37] Великий двухсердечный правитель. Скоро они намерены оттяпать тебе голову?

— Что это там у тебя за шум?

— Думательный агрегат. Ему скучно и одиноко.

— Ты его портишь.

---

[37] Notes: 37
Король против своего желания (фр.).

— Пряником от него можно добиться значительно большего, чем кнутом. Пойми, Роуг, — сказал Янг, отбросив прежний легкомысленный тон, — я весьма благодарен и даже польщен, что ты пришел именно ко мне. Я очень хочу увидеть твою титанианскую девушку и ни в коем случае не сделаю ничего для нее опасного.

— А как же тогда ты ей поможешь?

— Устрою допрос с пристрастием, чтобы выяснить, идут ли ее анаболические и катаболические процессы параллельно земному метаболизму. Если да — все великолепно и беспокоиться не о чем. Если нет — буду вытаскивать из нее дальнейшие данные и скармливать их этому игральному автомату из соседней комнаты. В результате мы получим для твоей Деми и прогноз, и рекомендованный режим. Как горошины из стручка — так она, что ли, выражалась?

Роуг кивнул.

— Тогда и беспокоиться не о чем, Деми, компьютер и я, мы втроем быстренько во всем разберемся, а на твою долю останется только нервно мерить шагами больничную приемную. Есть, правда, один интересный вопрос — как долго продлится ее беременность? Нормального человеческого ребенка вынашивают девять

месяцев, а вот сколько времени потребует ваше гибридное чудо? Девять? Десять? Двенадцать?

— Азохен вей.

— Я уже придумал заголовок для первого материала, который напечатаю: «Мой терранианец и его внутриутробное развитие».

— Знаешь, Том, для меня это не шуточки.

— Какие уж там шуточки. Папаша в положении. Схватки еще не чувствуются?

— Я, пожалуй, съезжу за Деми прямо сейчас.

— Ну чего ты так суетишься? У тебя впереди уйма времени, может, целых полтора года. Пройди лучше туда и набери на терминале Психа Задвинутого «+Хэлло+». Это доводит его чуть не до припадка, и тогда он отстает от меня хоть на какое-то время.

— А чего ты сам так не сделаешь?

— Бандюга узнает меня по обращению с клавиатурой.

— Мне давно кажется, что у вас с ним преступная связь, возможно, даже обратная — этих интимных подробностей я не знаю.

В конце концов Уинтер вырвался из Лаборатории Янга. Прежняя обеспокоенность сменилась ликованием — именно это ликование и не позволило ему заметить, что картинка вырисовывается

довольно зловещая. Ничего не поделаешь — любовь. В такой обстановке даже лучшие из нас теряют ощущение реальности. Заметив, что кто-либо из Gardai начинает витать в облаках, я, как правило, отправляю его — или ее — в принудительный отпуск. Но и собственные мои действия не вызывают у меня никакой гордости. Задним числом я понимаю, что обязана была раскусить все с самого начала. Ну каким таким местом мог Томас Янг узнать про двойной охотничий трофей, про обстоятельства коронации? Ночь Уинтер провел у Деми Жеру, после возвращения с Ганимеда он беседовал только с ней и больше ни с кем.

Горя нетерпением передать Деми благую весть, полученную от Янга, он, однако, чуть не свернул с прямого пути — в голову пришла мысль, что эта фея неожиданностей могла — несмотря на все обещания сидеть дома и не высовываться — пойти в «Медиа».

Не важно, решил синэргист после секундного раздумья. После первой же ночи они обменялись ключами, так что не будет Деми дома — можно из ее же квартиры позвонить на работу, якобы по служебному вопросу. Делать свои личные отношения, не имеющие официального статуса,

известными окружающим — для приличной виргинской девушки такое просто немыслимо.

— Кольцо! — радостно воскликнул Уинтер. — Обручальное кольцо — вот и решение проблемы.

Он начал осматривать витрины той самой торговой улицы, на которой тремя неделями раньше повстречал Двенадцать Барабанящих Барабанщиков, и очень скоро нашел то, что нужно, — за стеклом ювелирной лавки лежало маленькое золотое колечко с печаткой. Уинтер долго смотрел на него, пробормотал: «А что, вполне возможно» и надавил расположенную рядом с витриной кнопку. Бегло оглядев предполагаемого клиента, владелец лавки открыл дверь.

— Доброе утро. Я хотел бы посмотреть кольцо с печаткой — на витрине, второй ряд снизу, третье слева.

Выложенное на бархатную подушечку кольцо оказалось довольно тяжелым. Оно было изготовлено из розового золота, рисунок печати представлял собой глубоко гравированное изображение четырехлепесткового цветка.

— Это что, цветок кизила? — спросил Уинтер.

— Да, сэр. Цветок розового кизила.

— Так мне и показалось.

— Потому-то и использовано розовое золото. Редкая теперь вещь, последние столетия красное и розовое золото на рынке почти отсутствуют.

— Бельгийцы выплавляют такое золото на Каллисто, — проявил информированность Уинтер, — но они, как я понимаю, оставляют все его себе. Я возьму кольцо.

Он не беспокоился, подойдет ли оно Деми по размеру, для титанианки такая проблема — плевое дело.

После скучной и занудной операции проверки отпечатков пальцев и рисунка ретины — а также банковского счета — Уинтеру вручили аккуратно завернутую коробочку.

— Кизил — государственный знак Виргинии, — сообщил он хозяину лавки.

— Я получил бы «А» по ботанике, вот только завалил экзамен благодаря излишествам в области ядовитого плюща.

КОГТИ РВАТЬ

Рвать когти — убегать, скрываться, в первую очередь — от правоохранительных органов.

Какой-то словарь

Уинтер взлетел по ступенькам и нажал кнопку звонка. Дверь открылась почти мгновенно. На пороге стоял этакий тебе уличный жеребчик, из тех, правда, что поприличнее.

— Чем могу служить?

— Извините, — растерянно сказал Уинтер. — Я, наверное, ошибся этажом. Я… — Он взглянул через плечо незнакомого типа. Нет — это все-таки была квартира Деми. Внутри виднелись еще двое людей в штатском и двое — в полицейской форме.

— Что это значит? Где мисс Жеру?

— Вы с ней знакомы? — спросил человек, прикрыв за своей спиной дверь квартиры.

— Я хочу знать, что тут происходит.

— Произошла некая неприятность.

— Неприятность?!

— Ваша фамилия, пожалуйста.

— Уинтер. Роуг Уинтер. Р-О-У-Г. А вы, собственно кто такой? Какая еще неприятность?

— У вас есть при себе что-нибудь, удостоверяющее вашу личность, мистер Уинтер?

Получив бумажник с документами, незнакомец открыл его и внимательно изучил.

— Так я снова вас спрашиваю, — прорычал Роуг, — кто вы такой? Что это за история? Где мисс Жеру?

— С ней придется подождать, — сказал человек, возвращая бумажник. — Она — ваша знакомая, мистер Уинтер?

— Да, и я…

— Хорошо ее знаете?

— А ваше какое собачье дело? Кто вы такой?

— Дампьер. Сержант Дампьер. — Он продемонстрировал золотой значок — буквально на несколько наносекунд.

— Вы полицейский?

— Совершенно верно, мистер Уинтер. А вы — родственник мисс Жеру?

— Нет, но я…

— Близкий друг.

— Идите вы на хрен! Где Деми? Что произошло?

— Почему вы пришли сюда сейчас, утром?

— У нас была назначена встреча. Мы… Послушайте, я не намерен этого терпеть. Вы что, думаете я из тех, которые при одном виде копа убегают с воплями ужаса? Я хочу знать, где находится мисс Жеру и что с ней случилось!

— А вы думаете, с ней что-то случилось?

— Какие же тут могут быть сомнения? Она невредима?

Дампьер несколько раз кивнул головой, словно приходя к какому-то решению.

— Я из бригады по расследованию убийств, третий округ.

— Убийство! — Уинтер рванулся вперед и распахнул дверь квартиры. Дампьер удержал его, крепко взяв за руку. Внутри царил жуткий беспорядок.

— Что? Кто? Каким образом? Где Деми? — бормотал Уинтер дико озираясь по сторонам. Он мгновенно утратил все свое знаменитое хладнокровие.

— Мы не знаем.

— Вы сказали — убийство.

— Сказал.

— Но трупа нет?

— Трупа нет.

— А почему же тогда? Как? Что заставляет вас

думать?… — Он изо всех сил старался взять себя в руки. — Расскажите мне точно, что именно здесь произошло.

— Соседи услышали крики и грохот, — объяснил Дампьер. — Какая-то отчаянная борьба. Вот они и позвонили нам — в девять сорок.

— А я ушел в девять, — пробормотал Уинтер. — Был в это время у Янга, о ней как раз и говорил, нам даже в голову не могло прийти…

— Наша рабочая гипотеза: кто-то убил ее и спрятал труп, — спокойно продолжал Дампьер. — Подозрения падают и на вас — ведь вы находились с ней в близких отношениях.

— Какого хрена?

— Бросьте, мистер Уинтер. Последнюю ночь вы провели здесь. В этом хламнике есть кое-что и из ваших вещей. Только что вернулись с Ганимеда, да? Мы нашли бирку от вашего саквояжа. Встретились после разлуки — и сразу поссорились?

— Мы собирались пожениться.

— Но вы передумали?

— Нет, и иди ты знаешь куда?

— Так, значит, передумала она?

— Нет.

— Вы поймали ее с другим?

— Как там ваша фамилия? Дампьер? Клянусь

чем угодно, я…

— Тише, тише. Вы и не представляете себе, как часто убийцей оказывается человек, находившийся в интимных отношениях с жертвой. Я спрашиваю не из пустого любопытства, мне необходимо все это знать. И вам удобнее отвечать на вопросы здесь, чем в участке.

— Ясно, — Уинтер тяжело дышал, его лоб покрылся испариной.

— Вы хорошо знаете квартиру?

— Довольно прилично.

— Как вы думаете, пропало отсюда что-нибудь? Посмотрите хорошенько, только ничего не трогайте.

Уинтер беспомощно огляделся. Дикий беспорядок, на полу книги, содержимое письменного стола, его собственный саквояж и — отдельно — вещи, в нем лежавшие; безделушки и картины со стен тоже сброшены, раздавлены. Вид такой, словно по комнате носился взбесившийся динозавр.

— Не знаю, — произнес он. — Просто ничего не могу сказать.

— Очень жаль, — вздохнул Дампьер. — Нам нужен любой клочок информации. А не отличалась ли она чем-нибудь особенным, необычным? Это

могло бы дать нам хоть какой ключ.

Уинтер собрался было ответить, но захлопнул рот.

— Ничего такого необычного, — промолвил он наконец. — Виргинская девушка из приличной семьи — вот и все. А почему вы используете прошедшее время?

— Полной уверенности, конечно же, нет, но скорее всего она убита. Были у нее враги?

— Я, во всяком случае, такого не знаю.

— А друзья?

— Единственные мне известные это сотрудники нашей конторы. Есть, возможно, и другие.

— Какая контора?

— «Солар Медиа».

— Слышь, — повернулся один из полицейских в штатском, — да это же, наверное, тот самый Роуг Уинтер. Можно было и раньше его узнать, по шрамам.

— Подождите! — воскликнул Уинтер. Он быстро проверил все кладовки, туалетную комнату и ванную. — Кошка пропала.

— Кошка? Какая кошка?

— Гибрид. Наполовину сиамская, наполовину коала.

— Сбежала, наверное, — предположил поли-

цейский. — Шум, драка, убийство — она испугалась и сбежала.

Уинтера била дрожь: Дампьер что-то аккуратно записывал в блокнот.

— Хорошо, мистер Уинтер, не будем терять связь. Вполне возможно, что у супервизора появятся какие-нибудь вопросы. Вы не собираетесь в ближайшее время покинуть город?

— Я собираюсь в ближайшее время надраться. — Дрожь никак не утихала.

— Хорошая мысль, — заметил Дампьер, посмотрев па пепельно-серое лицо знаменитого журналиста. — И лучше всего — до посинения.

На улице толпились люди, с любопытством ожидавшие, под каким покрывалом вынесут тело — под красным (значит, еще жива) или черным (умерла). Подъехали три полицейских фургона, скорее всего — с техническими экспертами. Уинтер (полуживой-полумертвый) протолкался сквозь толпу и начал ловить такси.

— Двинем по Солнечной системе, — сказал он водителю.

— От центра наружу или от края внутрь?

— Пошли снаружи внутрь.

— Есть, капитан.

В результате первая остановка была сделана у

заведения *«ТАЙФУН ТРИТОНА».* Наружный вид — пагода. Интерьер — чайный домик, отделанный тиком, черным деревом, перламутром и нефритом. Бумажные фонарики. Посреди зала — маленькая площадка, на ней четыре толстопузых мандарина (все — члены профсоюза, то бишь Лиги Актеров). Они танцуют — медленно, плавно, хлопая веерами и позвякивая колокольчиками — и что-то поют. Голоса у всех высокие, резкие, как у евнухов. Напитки имеют названия типа «Элегия Осеннего Листа», «Мстительный Дракон», «Лунная Любовь» и «Год Кварка».

— Всех по порции, — заказал Уинтер.

Следующая — *«СЕРП САТУРНА-VI».* Снаружи — форт французского Иностранного Легиона, из амбразур высовываются стволы самых настоящих пушек и мертвые тела не самых настоящих легионеров (манекены производства «Костюм Критерион К»). Интерьер — песчаные дюны, пальмы, складные столики, официанты в кавалерийской форме. Музыкальное сопровождение Дьявольского Дуэта Аккордеонистов. Напитки: гашиш, морфий, опиум, кокаин, дурь-I, дурь-II и дурь-III.

— Всех по разу.

Направляясь в *«КАЛЛИСТО КУИН»*,[38] Роуг прихватил с собой и таксера — так, на всякий случай. Все официанты этого, педерастического заведения щеголяли в женской одежде — и выглядели в ней весьма соблазнительно. Хрустальные канделябры от Тиффани, ультрафиолет ярко высвечивает изображенные на витражах Почти Правдоподобные Позы. Музыка группы «Мужская взаимность». Уйма напитков с названиями типа «голубой», «Двуликий Анус» и т. д.

— Всех по два.

Затем — *«ГАНИМЕДСКИЕ ГЕНИТАЛИИ»*, в этой забегаловке клиенты обязаны раздеваться догола. Сдаешь все свое хозяйство в гардероб и получаешь взамен набор косметики — это если появилось желание перекраситься из черного цвета в белый, либо наоборот. Интерьер — африканские джунгли, в меню — настойки, сугубо «лихорадочные» — «желтая», «алая», «тропическая», «сыпная» etc.

И уж совсем сливаясь друг с другом: *«МАРС БОУ БЕЛЛЗ»* (Мэри Боу Беллз — колокола лондонской церкви Сент-Мэри-ле-Боу; традиционно считается: кокни — тот, кто родился в пределах

[38] Notes: 38

Куин (queen) буквально «королева», но одновременно — на сленге — пассивный гомосексуалист.

слышимости этих колоколов) — ресторанчик с зеркальными стенами, специализирующийся на джине (в углу — буфет, торгующий афродизиаками) и известный, естественно, как просто «Колокола». *«ТЕРРОР ВАМ, ТЕРРАНЕ»* — с западнями и ловушками (иногда невинными, иногда — не очень), *«ЛУНАТИК. ВЕНЕРА АНДРОГИННАЯ»* — с транссексуалами, не совсем еще пришедшими в себя после операции, и наконец — *«МРАК МЕРКУРИЯ»*.

Вот тут-то я его и поджидала. Тускло флюоресцировала (опять ультрафиолетовые лампы) костяная стойка, украшенная добела выгоревшими черепами (каждый с яблоком во рту): других источников света в баре не было. Шок и огромное количество выпитого прикрыли отчаяние, буквально вопившее внутри Роуга, оболочкой деланного, неестественного спокойствия. Чуть расколись эта тонкая скорлупа, и он разразится истерическими рыданиями, но я не думала, чтобы мое будущее сообщение довело его до слез.

— Приветствую тебя, о великая и благородная Брюнхильда, — торжественно произнес он, плюхаясь на соседнее со мной сидение. Кроме нас за стойкой не было никого. — Королева Исландии. Супруга короля Гунтера. А заодно — вагнеровская

валькирия и зигфридова подстилка.

(Вот это уже совсем лишнее — разве можно так грубо и, главное, несправедливо о женщине? Я совсем не имею в виду себя).

Он экспроприировал мой стакан.

— Опять знали заранее, что я буду делать? Или попросту пустили за мной хвост?

— Какая разница, Роуг? — пожала я плечами. — Мне нужно с вами поговорить. Я очень, очень сожалею о случившемся.

— О чем тут сожалеть? Любовь приходит, любовь уходит, но девушки пребывают вечно. Если только, — озабоченно добавил он, — эта фраза имеет смысл. Может, лучше переставить?

— Особенно потому, что тут отчасти и моя вина.

— Девушки приходят, девушки уходят, но любовь пребывает вечно. Да, тоже не лучше. Каким образом? — Вопрос прозвучал совершенно неожиданно.

— Я не все вам рассказала. Suppressio veri, так это называется на юридическом жаргоне. Никак не могла — пока вы не станете полноправным королем.

— Почему?

— Потому, что тогда уж вы точно отказались

бы от титула, а мы не могли такого допустить.

— Почему?

— Потому, что тут ключ ко всем аферам Мета мафии.

— Что ключ — джинковская девица из Болоньи?

— Нет. Эта девочка — оперативница с Тритона, пытавшаяся расколоть мафию. Мафия — не китайско-японская организация.

— Но все всегда думали…

— Она маорийская, так что могу поздравить, теперь вы — крестный отец этой банды. Или можно сказать «крестный король»?

Он глядел на меня молча и тупо, словно пыльным мешком из-за угла стукнутый.

— А откуда бы у Те Юинты взялись деньги на ваше — очень не дешевое — воспитание и образование?

Роуг продолжал тупо молчать.

— Именно поэтому ваша… Потому и стряслось это несчастье с Деми Жеру. Тритон готов буквально на все, лишь бы остановить контрабанду, и теперь вы — главная их мишень. Они будут на вас давить, чтобы вы сами и прекратили операции мафии.

— И для этого уничтожили Деми? — Он расте-

рянно потряс головой. — Не вижу смысла.

— Конечно, — согласилась я, — так что вряд ли она убита. Скорее всего ее похитили, чтобы иметь возможность торговаться с вами, шантажировать. Именно поэтому я хочу, чтобы вы как можно скорее спланировали следующий свой…

— Вы все знали и позволили этому случиться? — прервал меня Уинтер. На побелевшем от ярости (и куда только девалась пьяная багровость) лице резко выступили царственные его шрамы.

— Я не знала, каким образом это случится.

— Я же говорил, что ее нужно защитить, и вы сказали, что позаботитесь об этом. «Положитесь на меня», так вы сказали.

— Во всяком случае она, возможно, жива.

— Возможно. Вы так думаете. Это что — еще одна из ваших всяческого доверия заслуживающих гарантий?

— Нет.

— Так жива она? Да или нет?

— Не знаю. Я могу только надеяться, что не ошибаюсь относительно тактики Тритона.

— Ее похитили? Да или нет?

— Не знаю. Неоткуда мне знать. Нам остается только сидеть и ждать. Выйдут они на контакт с

вами — тогда все и узнаем.

— А вы явились сюда, чтобы спланировать мой следующий шаг, — презрительно фыркнул Уинтер. — Понимаете ли вы, уважаемая Мата Хари, что они могут выйти на контакт со мной — никому не известно, кстати, сделают они это или не сделают — вне зависимости, жива Деми или нет. И узнать это будет неоткуда.

— Верно, но…

— Такая вот сообразительная сука. Двенадцать дней Рождества. Такая вот хитрожопая, все на двадцать ходов вперед просчитывающая сука. Вы просто не можете сделать что-нибудь прямым, очевидным способом. Нет, это пошло, видите ли, и скучно. Недостойно Джеймса Бонда. Своими придурочными ухищрениями вы проорали на хрен жизненное для всей Солнечной дело, а теперь заодно и меня раком поставили. Премного вам, Одесса, благодарен. И отплачу когда-нибудь тем же. У вас не появится никаких сомнений, что это от меня — все будет предельно просто и прямо.

Его буквально вынесло из бара; я видела, как он махал рукой своему такси.

Роуг дал водителю адрес ротонды Beaux Arts. Открывая дверь в квартиру, он все еще дрожал от

ярости — и тут же шумно, облегченно вздохнул. И весь его гнев куда-то испарился. На диване блаженно развалилась пси-кошка, рядом, на кофейном столике, лежал тот самый ключ, который он давал Деми. В головке ключа торчал цветок.

Самой Деми Жеру не наблюдалось.

— Вот оно! — Он не помнил себя от радости. — Никаких убийств, никаких похищений! Она улизнула от джинков, пришла сюда и оставила мне весточку — как и полагается хорошей, заботливой виргинской девушке. А весточка оная состоит из тебя, — он подхватил на руки кошку и чмокнул ее, — и ключа.

Он поцеловал ключ.

— А теперь, если я хоть что понимаю в структурах, она рвет когти, чтобы больше им не попасться, и одному Богу известно, какой вид может принять эта непостоянная титанианская девица. Ну как, скажите на милость, искать того, кто может быть кем угодно? Или, если вам угодно, того, кем может оказаться кто угодно. А может, ты?

Он снял со своей шеи блаженно расслабившуюся пси-кошку.

— Деми? Сейчас не время для шуточек и игр. Деми?

— Опрст, — сказала пси-кошка, что отчасти походило на сиамское мяуканье, отчасти — на коальское ворчание.

— Брось, лапа, кончай притворяться. Ведь это ты, я же знаю.

— Ррсвп, — мелодично мурлыкнула пси-кошка.

— И вот всегда с ней так, — пожаловался Уинтер. — Никогда ничего точно не знаешь. Веселенькое дело! Мне нужно найти эту когтервальщицу, а вот она, вроде, не хочет быть найденной. Конечно, бандитский налет джинков, плюс к тому вся эта беременная паника — бедная девочка сама не своя от страха.

Он уселся на диван и закинул ноги на кофейный столик; пси-кошка сразу же оккупировала его колени.

— Т-с-с, — строго прошептал синэргист. — Я воспринимаю комнату. Может, кто-нибудь из здешних даст мне ключ.

Он молча перебирал все структуры Anima, слушал, что скажут гравюры, картины, мебель, безделушки — все предметы, до которых могла дотронуться Деми. Одни из них говорили медлительно и скучно, другие — быстро и весело, их голоса накладывались друг на друга десятками

бессвязных линий.

— Бросьте, ребята, — уговаривал Роуг. — Вы же видели мою девушку, не могли ее не заметить. Ведь она-то отнеслась к вам очень внимательно — тогда, в первую ночь. Помните? Так сколько она здесь пробыла? Когда она ушла? Что на ней было?

Ничего, кроме новых бессмысленных кроссвордов.

— Эгоисты, — вздохнул он. — Все, как один — эгоисты. Ничего не замечают, кроме самих себя. Словно у каждого из них девиз: Le monde, c'est moi.[39]

— Ну а вы что посоветуете, мадам, — обратился он к пси-кошке. — Позвонить, может, Одессе Партридж? Ну, конечно же. Так и вижу, как она планирует новое блестящее представление в стиле «Двенадцати дней». Или Дампьеру? Ну да, так и слышу свои ответы на вопросы Отдела розыска пропавших: цвет кожи? — любой; рост? — любой; вес? — любой. Und so weiter.

Единственная, пожалуй, вещь, в которой я уверен, это пол, но пойди, отличи гиппопотама от гиппопотамихи. Так и вижу, как я это делаю

---

[39] Notes: 39
Мир — это я (фр.).

— поднимаю гиппопотама за задние лапки, чтобы изучить его генитальный аппарат. Знаешь, киса, пожалуй, я подхожу к этой структуре не с того конца.

Пси-кошка мурлыкала. Уинтер размышлял.

— Я должен найти ее, быстро. Одна, безо всякой защиты эта психованная титанианка все время под угрозой, сколько бы она ни бегала. Раньше или позже, боевики Тритона до нее доберутся. Самой ей тут не справиться… Вот только вопрос: рванула она, куда глаза глядят, или осталась где-нибудь поблизости? Мое мнение — поблизости. Почему? А вы подумайте немного над этой структурой, уважаемая доктор Псикис. Обсуждаемая нами девушка полна страха за себя — но также и за меня. Ей известно происшествие на Венуччи. Зачем она доставила вас сюда, если не для моего спокойствия? Бедная феечка без ума в меня влюблена, она предана мне — и вам, само собой. Не может она нас вот так взять и бросить. Она обязательно будет где-то рядом, будет стараться помочь нам обоим — ведь она благородная виргинская девушка из хорошей семьи.

— Но только сидеть и дожидаться — не мужское дело! Я не пойду ее искать. Я пойду с чистым, ни одной мыслью не замутненным сознанием и буду

ждать. Я настежь открою все каналы восприятия, и ей-же-ей такая антиструктура обязательно заставит эту девицу появиться.

ПОИСКИ

Ведь давно известно нам, Что, пропажу обнаружив.
Шарим мы по всем углам, Но не ищем там, где нужно.
Уильям Купер

Он покидал Beaux Arts с намерением бродить по городу-джунглям как попало, наудачу. И все же обычная удачливость Уинтера в непреднамеренных находках придала броуновскому этому движению неосознанную им самим структуру. Если вы ее осознаете — присылайте ответы, получите шанс выиграть одну из огромных стипендий Спецшколы Секретных Сыщиков.

Уинтер натолкнулся на Чинга Штерна; главный редактор и издатель «Солар Медиа» шел, тщательно избегая трещин на мостовой, — ведь всем известно, что, наступив на трещину, рискуешь потерять деньги.

— Рогелла, голуба! Чего это ты разгуливаешь? Сейчас ты должен бы обливаться потом над докрасна раскаленным компьютером. Статья про Болонью! Ты что, забыл, когда крайний срок?

— Не сумею, Чинг.

— Oi veh!

— Личные проблемы.

— С каких же это пор ты допускаешь, чтобы девица мешала работе?

— А с какой это болячки ты решил, что именно девица?

— Женщина — единственное, из-за чего мужчина может забыть про деньги.

— А ты догадываешься, кто это такая?

— Нет. Я только догадываюсь, что охотно раскроил бы ей череп. Роуг, ты же никогда еще нас не подводу.

— Она того стоит.

— Ни одна девица того не стоит. Теперь, чтоб ее черти драли, придется мне менять график. Любовь? Тьфу! — И Штерн продолжил свой путь к зданию «Медиа», с прежней тщательностью обходя финансовые пропасти.

Тут Уинтер обернулся, почувствовав на себе чей-то взгляд. За встречей столпов нью-йоркской журналистики наблюдал привязанный к столбу мул. Над его головой горела надпись: «Таверна Мул и Фургон».

— Деми? — Уинтер подошел поближе. — Деми? — Он продемонстрировал флегматичному

животному вытащенное из кармана кольцо. — Деми, вот твое обручальное кольцо. Видишь, государственный цветок Виргинии. Нравится? Хочешь примерить?

Никакой реакции: глаза мула смотрели сквозь синэргиста вдаль, в никуда. Уинтер скорчил ему рожу и совсем уже было двинулся дальние, когда заметил выжженное на боку философического непарнокопытного тавро: круг, перечеркнутый прямым крестом, почти то же самое, что и на каждой из его собственных щек. Пройти мимо было просто невозможно, Уинтер толкнулся в таверну — и кого же он там увидел, если не Торопыгу Тома, обильно навешивавшего лапшу на розовые, миниатюрные ушки стоящей за стойкой блондинки!

Старый знакомый и коллега Роуга, Том перманентно излагал всем встречным и поперечным сюжеты абсолютно потрясающих рассказов, которые — по самым разнообразным причинам — всегда так и оставались ненаписанными. Жил он исключительно на авансы и займы, полученные в счет этих великих замыслов. Ну и, естественно, постоянно бегал от издателей, требующих обещанный материал, и кредиторов, пытающихся вернуть свои деньги. Уинтеру он

задолжал пять тысяч.

— Эй, Роуг! Привет, Роуг! Чтобудешьпить? — Томова манера говорить напоминала прицельный, короткими очередями, пулеметный огонь. — Вотяейтут рассказывал — балденныйсюжет — циркулировалпобиблиотеке — мозгиискал — всегдананимайчужиемозги — зарубинаносу — секи — только этот мужик — просрочилзаквартиру — тримесяца — онихотятотобрать…

— А ты, Том, просрочил на три года мои пять кусков, — Уинтер повернулся к молоденькой барменше. — Чистый этиловый со льдом, пожалуйста.

— Тут он заметил на ее шее медальон с изображением солнечного диска. — Деми?

— Марта, — улыбнулась девушка, ставя перед ним стакан.

— Эти понимаешьпятькосых, — сказал Торопыга Том. — Немогуникак — безцентаполныйбанкрот — нозато — потрясноепредложение — получилизБразилии

— продаюсценарий — этотпареньприезжаетвэтотгород — ивсесразуполныйотпад — городуегоног — городпризрак — городуодиноко — хочетудержатьегоусебя — деньгибабыпочет — Сделаюмильены — толькомненадонанять

— португальского переводчика…

Неосторожное проявление осторожного интереса к «Призраку, который всегда с тобой» обошлось Уинтеру в еще одну безвозвратную ссуду.

— Бедняга Том, — вздохнул он, покидая «Таверну». — Только и умеет, что продавать свои рассказы. Ну почему он их никогда не пишет?

Далее синэргист перешел к осуществлению намеченного плана — пустился в бесцельное блуждание, обострив все свои чувства, но ни о чем не думая и ничего не разыскивая. Через некоторое время его внимание привлекло странное постукивание за спиной. Он с любопытством обернулся — по тротуару двигалась высокая, худая фигура неизвестного пола, одетая в лохмотья. Голову (его? ее?) полностью скрывал лыжный капюшон без отверстий для глаз и рта, дорогу (он? она?) находил(а), постукивая по тротуару тросточкой. На шее плакат:

«НЕ УМЕЮ ГОВОРИТЬ
НИЧЕГО НЕ ВИЖУ
ПОМОГИТЕ ПОЖАЛУЙСТА»

К плакату была прикреплена банка. Шерстяной капюшон украшало изображение солнечного

диска. Уинтер кинул в банку несколько монет.

— Деми?

— Пашио ва, — невнятно промямлило существо. — Я Баа-баа-раа.

— Барбара?

— А-а. Баа-баа-раа. Бла-ла-ви-ва-га-поть.

Наблюдая, как окапюшоненная тук-тук-тукающая фигура исчезает в уличной толпе, Уинтер — несмотря на все свои знаменитые чувства — даже и не заметил, что подвергся наглой, искусной эксплуатации со стороны Перси Павлина.

Карманник по роду занятий. Перси славился неумеренным щегольством. Он угрохивал на гардероб добрую половину своих трудовых доходов. Зимой — шотландский кашемир, летом — ручной раскраски крепдешин. Он носил жемчужные ожерелья и жемчужные шейные обручи (золото или платиновые металлы могут не вовремя звякнуть), но на тонких своих пальцах и запястьях

— естественно — ничего.

К несчастью, сегодня Перси изменил этой привычке и надел неделю назад раздобытое обручальное кольцо с бриллиантами и сапфиром. Не устоял перед соблазном похвастаться таким великолепием. Его не удержало даже то, что кольцо это было очень — на целых два размера

— велико для его чутких, изящных пальцев. Так вот и вышло, что это кольцо осталось в кармане Уинтера — взамен бумажника.

Перси был потрясен. Он шел следом за бесцельно слоняющимся Уинтером и не знал, что делать. Он бегло просмотрел содержимое бумажника, не дав себе даже труда пересчитать деньги. Да хрен с ними, с деньгами, последний это, что ли, бумажник в городе — он хотел вернуть свое великолепное кольцо. Он рявкнул на слепую нищенку с ее дребезжащей банкой, но в тот же самый момент вдохновился, догнал Уинтера и протянул ему бумажник.

— Простите, пожалуйста, это не ваше?

И снова Уинтер был поражен. Крепдешиновую рубашку украшал орнамент из солнечных дисков.

— Де… — Уинтер закусил язык. Ну конечно же, нет. Он взял бумажник и раскрыл его.

— Ну, конечно же, да. Но каким образом? Не знаю, как вас и благодарить. Может, вы желаете получить вознаграждение? Вы скажите, не стесняйтесь.

— Нет, сэр, никакого вознаграждения. Только… только… ну, я как раз высматривал кольцо, которое потерял — это жены моей кольцо — вот так

вот как раз и вышло, что я увидел ваш бумажник. Я… А вы не находили, случаем, мое кольцо?

— Извините, — улыбнулся Уинтер. — С величайшей радостью вернул бы вам ваше кольцо, только я его не находил.

— О, сэр, а может, вы все-таки нашли, а потом просто забыли?

— Нет, точно не находил. Вы уж извините.

— Вы знаете, сэр, а ведь всякое бывает. Вы вот выглядите таким, ну из этих, которые рассеянные. А вдруг подняли, сунули в карман и сразу же забыли? Вы посмотрите, посмотрите. Это жены моей. Бриллианты и сапфир. Посмотрите, пожалуйста.

Не то, чтобы очень умно придумано, но ведь и то сказать, думать Перси привык в основном руками.

— Найдж! Привет! Подожди секунду! — заорал Уинтер и торопливо обернулся к Перси. — Простите, пожалуйста. Еще раз спасибо.

Он бросился к идущей по другой стороне улицы очаровательной альбиноске. Найджел Энглунд в своем обмундировании — темные очки, защищающие красные глаза, широкополая шляпа, защищающая голову, все тело, до самых кончиков пальцев, затянуто чем-то вроде чехла,

защищающего каждый квадратный сантиметр кожи, Уинтер отлично помнил, что скрывается под этим чехлом.

— Доктор, — проскулил он, — у меня дырки в голове — мамонт лягнул на Ганимеде. Как вы думаете, выживет он, этот мамонт?

Найдж расхохоталась. Ветеринар-психоаналитик, она специализировалась на неврозах и прочих заморочках гибридных домашних животных. Зверей этих — и самых странных — развелось в последнее время очень много, были среди них и настоящие красавцы.

— Все, Роуг, — сказала она, — сдвинутыми мозгами я больше не занимаюсь. Теперь я — хозяйка публичного заведения.

— Чего публичное? Какое заведение?

— Городской зверинец. Теперь я — Gnadige[40] Direktor.

— Ни себе сказать!.. Подумать только, я знал тебя еще в те времена, когда…

Взгляд Найджел обжег его — даже сквозь черные очки.

— Послушай, молодой и красивый, давай разберется с самого начала. Зверинец этот у меня

---

[40] Notes: 40

Букв. «милостивая» (нем.), факт. «Уважаемая госпожа".

вот здесь.

И тут он заметил, что оправа ее очков выполнена в виде краешков солнечного диска.

— Деми?

— Что?

— Ведь ты все про меня разнюхивала. Может, ты узнала и про нас с Найдж?

— В прошлый раз, Роуг, — сказала запакованная альбиноска ровным твердым голосом, — это было «Лапа, меня посылают на Титан, вернусь недель через пять». А что это теперь за Деми такая?

— Извини, — пробормотал Уинтер. — Извини. Головка не в порядке. Засела строчка из статьи, над которой работаю — вот я зачем-то и ляпнул. Пошли, осмотрим твой скотский хутор, если только ты не боишься общества психов. Мне бы сейчас совсем не помешала небольшая порция помощи и утешения.

— За этим обращайся в какое-нибудь другое место. Можешь излить все, что у тебя на сердце, животным. Они очень любят послушать,

В зоопарке все животные обитали на этаких островках привычной им среды — за, естественно, энергетическими заграждениями. Уинтер начал свой обход. Куду, динго, онагр…

— Деми?

— Деми?

— Деми?

Ни ответа, ни привета. Дальше. Толпа детей всех размеров и расцветок криками, смехом и свистом приветствует разворачивающийся на сцене кукольный спектакль — действительно весьма любопытный, с марионетками в натуральную величину. Уинтер остановился.

Ведущий: Этот грязный, подлый дрессировщик (свист, крики: «ДОЛОЙ ЕГО!») зверскими пытками принуждает зверей прыгать сквозь горящие обручи, жонглировать, ездить на всяких штуках с колесиками. Он бьет их своим докрасна раскаленным хлыстом («ДОЛОЙ!») Героический горилл восстает против рабства, («МОЛОДЕЦ!»), к нему присоединяются и другие животные. («УРА!») Они побеждают злобного дрессировщика (Радостный смех) и его же собственным хлыстом заставляют исполнять все эти штуки и фокусы. («ТАК ЕМУ И НАДО!») Музыка: «Карнавал зверей».

Уинтер пошел дальше: татоуси, дзингетаи, гекко…

— Деми?

— Деми?

— Деми?

По нулям. Бабиросса, колуго, бандикут, кулан,

варан, пеба…

— Деми?

Уинтер, собственно, не очень-то надеялся. Он остановился посмотреть на роскошную морскую карусель — дети со всей Солнечной (а с ними и несколько окончательно утративших стыд и совесть взрослых) катались на морских коньках, дельфинах, моржах, китах, гигантских моллюсках, дружелюбно ухмыляющихся акулах и даже на услужливых осьминогах. Все это — под звуки «La Mer» в исполнении парового органа, явно испортившего себе легкие курением. Одна фигура вызывала удивление — слепая нищенка оседлала осьминога и размахивала своей тросточкой в такт музыке.

«Чем-то напоминает мою коронацию», — подумал Уинтер, двигаясь дальше.

Тигр, снежный барс, жираф, рысь, леопард, дромадер, пума, кугуар. Черные пантеры на кусочке своего родного вельда; одна из них подошла к самому барьеру и уставилась на Уинтера с такой неизбывной тоской, что он почти поверил.

— Деми? Ведь это точно ты, да? Вылезай оттуда, лапа. У меня есть для тебя подарок. Хочешь посмотреть? Твое обручальное кольцо.

Он сунул руку в карман, вытащил обручальное

кольцо с сапфиром и бриллиантами и зашелся смехом — в одно мгновение все встало на место.

— Деми, если это правда ты, вылезай и послушай, я тебе такую хохму расскажу!

Пантера отвернулась и ушла.

— В одно только не врубаюсь, — хмыкнул Уинтер, ощупав на всякий случай кольцо с печаткой. — Нужно будет спросить этого мелкого поганца. У полиции он на учете, это уж и к бабке не ходить, так что найти его не трудно. — И синэргист направился к выходу, подкидывая и ловя объект столь нежной и страстной любви Перси Павлина.

Долго искать не пришлось. У самых ворот он столкнулся с Перси и еще каким-то тощим длинным героем явно адвокатской внешности; по скорости, с которой эта парочка ворвалась в зоопарк, можно было подумать, что они кого-то ищут — чем они, собственно, и занимались.

— Вот он! — заорал Перси, после чего юридический герой ткнул обвиняющим перстом в сторону Уинтера и произнес долгую горячую речь о похищенной собственности, возбуждении уголовного преследования, ордере на обыск, возмещении ущерба, судебном процессе и — само собой — судебных Издержках.

Уинтер ухмыльнулся, еще раз подкинул кольцо и еще раз его поймал.

— Быстрая работа, — похвалил он ширмача. — Как тебя звать?

— Перси.

— Перси… а дальше?

— Просто Перси.

— Адвокат заявляет, что это твое кольцо?

— Моей жены.

— И где же я его взял? Нашел?

— Нашел ты, как же! — возмутился Перси. — Я возвращал тебе найденный бумажник, а ты тем временем залез ко мне в карман.

— Заткнитесь, пожалуйста, господин адвокат, — посоветовал Уинтер юридическому герою, который, как и положено герою, рвался в бой. — Вот что. Перси. Давай откажемся ото всех своих обвинений и контробвинений. Я отдам тебе кольцо, если ты объяснишь мне одну вещь.

— Какую?

— Каким хреном сумел ты уронить его мне в карман, когда вытаскивал бумажник?

Перси покраснел, как девушка, и смущенно потупился. Некоторое время он пребывал в нерешительности, затем растаял под теплым, ободряющим взглядом Уинтера.

— Свалилось. Велико он мне.

Уинтер благодарно расхохотался — второй раз за этот жуткий день.

— Не стоило бы надевать, — сказал он, передавая Перси кольцо, — при твоем роде занятий. Что, опять пойдешь на улицу сшибать?

— Там сейчас плохая работа, — доверительно сообщил Перси. Уинтер приобрел еще одного друга. — На карнавале лучше, согласен?

— Точно, Перси, — ухмыльнулся Уинтер. — Пошли.

ИНДЕЙСКИЙ КАРНАВАЛ ВОЖДЯ РЕЙНЬЕРА

Русские ученые медведи, шведские гимнастки, немецкий Tanzsaal, цыганские гадалки, баскская полота, индусы-факиры, итальянская bocce, турецкий рахат-лукум, французские пирожные, тюлени с Аляски, английские собачьи бега… Единственной, пожалуй, индейской принадлежностью индейского карнавала был сидевший у входа индейский вождь Рейньер — боевая раскраска, боевой головной убор из перьев, набедренная повязка. Отвечая на вопросы посетителей и указывая им аттракционы, он использовал вместо жезла томагавк.

— Вот, — прохрипел индеец. — Где солнце встает — там земля белых людей. Где солнце садится — там земля красных людей. Здесь земля красных людей. — Он прочистил горло. — Я платить все налоги. Я иметь все разрешения. Красные люди курят трубку мира. Зачем белые люди пришли снимать скальп красного человека? Они хотят больше вампумов? Не выйдет. В вигваме вождя Рейньера ничего нет.

— Кончай, вождь, — успокоил его Уинтер. — Мы не легавые, просто мирные платные посетители.

— Простите меня, джентльмены, — рассыпался в извинениях вождь Рейньер. — Меня буквально одолевают представители власти, вымогающие несуразных размеров плату. Как сказано поэтом: «Соблазна голосу любое внемлет ухо». Заходите, заходите! Касса налево. Желаю приятно провести время.

— Видишь, какой хороший индеец. Разве можно шмонать по карманам на его шоу? — укоризненно спросил Уинтер, но Перси уже исчез. — Вот что значит преданность делу, — пробормотал мудрый синэргист, проверяя, па месте ли бумажник и обручальное колечко.

И снова он блуждал, глазея на клоунов, фокусников, жонглеров, шпагоглотателей, змеезакли-

нателей и — в особенности — на исполнительницу «экуменического танца живота». Господь сохрани авторские права на фирменное название. Карнавал вызвал в памяти бессмертный смех Рабле:

ИГРЫ ГАРГАНТЮА
Слуги расстилали зеленое сукно, и он играл
В шахматы,
В жмурки,
В свои козыри,
В дичка,
В тирлинтантэн,
В под зад коленкой,
В тара,
В живот на живот,
В пий-над-жок-фор,
В бандита и негодяя,
В несчастного,
В несчастную,
В пытку,
В последнюю пару в аду.

И тут желание смеяться над шутками Рабле почему-то пропало.

Рядом с поросшим густым волосом болгари-

ном-пожирателем огня (вывеска обещала еще и хождение по углям) Уинтер увидел палатку, украшенную до рези в глазах ярким транспарантом. Улыбающееся солнце с несомненно ирландскими чертами лица. Более того — с неугасимо-красным лицом ирландца, весьма прилежного в употреблении ирландского национального напитка — ирландского виски. Каждый из двенадцати вырывавшихся из солнца языков пламени оканчивался одним из двенадцати знаков Зодиака.

МАДАМ БЕРНАДЕТТ
ВСЕ ВИДИТ
ВСЕ ЗНАЕТ

— Ирландская цыганка! — воскликнул Уинтер. — Жестянщица![41] В тот самый момент, когда он входил к гадалке, из соседнего балагана донесся громкий звук, сильно смахивающий на кашель; на крыше палатки появился, а затем И взорвался огненный шар.

Тут же раздались дикие вопли — болгарин, судя по всему, что-то там недопожрал. Сухой пла-

[41] Notes: 41
В Ирландии и Шотландии цыган называют «жестянщики» — отголосок того, что цыгане издавна занимались кузнечным и жестяным ремеслом.

стик вспыхнул мгновенно, дождем посыпались искры, повалил дым, стало нестерпимо жарко. Гадалка-жестянщица буквально окаменела, судорожно сжимая свой хрустальный шар; широко раскрытые глаза смотрели на разверзнувшийся ад, словно на знак гнева Господнего. К тому времени, как Уинтер выволок-таки ее наружу, оба они задымились, но хрустальный шар так и остался в надежных костлявых пальцах.

— Вы, наверное. Водолей, — сказал он мадам Бернадетт, — или застрахованы. Если вы — Деми, эта история вам поделом. Так что, Деми вы или нет?

Недоуменное молчание.

Протолкавшись сквозь возбужденную толпу, Уинтер покинул карнавал и поковылял в «Ммоды Ммощного Ммайка», где и договорился о замене безнадежно погубленной одежды. В «Ммодах» висела табличка, предупреждающая всех, кого это касается, что Ммайка защищает от воров аппаратура компании «Всевидящее Видео». Для большей понятности их фирменный знак представлял собой солнечный диске глазом внутри и надписью «Не бойтесь, мы все видим» по краю, на манер солнечной короны.

Ммощный Ммайк помещал свою рекламу в

«Солар Медиа», так что Уинтера сразу признали, с восторгом помогли такой знаменитости привести себя в порядок и мгновенно подогнали новый костюм по размеру. Он покидал портняжное заведение освеженный, благодарный, но при том — в предельно мрачном настроении (неудивительном после целого дня приводящих в отчаяние неудач) и в полной неуверенности, как же одолеть постигшее их с Деми несчастье. Вот тут-то на него и повалились трое боевиков, солдат Тритона.

Не удостоив стажерок и взглядом, Уинтер смерчем промчался по оркестровому салону и вломился в мою студию, где я продолжала борьбу с виргиналом, никак не желавшим настраиваться. Выглядел он как «Жемчужный король» кокни — вышеупомянутыми жемчугами являлись пятна собственной его кожи, просвечивавшие сквозь многочисленные прорехи столь еще недавно нового костюма. Роуг был в полной ярости, на мгновение мне показалось даже, что солнечные диски на его щеках начали испускать собственное, зловеще-багровое свечение. Ну чистый король-убийца или взбесившийся морской лев (Eurnetopias jubata) в поисках гарема.

— Ладно, Одесса, — прорычал он. — Какой там

у тебя план? Можно и послушать.

— Присядь, мальчик, и немного остынь. Думаю, тебе стоило бы выпить.

— За сегодня я столько вылакал, что слона утопить можно. — Его била неудержимая дрожь. — Так какой у тебя план?

— Сперва выпей, — решительно отрезала я и нажала кнопку.

Он испепелил меня взглядом, но смолчал. Появилась Барб, в одной руке — тросточка, которой она тук-тук-тукала перед собой, в другой — поднос.

Уинтер остолбенел. Он разинул рот, посмотрел на Барб, потом на меня и так бы и шлепнулся задницей об пол, не подсунь я вовремя под вышеупомянутую задницу стул.

Барбара опустила поднос, а затем сняла лыжный капюшон. Уинтеру предстала голова из той разновидности, которую любят чеканить на монетах и медалях — ну «Свобода», «Марианна» и прочее такое. Четкий правильный профиль лесбиянки (из них получаются самые великолепные Gardas) как нельзя лучше гармонировал со стройным, крепким телом.

— Я — Баа-Баа-Раа, — проблеяла она, а затем добавила: — Господи, Уинтер, ну и прогулочку же

ты мне устроил!

Он все еще не въезжал, как любил выражаться Сохо Янг.

— Богач, бедняк, побирушка, вор. — Она вложила ему в руку рюмку с коньяком. — И так далее. Это что, намеренно или случайно?

— Бессознательно-намеренно, Барб, — объяснила я. — Роуг ведь не понимает, каким образом он откликается на структуры Anima Mundi.

— Доктор, законник, индейский вождь, — кивнул Уинтер. — Ясненько. Нет, не нарочно. Я думал, что просто слоняюсь куда попало и жду, чтобы Деми… — Он заглотил свой коньяк. — Выходит, меня что-то вело?

— Попробуй врубиться, Роуг, — сказала я. — То же самое, что заставило тебя найти утонувшую девочку — тогда, в валлийском куполе. Мировая Душа. То, глубинное, что позволяет тебе слышать разговоры вещей и позволяет тебе видеть то, что видят все, но думать при этом то, что никому и голову не приходит. Ты говоришь, что это — синэргия, я называю это Anima Mundi. Одно и то же.

— А может. Бог?

— Называют и так. Почему бы и не называть? Главное — это одно и то же.

Он снова кивнул.

— Целое больше суммы своих частей, как бы его не называть. А ты что, — повернулся он к Барб, — следила за мной?

— В порядке задания.

— И ты знала про мою Деми?

— В порядке инструктажа.

— А ты не помнишь, чтобы я… А ты не помнишь, чтобы она… Нет, подожди. Я так сегодня умотался, что даже не могу ничего ясно сформулировать. — Он перевел дыхание. — Не было ли поблизости от меня какого-либо живого существа, которое все время оставалось со мной, но я не обращал на него внимания?

Барб молча покачала головой.

— И ничего такое, на что я не обратил внимания, не пыталось вступить со мной в контакт?

— Ничего, кроме Перси Павлина и троих джинковых солдат, но ты обратил на двоих из них более чем достаточно внимания. Во всяком случае им хватило, чтобы отправиться на тот свет. Ну, эти твои маори умеют у себя на Ганимеде готовить убийц. Ты мог бы дать урок-другой самому Аттиле.

— Два? А что, один ушел?

— Нет.

Уинтер посмотрел на нее, а затем на меня. Я пожала плечами.

— Ты сильно увлекся двоими, вот Барб и решила немного помочь. С пятидесяти ярдов она бьет без промаха. Не обиделся, надеюсь?

— Не такая уж я свинья. Я благодарен тебе, Барб, очень благодарен. Спасибо.

— Парни должны помогать друг другу, — ухмыльнулась Барб.

— Еще раз спасибо. Послушайте, обе вы, вы меня не бросайте, помогите. Мне нужно вернуть Деми, это сейчас самое главное, но я просто не вижу, как это сделать. Никогда бы не поверил, что не смогу разобраться в картине событий — да еще в момент опасности, когда так много… Ладно, это пустые разговоры. Какие предложения?

— Тебе нужно сторговаться с Тритоном, — сказала я.

— А популярнее?

— Они хотят, чтобы контрабанда прекратилась.

— А сами они не могут?

— Нет. Единственный, кто может — это ты. Король Р-ог.

— Но я не хочу. — Он снова начал яриться. — Эти косопузые джинки, сидящие на своем мета

и унижающие все человечество, все равно как долбаные арабы, усевшиеся на свою нефть…

— И вся Солнечная охотно с тобой согласится, особенно теперь, когда Тритон начал скупать нас на деньги, получаемые за мета… Вот, скажем, «Ветка сакуры», кому, думаешь, принадлежит этот банк? Но только хочешь ты вернуть свою Деми или не хочешь?

— Господи Исусе, она еще спрашивает! А для чего, скажи на милость, я целый день строил из себя клоуна?

— Тогда тебе придется платить их цену Она не вернется, не убедившись, что обстановка разрядилась.

Он яростно хмыкнул.

— А цена эта — прекращение операций вашей маорийской мафии.

— Ну, скажем, я так и сделаю, — нетерпеливо махнул рукой Уинтер. — Где гарантия, что это успокоит Деми — куда бы она ни спряталась?

— А! Вот тут-то мы и начнем торговаться. Мы потребуем письменное обязательство, которое, конечно же, гроша ломаного не стоит. Мы потребуем предусмотреть в документе штрафы за нарушение его условий, потребуем, чтобы он хранился у третьей стороны — на это им тоже

начхать. Скорее всего банк, в котором мы депонируем договоренность, окажется им же и принадлежащим. Еще мы…

— Подожди секунду. А когда и где будет все это делаться?

— Тогда, когда они выйдут на тебя. И, скорее всего — в том месте, где они это сделают.

— А как они поймут, что со мной можно разговаривать?

— Очень просто. Ты воспылаешь неожиданным желанием познакомиться поближе с сыночком Посейдона и запросишь визу, то есть ясно покажешь, что готов к употреблению. Дальнейшим они займутся сами.

— Жестянщик, портной, солдат, мореход. — Уинтер покосился на Барбару.

— И я, значит, должен заканчивать детскую считалочку, отплывая на Тритон… Не нравятся мне шуточки этой вашей Anima Mundi. Ну а что же, — он снова повернулся ко мне, — вы потребуете от них в действительности?

— Ничего. После обычных песен и плясок с подписанием соглашения мы поставим их перед суровым неумолимым фактом.

— А именно?

— Что у нас есть заложник.

— Не может быть! Кто?

— Самый высокопоставленный мандарин директората Тритона. Их шогун, ведающий всей информацией и принимающий все решения. Глава «И-хэ-Цюань», общества «Кулак во имя согласия и справедливости», ведущего свою историю еще с девятнадцатого века.

— И что, этот mache[42] у вас? Прямо здесь, на Земле?

— Не совсем, но мы его вычислили. Видный ученый… Томас Янг.

Уинтер был потрясен.

— Да-мо Юн-гун Тритона. Довесок «гун» обозначает нечто вроде «князя». Он — манчжурский аристократ.

— Великий экзобиолог?

— Молодец, возьми с полки пирожок.

— Мой друг, сказавший, что для него будет высокой честью обследовать Деми и дать ей рекомендации?

— Избавило бы их от уймы хлопот.

— Н-но… Но каким образом?

— Вспомогательные прикрытия. Самый стандартный прием всех разведок. Я познакомилась с

---

[42] Notes: 42
Деятель, делец (идиш).

Сохо Янгом много лет назад здесь же, в Нью-Йорке. Тогда он был хозяином небольшого ломбардика. Слыхал когда-нибудь о крутом порно-заведении «В Постельных Тонах»?

— Это что, тоже он?

— Нет, я.

— Господи, и как это вы, циркачи, умеете играть столько разных ролей?

— Век тупой, прямолинейной борьбы за существование минул давно и безвозвратно, — вставила Барбара. — Вместе с динозаврами. «Блаженны многогранные, ибо они наследуют землю» — вот лозунг дня.

— Романтика плаща и кинжала, — презрительно бросил Уинтер. — Детские игрушки.

— Да нет, — устало сказала я. — Скорее — самый прозаический подсчет возможных прибылей и убытков. Вопросы времени и бюджета. Все прекрасно знают, что есть разведки, есть их нелегальные агенты, это — само собой разумеющаяся истина. Проблема в том, как сделать, чтобы наши агенты работали как можно дольше, чтобы их контрразведка как можно дольше этих агентов не обнаруживала. Понятно?

— Понятно.

— Поэтому организуется липовая агентурная

сеть, чья единственная задача — привлекать к себе внимание. Само собой, липовые агенты ни о чем таком даже не подозревают, они считают себя самыми взаправдашними. А потом сидишь и надеешься, что чужая контрразведка угрохает все свои средства на борьбу с легко заменяемыми отвлекающими агентами — в то время как профессиональная сеть спокойно занимается своим делом. Нужно только хорошо руководить липовыми агентами, чтобы те не начали дуром работать в опасной близости от настоящих. Именно этим и занимался Янг из своего ломбарда. Именно это и делаю я, базируясь в «Постельных Тонах».

— Ну, вы даете, — пробормотал Уинтер.

— А теперь послушай. В прошлый раз я допустила ошибку, за которую готова извиниться. Я не поверила, что ты и вправду настолько умен и сообразителен, как всем кажется. Единственное мое оправдание — второй закон разведдеятельности: каждый человек глупее, чем можно бы подумать.

— А первый? — прорычал Уинтер.

— Первый — что мы глупее, чем сами о себе думаем. Так что теперь я хочу говорить с тобой откровенно.

— А стоит ли? — негромко предостерегла меня

Барбара.

— Не знаю, Барб, но приходится. Так вот первое — запроси визу на Тритон. Второе — отправляйся на Ганимед и останови действия мафии. Последнее абсолютно необходимо, ты поймешь это и сам, узнав, какая ставка сейчас на кону.

— И какая же?

— Пусть Тритон сохраняет свою монополию на мета. Мы можем — во всяком случае некоторое время — платить их несуразные цены, но скупка собственности, попытка прибрать к рукам всю Солнечную — этому нужно положить конец и как можно скорее. Через пятьдесят лет они скупят нас с потрохами.

— Так что, вы хотите тянуть время и торговаться?

— Как только твоя мафия утихомирится, а ты и Деми будете в безопасности, мы вытащим из рукава своего туза, Да-мо Юн-гуна, и тогда наши карты могут — при благоприятных обстоятельствах — оказаться выигрышными. Но даже в самом плохом случае получится нечто вроде пата, и у нас будет время придумать что-нибудь еще.

И тут он взорвался бешеной, нерассуждающей яростью.

— А колебал я вас всех со всеми этими го-

венными девичьими забавами! Сделки! Паты! Торговаться они, видите ли, будут! Да можете вы понять, что имеете дело со взрослыми мужиками, которые давно в игрушки не играют? Мы натягиваем вас и вышвыриваем, и вся любовь и сиськи набок. Ты что, и меня держишь за какую-то там карту в рукаве?

— Роуг!

— А я не карта, я дважды король маори.

— Бога ради, Уинтер…

— Ладно, все будет так, как ты сказала — за одним маленьким исключением. На Ганимеде я не стану и пытаться покончить с мафией, мне ведь в лицо рассмеются. Вы, бабы, не понимаете того, что понятно любому дураку. Нет, я призову их к бою, и каждый солдат-маори будет в восторге. Ты понимаешь меня, драгоценная Брюнхильда? Мафия получает заказ на погром Тритона.

Придя к такому решению, он пулей вылетел из моей студии. Я посмотрела на Барбару. Ход событий вызывал очень мало восторга, а моя в них роль — еще меньше.

— Может, и стоило тебя послушать.

— Неужели мы никогда не перейдем на партеногенез? — вопросила она. — Могут же тли, ну а мы-то чем хуже?

— Держись около него, Garda. Помощь нужна?

— Обойдусь, — жестко улыбнулась Барбара, а затем добавила: — А я еще хотела поделиться с ним добычей из своей побирушечной банки.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

На войне и в любви стратегия дозволена.

Сюзанна Сентливр

Там часто тактика, где мы ошибку зрим.

Александр Поуп

Я вылетел из этой студии, буквально булькая от негодования: задним умом, к которому вы, Одесса, относитесь со странным предубеждением, я прекрасно понимаю все дальнейшие свои ляпы и промахи. Я там орал что-то насчет погрома Тритона. Господи, да я бы взял заказ на погром всей Солнечной, если бы это вернуло мою Деми!.. Где она? Куда она запряталась? Как она? В безопасности ли она? Я ничего не знал и не знал даже, где можно что-нибудь узнать. Перспектива вырисовывалась какая-то бесперспективная.

Я вернулся в свою ротонду Beaux Arts, переоделся в практически невесомый комбинезон, покидал в дорожную сумку кое-что из вещей, опять же самых легких — двести фунтов это макс.

разр. вес на одного пасс., включая и багаж, и собственное его бренн, тело, — накрутил на шею пси-кошке платочек в горошек (чтобы ей было чем заняться) и пошлепал в зоопарк, к Найдж Энглунд.

— Ветеринарная лечебница за углом, — сообщила Найдж.

— Она здорова.

— А почему шея завязана?

— Для ее развлечения. Киска любит пятнышки.

Найдж окинула взглядом мое походное обмундирование.

— Собрался куда-нибудь?

— У-гу.

— И даришь свою якобыкошку зоопарку? Слушай, Роуг, мы по горло наелись всеми этими домашними животными, которые надоели хозяевам. Ты не представляешь себе, сколько нам их таскают — зеблюды, собадилы, кенгопарды. Аквариумы переполнены — лещуки, бестеры…

— Я хочу пристроить ее к тебе.

— Да? А почему не в гостиницу для зверей?

— Не могу довериться, Найдж, никому, кроме тебя. Моя кошка ультраособая. Вдруг она подцепит в этой ночлежке какую-нибудь гадость?

Просто не хочу рисковать.

— А что в ней такого особого?

— Пятая поправка.

— Тоже мне. Как ее хоть звать-то?

— Же… — Я закусил язык, сообразив, что Найдж спрашивает не фамилию Деми, а имя пси-кошки, которого я к тому же не знал. — Нет у нее имени. Я называю ее просто «Мадам».

Найдж видит меня насквозь, но эта наглая ложь прошла почему-то без комментариев.

— Посмотрю, есть ли у нас место.

Она потыкала клавиатуру компьютера, и на экране вспыхнула надпись: *«1/2 O.K.».*

— Я не хочу, чтобы мадам жила вместе с кем-то, — испугался я. — Еще покалечится в драке. Неужели у вас нет одноместных номеров?

— Попробуем снова, — сказала Найдж. — Эти штуки отвечают иногда не на те вопросы, которые им задаешь. — Теперь компьютер дал направление в зону 3, корпус 2, клетку 7. — Ну вот, твоя подружка сможет испытать все радости одиночного заключения по соседству с кроликами. Что она ест?

— Все, что угодно, лишь бы с круглыми пятнышками. Икру красную, икру черную, а также…

— Ничего, удовлетворится пестрой фасолью

и просом, пусть и за то спасибо скажет. Когда возвращаешься?

— Не знаю.

— Не важно. Сообщи мисс Джероукс, что она может забрать кошку, когда угодно, — лишь бы уплатила по счету.

Меня буквально вымело из ее кабинета — с фигурально говоря, стрелой в, фигурально говоря, заднице. Это же надо, с какой скоростью разносятся сплетни!

Оттуда — в один из моих банков (я пользуюсь тремя в надежде надуть налоговое начальство) за аккредитивом на две тысячи. Две тысячи даже в купюрах что-то весят. А я и так был на опасной грани тех самых двухсот фунтов макс., еще несколько унций — и можно оказаться за этой гранью.

Я хотел получить аккредитив на тисненом пергаменте банка «Орб и К» — шараги настолько классной — они ведь даже чеканят собственные золотые монеты в пятьдесят соверенов — что вся Солнечная знает их бумагу (предмет головной боли и отчаяния для фальшивомонетчиков) и пресмыкается перед ней.

И персонал там соответствующий, ребята настолько высокомерные, что прямо носом

лампочки сшибают, могу привести отличный пример. Как-то я погасил у них чек, а затем, выйдя уже из банка, обнаружил, что по какой-то таинственной ошибке то ли машин, то ли людей получил на сотню больше положенного. Ну, я — девушка честная, а посему вернулся и попытался вернуть эту сотню, на что получил от элегантного кассира гордый ответ: «Извините, сэр, но банк не принимает никаких претензий, если клиент отошел от окошка».

Так что я представился и попросил выдать мне «фракционируемый» аккредитив, чтобы иметь возможность брать с него не все деньги сразу, а по частям. Кассир (другой) понажимал клавиши, и черти бы меня драли, если на экране не появилась надпись *«1/2 O.K.»*. Как видно, я уже запутался, сколько в какой банк положил — знак благоприятный, ведь если я сам не могу уследить за своими капиталами, как же справиться с этим налоговому управлению? Пришлось согласиться на тысячу, куда мне, собственно, больше?

Затем я последовал твоему, Одесса, совету и пошел в консульство Тритона, чтобы запросить визу и тем показать, что готов к переговорам. Джинк, к которому я попал (скорее джап, чем чинк) был услужлив до умопомрачения, к тому

же все время улыбался, кланялся и вежливо шипел. Шипят они, кстати, не как люди — не на выдохе, с помощью языка — «Ш-ш-ш…», а на вдохе, с помощью нижней губы — «Х-ф-ф…».

— Вы оказываете нам высокую честь, сьероре Ивер (таким вот образом звучит «мистер Уинтер» на соларанто, международном вспомогательном языке Солнечной системы). Х-ф-ф. Такой знаменитый джентльмен не почел ниже своего достоинства посетить наш убогий, провинциальный мир. Х-ф-ф-ф. Когда вы почтите Тритон своим визитом?

— Где-нибудь в ближайшие два месяца.

— Понятно. — Он поработал на терминале, связывавшем консульство с посольством, и вскоре — вы будете смеяться — на экране появилось: *«1/2 О.К.».* Джинк был настолько ошеломлен, что даже запутался, кто, кому и какую оказывает честь. — Сьероре Ивер, вам Предоставлена виза на целые шесть месяцев. Половина года, сьероре Ивер. Х-ф-ф-ф. Высочайшая возможная честь. Х-ф-ф-ф.

Все до предела любезно и корректно, однако, если бы горевшая во мне ярость нуждалась в новом топливе, к тому времени, как я покидал консульство с визой в паспорте, это топливо взгромоздилось бы кучей, достойной большого

скаутского костра. Ученым известно архаичное понятие «растревоженная совесть» — непрестанные упреки, грызущие тебя изнутри. Ну а что вы скажете насчет «растревоженной мстительности», непрестанного желания отомстить, воздать по закону око за око, зуб за зуб?

Консульские украсили свой холл произведениями примитивного искусства и прочей экзотикой. И здесь, среди прочего, находилась очаровательная рамочка с натянутой кожей. Лицо маори с полным комплектом ритуальных шрамов и священных татуировок. Лицо моего отчима, Те Юинты.

О, сладость будущего мщения! Вот так вот. Корабль «Sternreise Kompanie»[43] отправлялся на Ганимед тем же вечером, забитый под завязку, за исключением одной каюты, которая была, как я устал уже повторять, *наполовину о'кей*, т. е. мне предстояло с кем-то ее делить. С кем? Не понимаю, Одесса, каким манером ты это-то намухлевала? С твоей драгоценной лесбиянкой Барбарой Булл.

(Проще простого, Роуг. Мы взяли всю каюту, а потом отказались от половины. Было ясно, что ты рванешь на Ганимед ближайшим рейсом, а

[43] Notes: 43
Компания звездных перевозок (нем.)

уж коли нет — в самый последний момент Барб сошла бы с корабля.)

Барб мне нравится, и я преисполнен к этой леди глубочайшей благодарности, однако проводить в ее обществе слишком много времени как-то не хотелось. Уж больно обе вы хитры, я боялся нечаянно ляпнуть что-нибудь не то и выдать все свои планы.

Лайнер был роскошный, с haute cuisine, так что я сшивался по большей части на камбузе, притворяясь, что имею задание проинтервьюировать шеф-повара, работающего в условиях невесомости. Дело оказалось и вправду интересным, помогло отвлечься ото всех моих заморочек. Если когда-нибудь напишу по этим материалам статью — пойдет на ура.

Жарка-варка в невесомости не сравнима ни с чем. Повар парит посреди кухни, и ему все равно — где пол, где стена, где потолок. (Перед включением двигателей его обязательно предупреждают, чтобы успел выловить из воздуха все свои принадлежности и положить их на стол). Он может стоять на голове, может безбоязненно бить яйца над этой же самой своей головой. Одна беда — в невесомости ничто не падает и не льется по собственной своей воле, все нужно вытряхи-

вать, выталкивать, заставлять и уговаривать. На земле можно перевернуть блин, подкинув его сковородкой. А теперь представьте себе, как это будет выглядеть в невесомости.

И еще одна проблема. Морозильники охлаждаются космическим холодом, царящим на теневой стороне корабля; если температура в них слишком опускается, приходится даже включать нагреватели. Однако бывает, что корабль в полете переворачивается, подставляя их солнечному жару. Тогда повар хватается за интерком и последними словами несет навигаторов, которые крайне неохотно включают касательные двигатели, ведь это с (их точки зрения) бессмысленное растранжиривание топлива.

— Дебилы! Вы что, хотите испортить мой creme brulee? Это как это бессмысленное? Я все сообщу в «Etoilevoyage Companie!»[44] Наблюдать, как повар жарит мясо или дичь — полный восторг. Аккуратно поместив оное поджариваемое на нужном расстоянии от электрического гриля, он чуть-чуть его закручивает. В результате вышеупомянутое поджариваемое так и висит на одном месте, медленно поворачиваясь. Этакий

[44] Notes: 44
Компания звездных перевозок (фр.).

тебе вертел без вертела. При небольших уходах в сторону легкое, ласковое прикосновение — и все опять в порядке. Наш повар весьма дотошно выдерживает детали этого процесса, что характерно для всех космических поваров. Очень интересно послушать их жаркие споры на тему оборотов в минуту и сантиметров расстояния от гриля.

А поджаривание креветок в масле — нечто вообще месмерическое. Он вытряхивает над грилем посудину лучшего растительного масла, в результате чего образуется целое облако капелек. Затем следует кропотливая работа по соединению капелек в один золотой шар, затем этот шар начинает шипеть. В точно отмеренный момент добавляются специи (я так и не удостоился редкой чести наблюдать это священнодействие), затем — креветки. В конечном итоге получается медленно вращающийся, завораживающий, а главное — аппетитный шар. Чувствуешь себя, как больной царевич, загипнотизированный часами Распутина, — только часы нельзя съесть.

В куполах турецких щедрая земля.
Маки пламенем горят, зреет конопля.

Избавиться от Барбары оказалось проще простого. После посадки я не стал забирать из каюты

свое барахло и вышел из корабля вместе с новообретенным приятелем — поваром, облачившись в его замусоленную форму и белый колпак. Сам он был, конечно же, при полном при параде — намечался трехдневный загул в обществе девиц-креолок, знакомых ему еще по предыдущим рейсам, для каковых девиц он пронес контрабандой три дюжины ампул женьшеня. Не без моей, конечно же, помощи — я всегда стараюсь платить услугой за услугу. По выходе их порта мы расстались, он направился к своим девицам, а я — не в купол маори, как можно бы ожидать, а в турецкие купола. И сразу вломился к Ахмету Труйджу — обговорить стратегию военных действий.

У турков Ахмет — парень номер раз, gantze macher. Он в неоплатном предо мной долгу, мы с ним это знаем, но вам можно и объяснить, в чем дело. Он великолепно справляется со своей должностью — блестящий бей, искусный правитель, сумевший сделать турков почти такими же влиятельными, как джинки, но все равно, если я когда-нибудь расскажу о нем то, что только мы с ним и знаем, он сразу же полетит со своего поста, с него сорвут эполеты, над его головой сломают шпагу, в общем — позорная отставка. Хуже того, он станет всеобщим посмешищем. Во всяком слу-

чае так описываем возможное развитие событий мы в наших с ним разговорах.

Много лет назад, когда я делал большой очерк о его отце, знаменитом и достойнейшем Труйдже Калифе (задолго до этой загадочной, прискорбной смерти), чрезвычайном и полномочном после, поработавшем в добром десятке различных столиц, папа Труйдж решил, что нуждается в пересадке роговицы обоих глаз. Направляясь к глазному хирургу, он прихватил за компанию и сыночка своего Ахмета, а уж я увязался за ними сам, в надежде обогатить будущий очерк одной-другой деталью обстановки. Ахмету было тогда лет шестнадцать. В глазной клинике папу посетила блестящая мысль — а почему бы не проверить заодно, как там у сына со зрением. Ахмета усадили перед этими самыми таблицами, где разные буквы, и быстро выяснили, что зрение у него, как у орла, но букв он не знает. Ни одной.

Смейтесь — не смейтесь, но так оно и было. С самого раннего детства Труйдж-младший отирался в дипломатических кругах, приобретая шарм, утонченность и весьма разорительные вкусы, отлично проводил время — и при всем при том ни одному из приближенных посла как-то и в голову не пришло, что ребеночек-то не ходит в

школу. Все они считали, что он как-то там где-то там учится, и ни один из них не удосужился проверить.

Ну а сам Ахмет на себя не стучал — какой же мальчишка хочет в школу? Так вот он и проваландался до шестнадцати лет, а тут уже поздновато было для чтения-письма-арифметики. В результате Ахмет и по сей день не умеет ни читать, ни писать, однако годы тщательно скрываемой неграмотности обучили хитрого турка сотням искусных трюков, а заодно фантастически развили его память. К великому счастью губернатора, в турецком анклаве принято скреплять документы не архаичной подписью, а отпечатком голоса.

Научился я читать,
Научился я писать,
Научился я и в драке
Старшим братьям помогать.

Губернатор приветствовал меня с громким энтузиазмом, абсолютно искренним — мы с ним действительно друзья, компромат здесь не при чем. Теперь Ахмету под тридцать: смуглый, начинающий уже лысеть, мягкий в обращении и великолепно барственный, он чуть заикается и временами замолкает, подыскивая нужное слово

— земной английский для него третий или даже четвертый язык. Я не стану пытаться воспроизвести здесь его заикание.

— Ахмет, — сказал я, презентуя ему ампулу женьшеня, выцыганенную у космоповара (ты не выцыганил ее, Роуг, ты ее вымаорил). — Я хочу попросить тебя о небольшом одолжении.

— Faires des demandes, — ухмыльнулся он. — Ну давай, давай, выкручивай мне руки. Теперь меня так просто не возьмешь, я хорошо приготовился.

— Действительно?

— Эй-Би-Си-Ди-Эф-Джи. Ну, что ты на это скажешь?

— Ахмет, Ахмет, ну уж от тебя-то я такого не ожидал. Разве можно так обращаться с невинным, дружелюбным шантажистом? Ты учился — и скрывал от меня!

— А все одна из ваших маорийских штучек. Появилась здесь на прошлом месяце, неизвестно откуда. Учит меня в постели. Для демонстрации алфавита использует свои ракушки.

— Ракушки?

— Ну да, серебряные. Носит их на бедрах, как ceinlure. Как будет ceinture на вашем вонючем янковском? А, да, пояс. И они дзинь-дзинь-дзинькают, когда… И у нее на жопе очень странный

шрам. Я не ошибся? Тохес? Derriere?[45] Нет, верно, жопа. Так что тебе там потребовалось, Роуг?

— Ты можешь объяснить мне, Ахмет, как организован твой шахер-махер с мета?

— Самым элементарным образом; мы платим джинкам героином, за унцию — фунт.

— Ни себе фига! Шестнадцать к одному?

— Слава Богу, что у нас есть хотя бы, чем пригрозить им при случае, так что наша квота мета всегда гарантирована. Срежут — останутся без дури.

— А какая у вас квота?

— Три-четыре сотни фунтов в месяц.

— Так много?

— Конопля и маки жрут тепло и воду, как сумасшедшие.

— А вы, значит, поставляете им пять-шесть тысяч фунтов наркотиков. Очищенных?

— Нет, сырец. Джинки предпочитают очищать их самостоятельно.

— Все равно, это охрененное количество дури.

— А у них охрененное количество народа. «Жили-были три китайца — Як, Як Цидрак, Як Цидрак Цидрони». Ничуть не сомневаюсь, что значитель-

---

[45] Notes: 45
Задница (фр.).

ная часть сырца идет на поддержание духа кули, вкалывающих в шахтах. Судя по сообщениям, там настоящий ад.

— Ахмет, я никогда не видел мета. Нельзя посмотреть у тебя?

— Это что, и есть то самое одолжение?

— Нет.

— Ты же используешь мета, почему же ты никогда его не видел?

— А многие люди, пользующиеся серебром, видели когда-нибудь серебряную руду?

— Как всегда — sans replique.[46] Пошли, Роуг.

В шлюзе мы надели вакуумные скафандры с такой мощной теплоизоляцией, что стали походить на северных медведей, страдающих — судя по скованной, судорожной походке — церебральным параличом. Ахмет постучал по моему плечу и показал на коротковолновую антенну.

— Включился? Роуг, ты меня слышишь?

— Ясно и отчетливо.

— Тогда делай все, как я скажу и Боже упаси что-нибудь трогать, если не хочешь превратиться в сверхновую.

— Спасибо, не надо. Я и так достаточно яркая

---

[46] Notes: 46
Без ответа (фр.).

личность.

По-лунному бесплодное, покрытое рваными скалами плато заставляло еще больше чувствовать себя белым медведем — только перепрыгивающим трещины не со льдины на льдину, а с камня на камень. Через четверть мили таких упражнений Ахмет остановился перед совершенно естественного вида глыбой туфа и буквально оглушил меня, проорав нечто по-турецки, в каковом языке я ни бум-бум. Через некоторое время плита мягко скользнула в сторону, обнаружив люк и ведущие вниз каменные ступеньки. Мы спустились в небольшую камеру и увидели перед собой каменную дверь, охраняемую четырьмя вооруженными белыми медведями.

После новой порции турецкой тарабарщины часовые распахнули дверь, пропустили нас и сразу же ее закрыли.

— Строжайший режим, — сказал Ахмет. — И не потому, что кристаллы мета precieux,[47] главное — они dangereux.[48] Не позволяйте посторонним играть со спичками.

Мы находились в сферической ледяной пе-

---

[47] Notes: 47
Драгоценные (фр.).

[48] Notes: 48
Опасные (фр.).

щере.

— Кристаллический гелий, — объяснил Ахмет. — Аргон и неон тоже инертные элементы, но он еще инертнее. Единственная, пожалуй, Substanz,[49] которую даже мета не может катализировать. Из него делают контейнеры для хранения и транспортировки, но ты себе не представляешь, насколько трудно поддерживать температуру в два градуса Кельвина.

— Ох, Ахмет, похоже, ты и твоя маорийская шлюшка серьезно изучали литературу по этому вопросу, — укорил его я, осматриваясь. — А это что у тебя за ювелирная лавка? Сложил сюда precieux камни, чтобы кто не спер?

— Это, Роуг ты мой precieus, и есть твои кристаллы мета.

— Чего? Эти пуговки?

— Aber naturlich.[50]

Я шагнул к светящейся груде, пытаясь сообразить, дурит меня этот известный всей Солнечной шутник и плейбой, или нет. Действительно нечто вроде радужных пуговиц — крохотные диски, чуть выпуклые, с каемкой по краю, правда без

---

[49] Notes: 49
Вещество (нем.).

[50] Notes: 50
Конечно же (нем.).

дырочек. И они искрились, переливались внутренним, словно живым светом.

— Это что, действительно мета? Ты только серьезно, Ахмет, безо всяких шуточек. Мета?

— Oui.[51]

— Очень красивые.

— Oui.

— Но эта бижутерия кажется совершенно безопасной.

— Такие они и есть, когда находятся в нормальном состоянии. Я говорю сейчас абсолютно серьезно. Это — тектиты, экстрагалактические метеориты из самых дальних глубин пространства. Обычные тектиты можно найти даже на Терре — черные стекловидные пуговицы, безвредные, лежат себе и никого не трогают.

— А почему эти — другие?

— Тут-то вся и история. Они — первичные, пришедшие из далекого прошлого. Существует теория, будто очень давно, когда Тритон находился в вулканической стадии, его буквально нашпиговал прилетевший откуда-то поток тектитов. Под воздействием термальных и радиационных нагрузок они трансформировались в

---

[51] Notes: 51
Да (фр.).

мета. Каждая из этих пуговок — котел спрессованной трансформационной энергии.

— Глядя на них, ей Богу поверишь.

— Отсюда и главное свойство мета — они принуждают атомы совершать квантовый скачок на высшие уровни. Затем атомы сваливаются назад, в нормальное состояние, и выделяют при этом лучистую энергию, а далее — новый толчок со стороны мета… И все это — со скоростью света. Де Бройль, наверное, вентилятором в гробу вертится.

— Де Бройль? — спросил я, чувствуя что-то нехорошее. — Это какой еще де Бройль?

— Луи Виктор. Разве мог он ожидать, придумывая в тысяча девятьсот двадцать третьем свои квантовомеханические штучки, к чему это приведет?

— Ахмет Труйдж, Ахмет Труйдж, ты ведь и вправду читал книжки!

— Генезис мета, Роуг, чисто гипотетичен, однако известно, что их находят в древних вулканических породах — примерно так же, как африканские алмазы, добываемые из «алмазных трубок». Там их добывали африканские негры, а здесь — джинки-кули.

— А как же с ними обращаются?

— При помощи инструментов с наконечниками из кристаллического гелия. Представь себе кузнеца, ворочающего кусок добела раскаленного железа, затем переверни ситуацию и ты получишь рабочего, ворочающего эту радужную пуговку.

— Да-а… Ну, Ахмет, спасибо за экскурсию, ты очень хороший гид. Я настолько тебе благодарен, что не стану даже выпрашивать самый малюсенький из твоих тектитов на память.

— Все равно унести невозможно.

— Ага. В скафандрах нет карманов.

— Так это и есть то самое одолжение, весь favour, о котором ты просил?

— Нет. Правду говоря, я прилетел сюда с неким стратегическим планом, но ты подсказал мне план тактический, и он лучше. Вернемся в контору, и я синэргизирую вдохновленную тобой хохму. Придется попросить, чтобы ты смастерил для меня Труйджанского коня.

Вы, конечно, и не сомневаетесь, что наш отдел Terra Gardai давным-давно сПЛАНировал работу мета-мафии. Вот эмпирическая схема торговли. Посмотрим, сумеете ли вы обнаружить веселенькую особенность критического пути. Приза не обещаю.

(1) Маори добывают их, пользуясь вполне современным оружием.

(2) Моллюски, из которых добывается императорский пурпур. Маори притворяются, что краска эта нужна им для татуировок.

(3) Единственное органическое вещество, придающее ярко-зеленый цвет огням фейерверка; на Каллисто фейерверк — популярная форма искусства.

(4) Нечто вроде добровольного рабства. Из маорийских девочек получаются очаровательные и очень послушные натурщицы, и они готовы буквально на все.

(5) Редкое розовое золото, бельгийцы не продают его никому.

Ну как, нашли веселенькую особенность? Каким, скажите на милость, образом спереть некий предмет, до которого и дотрагиваться-то нельзя? В африканских шахтах двадцатого века воровство алмазов рабочими было постоянной головной болью надзирателей. После смены всех, поднимающихся из недр Голубой земли, подвергали длительному, скрупулезнейшему осмотру, и все-таки некоторые исхитрялись протащить камни. Пять-десять карат неграненых алмазов, и чернокожий обеспечен на всю жизнь — земля, скот, жены, любая местная роскошь.

Но на Тритоне нет такой проблемы. После самого поверхностного осмотра все рабочие, выходящие из шахты, проходят термическую камеру. Если датчики регистрируют присутствие отрицательной температуры, сразу становится ясно — слишком уж размечтавшийся кули тащит контейнер с чем-то очень и очень холодным, дальнейшее очевидно. И все-таки, и все-таки,

сто чертей в печенку, кристаллы мета широким потоком текут из шахт на сторону. Ну каким, скажите мне, образом?

С алмазами просто, их можно положить в рот или проглотить, засунуть в уши, или в ноздри, или в анус, спрятать в волосах. Очень маленькие камни можно скрыть под веками, можно нанести себе рану и засунуть алмазы под кожу… С мета такие штучки не пройдут. Этот самый котел спрессованной энергии зажжет все тело огнем, рядом с которым auto-da-fe — райская прохлада.

По нашей терминологии слабое звено критического пути называется отрицательным провисанием. Шуточка, которую я с вами обсуждаю, как раз и была таким отрицательным провисанием, и понять ее мы не могли. Джинки, конечно, тоже не могли, но разве это утешение?

А вот синэргист смог. Он направлялся из пункта А в пункт Б и наткнулся на Икс. Что поделаешь, такой уж он всегда везучий.

НА ЛОВЦА И ЗВЕРЬ БЕЖИТ

Ху ей чен цянъ бень.[52]

Старинная китайская пословица

И призвал Ахмет Труйдж слуг своих верных, и сделали они все по сказанному им. А затем навели последний марафет, а именно — обрядили отобранных Роугом маори, проверили декорации, сценическую технику и прочие прибамбасы, перекрасили космический корабль в аляповатую пародию на тотемный столб с огромным, в стиле Ф.Т.Барнума[53] надписями *«ИНДЕЙСКИЙ КАРНАВАЛ ВОЖДЯ РЕЙНЬЕРА — ГАСТРОЛЬНАЯ ТРУППА N2»* по бокам и по… — пожелав предварительно Уинтеру и его слугам верным удачи в безнадежном их начинании — …чапали к мирным своим маковым и конопляным грядкам. Уинтер устроил смотр гастрольной труппы N2: клоуны, жонглеры, акробаты, борцы, зазывалы, фехтовальщики, индийский факир, заклинатель-

[52] Notes: 52

У них десять тысяч разных уловок.

[53] Notes: 53

Финеас Тэйлор Барнум (1810–1891), организатор и владелец знаменитейшего американского цирка.

ница змей (Барбара. После того, как Роуг улизнул, она догадалась съездить в маорийский купол и посоветоваться с Джеем Йейлом), а также боа-констрикторы (одолженные в бразильском куполе и накачанные аматолом до полного осоловения) и не женщина-змея, как вы могли бы подумать, а египетская мумия-змея. Вот вы, вы можете себе представить мумию, складывающуюся пополам и завязывающуюся узлом? Ну и я не могу.

Плюс исполнительница неэкуменического танца живота; эту роль играла знакомая нам малолетняя террористка, которой уже наскучило учить Ахмета азбуке (Уинтер все больше привязывался к этой услужливой соплюхе), густым волосом поросший огнеглотатель и трехтысячелетнего возраста Вечный Жид, готовый поделиться мудростью веков за более чем скромную плату в четверть сайсы.

(Тут, пожалуй, самое время для моего, Одесса, пояснения, так как джинковская денежная система имела крайне важное значение для моей, Уинтера, дикой авантюры. Само собой, в Солнечной ходят бумажные деньги — банкноты, чеки, аккредитивы и т. д., но для мелких расчетов пользуются и звонкой монетой На Тритоне это «сайсы», что является сокращением от «серебря-

ные слитки сайси». Само слово «сайси», а точнее «сай-си» обозначает «тонкий шелк» — серебро этих слитков настолько чистое, что в расплавленном состоянии из него можно вытягивать тончайшие паутинки. Формой слитки напоминают подошву ботинка, и удивляться здесь особо нечему — миры Солнечной придерживаются традиционных форм для всех слитков; для золота это кольца, для меди — круглые плоские калабахи, для бронзы — двусторонние лезвия секиры, для олова — продолговатые бруски.

Одна сайса (обозначаемая SS) — она же слиток сайси — равняется приблизительно двадцати земным долларам.

Половина сайсы, S, равна десяти долларам. Половина половины сайсы, 1/2 S, равна пяти долларам. Половина половины половины сайсы, 1/4 S, (вот так работает исхищренный ум джинков) равна одному доллару. Для вашего удобства я инглизировал джинковые названия В действительности SS, сайса, это юань-бао, полусайса, S — лян фэнь-чжи юань-бао, и, типичный пример джинкового юмора, серебряные монеты достоинством меньше 1/4 S, аналог земных полтинников, четвертаков и прочей мелочи, гордо именуются и-мао-да-ян, то есть «Большие Деньги». Как уже

сказано, все эти монеты, от полного слитка сайси до Больших Денег включительно, имеют форму подошвы.

Вернемся к Гастрольной Труппе номер два. В роли вождя Рейньера выступал сам Роуг Уинтер — при полном при прикиде, включавшем набедренную повязку, боевой головной убор и боевую же — весьма зрелищную — раскраску, которая заодно скрывала предательские шрамы на его щеках.

— Так вот, — в который уже раз объяснял он труппе, — вы будете делать все точно так же, как на репетициях. Никакой инициативы. Если у кого-нибудь из вас появится вдруг удачная мысль — сразу же выбрасывайте ее из головы. Вы делаете все в точности так, как я скажу, не больше и не меньше. Все решения принимаю я, остальные выполняют приказы. А самое главное: мы не произносим ни одного — повторяю, ни одного слова на маори. Понятно?

Все послушно кивнули, даже гордые, независимые солдаты-маори, из которых состояла добрая половина труппы. И то сказать, ведь он — самый настоящий дважды король Р-ог.

Король произносил свое напутственное слово на дикой мешанине земного английского, поли-

незийского и соларанто, торгового языка всех миров Солнечной, который звучит таким, примерно, образом: Сьероре Ивер, аван нах ойфиг эолайс фавор. (Мистер Уинтер, подойдите, пожалуйста, к справочному бюро.) Весьма, весьма далеко от эфирной «музыки сфер», так что удовлетворимся переводом — в ваших же интересах.

На Тритоне много десятков куполов, где живут чистокровные или смешанные японцы, китайцы, корейцы, малайцы, филиппинцы, аннамезы и даже потомки кубино-китайцев, изъясняющиеся на гу-ба-го, странноватеньком азиатско-испанском жаргоне. Вся прочая Солнечная называет столицу Тритона «купол Катай», но сами джинки предпочитают название «Чжун-го», каковое обозначает весь настоящий Китай, не больше и — как только что выразился Роуг — не меньше. Смешки по этому поводу крайне не поощряются.

В излишней скромности местное население, как я уже говорила, не упрекнешь, так что Чжунго обозначает заодно «Срединное царство», от джинковой традиции располагать Китай в центре квадратной Земли, править каковой предназначено ему от Бога. Малая модернизация: теперь это квадратная Солнечная система. Тритон окружен четырьмя пространствами, оберегающими

его чистоту и непорочность, за которыми лежат острова, например, Хо-Син (Марс), Юэ-Лян (Луна) и прочие им подобные, где обитают дикие варвары, лишь в редчайших случаях удостаиваемые разрешения посетить Небесную империю.

Так как население Тритона в основном смешанное, главным разговорным языком здесь являются жи-бень-чжун-го, японско-китайский или попросту джинковый. Наши агенты в обязательном порядке изучают многочисленные досье по особенностям социальной жизни Тритона, в дальнейшем это помогает им избегать faux pas[54] в общении с джинками. Чтобы дать вам хотя бы некоторое представление, насколько архаична тамошняя феодальная структура, я приведу сейчас некоторые факты, довольно случайным образом надерганные из этих досье.

Трезвейший из народов Солнечной, джинки считают вполне похвальным впадать по торжественным случаям в легкое приятное опьянение. Люди, физически неспособные пить, зачастую используют своеобразных «заместителей», которые делают это за них. Мандарины, обязанные пить в кампании гостей, обычно держат при своей особе

---

[54] Notes: 54
Ошибочный шаг (фр.).

этакого здоровенного питекантропа, который молча и торжественно лакает чашку за чашкой, пока последний из гостей не свалится под стол.

Джинки различают пять родов опьянения. Согласно их воззрениям вино воздействует на:

сердце — вызывая сентиментальные чувства,

печень — драчливость,

желудок — сонливость и красноту лица,

легкие — веселье,

почки — желание.

Невеста и жених пьют вместе, из чашек, соединенных красной ленточкой. Красный цвет — цвет удачи, обозначающий радость и процветание. На всех письмах, посланиях и документах неизменно присутствует какая-либо красная деталь.

По мнению джинков каждый человек по природе своей способен воспринимать только вполне определенное, отмеренное ему заранее количество удачи. Все, превышающие эту квоту, обязательно произведет в конечном итоге обратный эффект и причинит тебе вред. Поэтому нередки случаи, когда джинки, считающие, что они выполнили уже свой план по удаче, добровольно отказываются от плодов дальнейшего везения.

Что касается проблем брака a la Тритон, муж

имеет право убить неверную жену, однако тогда он обязан убить одновременно и ее любовника — погром, как говорится, так погром. В противном случае его могут отдать под суд по обвинению в убийстве (хотя, возможно, лучше бы назвать это «недоубийство»). Примечательная черта джинковой юриспруденции: нельзя вынести приговор, пока обвиняемый не признал свою вину: в результате, как не трудно догадаться, нередки весьма печальные истории с одному Богу известно какими методами добытыми «признаниями».

Джинки-врачи написали уйму томов о пульсе, играющем, как считается, огромную роль в диагностике. Они различают двадцать четыре вида пульса и обязательно щупают его на обоих запястьях одновременно.

Джинк не должен прикасаться к женщине (своего и высших классов), сочинена масса философских трактатов на тему — должен ли мужчина спасать утопающую женщину, если это сопряжено с физическим контактом. Само собой, врачам также строжайше воспрещено — из соображений благопристойности — прикасаться к пациенткам, я уж не говорю — видеть их в голом виде.

Поэтому при домашних визитах врачи захватывают с собой небольшую женскую фигурку и

передают ее в занавешенную спальню пациентки, объясняя при этом, каким образом отмечать области, вызывающие беспокойство. Затем статуэтка возвращается, и врач ставит диагноз на основании этих отметок.

Джинки весьма суеверны и к суевериям своим, зачастую крайне забавным, относятся со столь же забавной серьезностью. Считается, например, что Бог Грома насмерть поражает злодеев за их тайные преступления. Молния, сопровождающая обычно гром, производится зеркалом, посредством которого Бог наблюдает за своей жертвой. Все это происходит, как вы понимаете, на Земле — единственной обитаемой планете, где бывают громы и молнии. Джинки пребывают в уверенности, что земляне чудовищно развращены и, таким образом, никогда не оставляют Бога без дела.

Обитатели Тритона очень страшатся бумажных фигурок людей и животных. Дело в том, что чародеи вырезают такие фигурки, подсовывают их под дверь или подкидывают в окно, а затем оживляют и заставляют выполнять свои злодейские приказы.

Чтобы найти выход из трудного положения, используется ритуал «Зеркало и Ухо». Оберните

старое (обязательно!) зеркало тканью и семижды поклонитесь Духу Домашнего Очага. Процедура выполняется сугубо в одиночку, чье-либо присутствие недопустимо. После этого первые же слова, услышанные вами от кого-либо, обязательно дадут ключ к разрешению проблемы.

Другой аналогичный метод. Зажмурьтесь и сделайте семь шагов. На седьмом шаге откройте глаза; первый предмет, отраженный зеркалом, которое вы все это время держали в руке, а также первые услышанные вами слова дадут… (см. предыдущий случай). Подобная техника используется, чтобы заглянуть в будущее — согласно воззрениям джинков, не жестко определенное, а меняющееся по любому капризу небес (иначе можно было бы и не трудится зря).

Тянь-тан — небеса, рай является одновременно местной метонимией для ценностей. «Быть бедным в отношении тянь-тан» — значит иметь очень немного драгоценностей, украшений, иметь только несколько драгоценных одежд. Все вышеуказанные предметы используются исключительно женщинами высшего класса, которые никогда не появляются на публике без полной боевой раскраски и дорогого шитья. Рабыни, женщины низших классов и старухи даже и не

пытаются так одеваться.

Все правители Тритона и их подручные не получают никакой платы, вместо этого они промышляют своим положением. В большинстве куполов различные повестки и судебные постановления разносятся курьерами, которые выдаивают адресатов этих — неизменно обещающих мало приятного — официальных посланий. За небольшую взятку курьер возвращается с известием «Никого дома», за взятку побольше сообщается, что «Адресат сбежал» и так далее. Тюремщики позволяют — конечно, за плату — заключенным гулять на свободе, пока те кому-либо не потребуются. Судебные служители за взятки используют свои знакомства и влияние. Интересно, что здешние слуги делят между собой все получаемые чаевые ровно, по-братски.

Правительственные чиновники от самых высших рангов до низшего имеют некое номинальное, смехотворно-низкое жалование, которое никто из них не удосуживается даже получать — они живут на то, что удастся вытащить из обывателей взятками. Общепринято отказываться от жалования, смиренно ссылаясь на свою «недостойность», либо «отсутствие заслуг», и возвращать его имперской казне.

Высокие чиновники никогда не появляются на люди без сопровождения; многочисленные слуги оглушительно бьют в гонги, несут красные зонтики, огромный деревянный веер и доски, на которых большими буквами написан титул хозяина. Отличительным признаком близких родственников императорской фамилии служит красный шарф.

Общим разговорным языком Тритона является японо-китайский джинк. Все школьники изучают в первую очередь джинк — вне зависимости, на каком конкретном языке или диалекте изъясняются в их куполе. Иногда местная речь несколько отлична от джинка, и последний приходится преподавать, как иностранный.

Сохранился и чистый японский, но теперь это формально-классический язык, которым пользуются Исключительно ученые и аристократы. Хотя многие джинки перемежают иногда речь классическими словами, демонстрируя таким манером свою образованность — употребляют, например, японское *коэ вместо джинковогосэй (голос) илитоши* вместо *нянь (год)*. Это порождает враждебность окружающих — аналогичную той, которую испытывают англичане к Уильяму Завоевателю и его наследникам, которые изъяс-

нялись исключительно по-норманнски.

Уинтер мог кое-как объясниться на джинки, но решил не щеголять жалкими этими познаниями. Он поручил роль «Вечного Жида» Опаро — предводителю маорийской мафии, говорившему на джинке не хуже, чем на родном языке.

Когда его и Опаро пропустили через главный шлюз Катая, а затем препроводили в кабинет некоего высокого — судя по красной мантии, накинутой на сверкающие стальные латы — чиновника, Уинтер устроил целую клоунаду; он размахивал игрушечным томагавком, исполнял нечто, напоминавшее (по его мнению) индейский военный танец и орал во все горло бессмысленную песню, припомненную со школьных лет:

Умер наш дядя, нам очень жаль его.

Он нам в наследство не оставил ни чего.

Тетя хохотала, когда она узнала,

Что умер наш дядя, не оставив ничего.

Любил наш покойничек покушать и попить.

Любил наш покойничек с девчонкой пошутить.

Вот почему, почему и отчего,

Он нам в наследство не оставил ничего.

Некоторое время понаблюдав за необычным зрелищем, чиновник повернулся к своему помощнику.

— Та шу шемма яндэ хуа? (На каком языке говорит этот?) Уинтер сделал знак Опаро, тот вышел вперед и по полной программе исполнил цзо-и, поклон младшего вышестоящему: правый кулак зажат левой ладонью, глубокий поклон, затем сжатые руки дважды поднимаются к носу. Нижеследующее даст вам некоторое представление, каким образом джинки делают бизнес.

ОПАРО: Цзэмма чэн-ху тадэ чжи-жэнь? (Каким титулом следует вас величать?)

КАПИТАН: Шан-вэй мэнь-коу. (Я — капитан главных ворот.)

ОПАРО: Лао-цзя. (Благодарю вас).

КАПИТАН: Ши. Чжао шуй? (Да. Так чего же ты хочешь?)

ОПАРО: Пань-ван чжи ши вань-мань-цзе-го. (Только надежды, что наше дело получит в высшей степени счастливое завершение).

КАПИТАН: Цин-бянь. (Чувствуй себя свободно).

ОПАРО: Лао-цзя. (Благодарю вас).

КАПИТАН: Бу-се. (Добро пожаловать).

ОПАРО: Иг ба-чжан пай-бу сян. (Для ссоры нужны двое).

КАПИТАН: Чжи-ли бао-бу-чжу хо. (Огонь нельзя завернуть в бумагу).

ОПАРО: Гуй-дэ бу гуй, цзянь-дэ бу цзянь. (Дорогие вещи часто бывают дешевыми, а дешевые вещи — дорогими).

КАПИТАН: Бу па мань, чжи па чжань. (Не бойся продвигаться медленно, но опасайся останавливаться).

ОПАРО: Ша-мянь. Мей-шу-ши. (Извините нас. Мы жалкие актеры).

КАПИТАН: Чжи жэнь, чжи мянь бу чжи синь. (Знать, какой человек, еще не значит знать, что у него на сердце).

ОПАРО (сложенными ладонями протягивая слиток розового золота): Эр тин ши сюй янь цзянь ши ши. (Услышанное ушами может быть ложным, но глаза видят истину).

КАПИТАН: (прикидывая на ладони вес золота): Бугань-дан. (Я не рискую поверить, что заслужил вашу любезность).

ОПАРО: Ни тай цяньла, Шан-вэй. (Вы излишне скромны. Капитан).

КАПИТАН: Гуй-чу? (Из какого уважаемого места вы прибыли?)

ОПАРО: Ди-цюй. (Земля).

КАПИТАН: Гуй-син? (Как ваше уважаемое имя?)

ОПАРО: Би-син Син-цзюнь Ют-тай-дзяо. (Мое недостойное имя — Бродячий Еврей).

КАПИТАН: (оглядывая одежду и грим «Вечного Жида»): Гуй-дзя-дзу? (Каков ваш уважаемый возраст?)

ОПАРО: Сан-цянь и-бай-лин-и. (Три тысячи одна сотня и один).

КАПИТАН: (хохоча): Син-ци, сан-ци! (С днем рождения!)

ОПАРО: Лао-цзя. (Благодарю вас).

КАПИТАН: Бу-се. Гун-гань? (Добро пожаловать. В чем состоит ваше дело?)

ОПАРО: То-фу то-фу. Янь-пянь ма си туань. (Спасибо за вопрос. Мы хотим устроить для всех вас цирковое представление).

КАПИТАН: Ах, вот как. И жэнь нань чэнь бо хито но айда. (Пытаясь доставить удовольствие всем, иногда не доставляешь удовольствия никому).

(Отметьте в конце фразы культурное японское «Хито но айда», заменившее разговорное китайское «жэнь и».) И тут Уинтер выдал — на самом высоком накале — длинную бредовую тираду в стиле псевдоиндейского трепа Вождя Рейньера:

— Кто из вы желтая китаезы все видеть я чоп-

чоп? Угх! Нет, нет, нет! Делать проба. Уходить прочь. Чесать назад к восходящий солнце. Угх! Никто не говорить чесать. Все курить трубка мира. Угх! Я платить им все разрешения звонким вампум наличные. Я выполнять про все законы ваш великий Маниту всегда. Угх! Вы что хотеть желтая китаезы? Вампум краснокожего человека? Я платить. Налично. Иметь много в звездный вигвам. Нет разговор раздвоенный язык.

Решив, что смотритель уже достаточно ошалел, Уинтер сунул ему в ладонь еще один светло-розовый слиток.

— Курить трубка мира, да? Угх!

Смотритель главных ворот недоуменно повернулся к Опаро.

— Что это такое?

— Иностранец с Земли, — ответил Опаро (Вайго-жэнь да-цюй). — Красный человек. (Хун дэ жэнь).

— Он имеет какое-нибудь имя?

— Вождь Дождь-в-Лицо. (Да-юань бэй юй лунь-чжэ лянь. Буквально: «Генералиссимус, которому поливают лицо».) Смотритель искренне расхохотался. Имя, конечно же, липовое, зато очень смешное, а тут еще и целый фунт редкого каллистянского розового золота.

Одним словом, вторая труппа Индейского Карнавала вождя Рейньера благополучно проследовала в купол Катай. Купол построили прямо над выходом вулканической метасодержащей породы, именно это обстоятельство и сделало Катай столицей Тритона. Уинтер собирался отыскать тщательно охраняемый проход к шахте. А вулкан у него был свой собственный, в мозгу.

Однако вскоре выяснилось, что Смотритель главных ворот подсунул щедрому краснокожему варвару крупную свинью: он выделил для проведения карнавала син-син-чан — место, где казнили здешних преступников. По трем сторонам квадратной площади тянулся длинный помост, а за ним — штук пятьдесят кирпичных арок, служивших виселицами: к помосту вел расположенный с четвертой стороны пандус. Делать нечего, пришлось организовывать карнавал в окружении трех десятков трупов самой различной свежести.

Центр площади занимал непонятного предназначения железный ящик с закрытым люком на верхней его стороне, Уинтер счел этот ящик наиболее подходящей трибуной для зазывания публики.

Однако намеченное открытие карнавала со-

вершенно померкло перед другим, во много раз более ярким представлением — казнью. Прозвучали записанные на пленку фанфары, но не успел Уинтер взобраться на ящик и оглушить посетителей (уже оплативших вход) криком: «Спешите! Спешите! Спешите! Приди сюда каждый! Придите все!» (на соларанто это звучало бы следующим образом: «Hetzen! Hatzer! Macht's schnell! Avanti unico! Bi istigh todos!»), как площадь заполнили бесчисленные джинки, мужчины и женщины, старики и дети, веселые и возбужденные, словно в предвкушении масляничного гуляния, вот только на палатки и аттракционы они не смотрели вовсе.

Раздался резкий свист рассекаемого воздуха; Уинтер поднял голову, ожидая увидеть стрижей или ласточек (птицы живут во многих куполах Солнечной, кое-где они появились случайно, в других местах — по намерению строителей), но оказалось, что это летят стрелы. Люди закричали, засмеялись, началась смертельно-опасная игра — каждую стрелу старались «запятнать» до того, как она упадет на землю. Иногда толпа взрывалась улюлюканиями — это бритвенно-острый наконечник вспарывал тело какого-нибудь неудачника. Казалось, что сам воздух площади

пропитан жестокостью.

Затем грохот гонгов и стукотня деревянных драконов возвестили начало шествия; появились лучники в старинных, покрытых черным лаком латах и легких круглых касках, музыканты с разнообразными приспособлениями для создания адского шума; герольды несли огромные плакаты, исписанные ярко-алыми иероглифами.

— Имя, титул и статистический номер палача, — прошептал Опаро Уинтеру. — Такой чести удостаиваются по очереди все чиновники, а то, что ты слышишь, — это туш, как его представляют себе джинки.

— Что-то не похоже по звуку на «Микадо»,[55] - пробормотал Уинтер. — Да и по оформлению тоже. Ну разве так выходит на сцену Коко?

Последние слова относились к облаченному в багровую мантию палачу, которого только что внесли на площадь. Главный герои празднества восседал в открытом красном паланкине и сжимал рукой веревку, другой конец которой обвивался вокруг шеи голого, ползущего на четвереньках человека.

— Попался, видно, на чем-то крупном, — заме-

---

[55] Notes: 55
Оперетта У.С.Гилберта и А.Салливана.

тил Опаро. — Потому его и вешают.

— Господи Исусе! Вот уж действительно кровожадная компания!

— Это что, посмотрел бы ты на них во время колесования, — пробурчал многоопытный маорийский мафиозо.

— Надеюсь, не придется.

Процессия поднялась по пандусу на помост и проследовала к одной из свободных виселиц, где палач сошел с паланкина, привязал свободный конец веревки к толстому крюку, а затем шагнул в сторону. Повинуясь его знаку, солдаты подняли свои допотопные луки и начали посылать стрелу за стрелой в руки, икры, бедра, колени осужденного. Человек дергался и приплясывал в тщетных попытках увернуться, но очень скоро пронизывающие болью удары сшибли его с края помоста; толпа радостно взревела. Какое-то время несчастный извивался в воздухе, судорожно цепляясь руками за веревку, но еще несколько стрел — и этот последний страшный танец прекратился. По голому телу пробежала длинная судорога, и оно замерло.

— Хай! — приветственно проорала толпа и перешла к другим, не столь возвышенным развлечениям.

Карнавальное представление продолжалось уже несколько часов, когда Уинтер почувствовал, что нашел наконец долгожданный ключ. Он обратил внимание, что больше всего — и беззаботнее всего — сорят деньгами люди, имеющие одну общую черту, а точнее не имеющие ее. Однорукие люди.

— Жулье, — уверенно объяснил Опаро. — Если работать по мелочам, джинковское правосудие удовлетворяется одной рукой — той, которой ты воровал. Хочешь прожить до преклонного возраста — не захоти дальше Больших Денег, мелочовки всякой.

Уинтер молча кивнул и отошел, сделав про себя совершенно другие выводы. Лихая малолетка услаждала танцем своего живота — получалось у нее на удивление хорошо — десяток-другой истекавших похотью энтузиастов. По знаку (на маорийском языке жестов) «убей» девица блеснула глазами и спустилась со сцены. Теперь она адресовала свои призывные телодвижения прямо зрителям, каждому по очереди. Представление закончилось, когда Уинтер подал знак «этот»; джинки потянулись к выходу, оборачиваясь и выкрикивая малопристойные советы счастливчику, послушно следовавшему за своей

обольстительницей в глубь павильона.

Роуг вышел на площадь в одежде джинка; грим, снова скрывший королевские шрамы, ничем не напоминал боевую раскраску вождя Рейньера. Он не стал выяснять, оглушила малолетка этого фраера или вообще угробила — какая, собственно, разница.

Здоровенный мордоворот явно не узнал своего короля, продавая ему билете палатку заклинательницы змей. Да что там мордоворот, даже Барб не заподозрила ровно ничего, когда представление окончилось, все зрителя ушли, и в зале остался один Уинтер. Получив от этой высокой профессионалки приказ уматывать, Роуг счел проверку успешно завершенной и пошел толкаться среди карнавальной толпы — отнюдь не бесцельно. Можно сказать, что на этот раз «Пойнтер» сам нуждался в «пойнтере», путеводителе — он искал и-Шу, что обозначает на джинке «однорукий». Уинтер внутренне напрягся и подобрался; синэргист, он двигался к цели прямо, вся его тактика была одним непрерывным критическим путем.

Возможная кандидатка выдала себя неловкостью, с которой правая ее рука приняла от волосатого огнеглотателя сдачу. «Левша, навер-

ное, — подумал Уинтер. — Надо досмотреть».

Посмотреть было трудно — обе руки подозреваемой прятались в длинных широких рукавах. Крепкая, приземистая женщина, она была прекрасно одета, но без малейших следов косметики — верный признак низкого класса. (Джинковская аристократка скорее умрет, чем появится на людях, не покрыв лицо толстой штукатуркой из белил и румян.) В конце концов возможность проверки предоставилась — благодаря индейскому факиру. Демонстрируя древний, как мир, трюк, фокусник извлекал из своей шляпы сперва кроликов, а затем голубей, один из которых полетел прямо в сторону женщины. Защищая Лицо, она вскинула руки в широких рукавах. Левая кисть отсутствовала.

Убедившись в правильности своей догадки, Уинтер ни на шаг не отставал от однорукой любительницы развлечений; вскоре она направилась к выходу. Идея была предельно проста: если это воровка, то она, скорее всего, связана с другими местными жуликами, а тогда можно попробовать найти вход в шахту через них. Такие ребята всегда все знают и наверняка поделятся информацией, если будут иметь к тому достаточно весомые основания. Достаточно весомые в

непреодолимо-соблазнительном розовом золоте.

А почему, хотите вы спросить, действовал этот Робин Гуд в одиночку, без своих, продолжая метафору, молодцов в зеленых плащах? Причин было две. Чтобы заручиться содействием маорийской мафии Роугу пришлось дать обещание никоим образом не подвергать опасности их тритонские операции и связи — и даже тогда Опаро наотрез отказался предоставить ему какую-либо полезную информацию. Была и вторая причина, но о ней позже.

А потом женщина затерялась в путанице улочек и переулков, переполненных куда-то спешащих кули, разносчиками, мелочными торговцами. Покосившиеся магазины, ветхие хибары — все это невольно приводило на ум Лондон времен Сэмьюэла Пеписа и Великого пожара, когда жители города пытались сдержать огонь, снося дома на его пути, и делали это, обходясь обычными баграми. Только что женщина шла по такому вот переулку, который ничего не стоило бы снести, достигла крохотной площади, от которой улицы разбегались в пять сторон и — и вдруг ее не стало.

Уинтер протолкался на площадь и сделал отчаянную попытку смотреть в пять сторон сразу. Все

пять улиц кишели людьми, а невысокий рост однорукой не позволял легко различить ее в толпе.

— Zolst ligen in drerd! — горько пробормотал синэргист, чувствуя, как «критический путь» петлей затягивается на шее.

В поисках ключа его глаза торопливо обшаривали все окружающее — от модного ателье, где шили одежду на иностранный манер (си-фу-чжуан) до «однорукого бандита», рядом с которым несколько кули играли в «камень-ножницы-бумага».

Джинки известны своей страстью к играм, будь это «камень-ножницы-бумага» или фань-тань, кости или карты, рулетка или компьютеризованная го. Не имея сил — да, впрочем, и особого желания — бороться, власти успокоились на том, что обложили огромным налогом игральные автоматы, которые по идее должны вытеснять неконтролируемые, идущие где попало игры. Из пломбированной кассовой коробки почти всегда можно изъять свою долю.

«Почти» — потому, что джинки народ жуликоватый и умеют надуть любой механизм Длительное время многие слот-машины оставались без полагающейся по статистике выручки — кассовые коробки оказывались совершенно

пустыми, в них не было даже каких-нибудь там кружочков-шайбочек. Совершенно отчаявшись. Комиссия по азартным играм пообещала тысячу сайс вознаграждения — с гарантией освобождения от судебного преследования — тому жулику, который выйдет и честно расскажет, как все это делается. Так сказать. Главные Жулики забеспокоились о своей доле.

Хитроумный идальго явился на зов, открыл свой секрет и удалился с тысячей сайс в кармане — а может, на тачке, серебро — оно тяжелое. Он делал монеты в четверть сайсы из сухого льда, то бишь твердой углекислоты. Попав в автомат, эта временно твердая валюта бесследно испарялась уже через пару минут.

Другое, неизвестное Комиссии жульничество с автоматами синэргизировал, пользуясь своим даром видения, Уинтер. Его вознаграждение оказалось не столь приятным.

Долго стоять столбом на перекрестке было рискованно, так ведь и внимание к себе привлечешь. Подойдя к однорукому бандиту, Роуг начал кидать в него монеты и дергать рычаг, ни на секунду не прерывая тяжелых размышлений. Так что же, искать утраченную нить где попало, по наитию? А может, вернуться на карнавал, и

начать все с начала? Или спросить этих придурков, размахивающих руками в надежде выиграть друг у друга Большие Деньги? Так вот подойти испросить на соларанто: «Слушайте, ребята, тут не проходила недавно однорукая женщина?» Во-во. Именно так.

Он с ненавистью воззрился на слот-машину, в окошках которой вместо фруктов красовались цветы: ши-чжу (гвоздика), бай-хэ (лилия), цян-вэй (роза), ромашки, маргаритки и т. д. Роугу было не до этой чертовой джинковой эстетики, однако ему бросилось в глаза, что на третьем правом колесе неизменно появляется розмарин, погашающий выигрыш с тем же успехом, как и лимон в Лас-Вегасе.

— Вот гады накрутили машину, — пробормотал Уинтер, закидывая в щель очередную четверть-сайсу и очередной раз дергая рычаг. Снова розмарин. — Ведь не дают лоху ни малейшего шанса. Комиссия, наверное, в полном восторге — один доход. «Вот розмарин, это для памятливости: возьмите, дружок, и помните».[56] Только где же эта сучья Офелия и-Шу? Хрен с ним со всем!

---

[56] Notes: 56
"Гамлет», акт 4, сцена пятая.

Он сбросил еще одну монету. Снова розмарин. Почти решив уже возвращаться на карнавал, Уинтер последний раз посмотрел на все пять сторон одновременно и — mifabile visu[57] — заметил свою Офелию в дальнем конце ведущего направо переулка; она с кем-то беседовала.

— Есть искра! — заорал синэргист, бросаясь по переулку. К тому времени, как он достиг нового перекрестка, женщина опять исчезла, но здесь стоял еще один автомат, правда, на этот раз компания азартных кули отсутствовала, а розмарин виднелся слева, на первом барабане. Уинтер скормил бандиту монету и дернул рычаг. Цветочки помелькали-помелькали и остановились, причем розмарин, который для памятливости, так и остался в левом окошке.

— Ни фига себе! — пораженно воскликнул Уинтер. — Ни себе фига!

И начал протискиваться налево, стараясь хоть что-нибудь разглядеть в густой толпе. Предчувствие оказалось верным — женщина была здесь, только далеко впереди.

Дальше он высматривал уже не ее, а однруких бандитов, дежурящих на стратегических

---

[57] Notes: 57
Самое странное (лат.).

перекрестках — и даже перестал кормить их серебряными подметками. Сомнений не оставалось: розмарин слева — иди налево, розмарин в центре — иди прямо, розмарин справа — поворачивай направо. И они никогда не уходят со своих мест, вне зависимости от того, сколько раз дергаешь ты ручку и какие другие картинки появляются в окошках. А второй розмарин просто не появляется никогда, ни при какой погоде.

— Потрясающая штука. Ну прямо как дорожные знаки в старой английской игре «Жулики и бродяги». Хотел бы пожать руку тому гению, который это придумал.

Очередной однорукий бандит указал дорогу с той же охотой, что и предыдущие.

— Ведь это кто же из фраеров сообразит? Случайные лохи? Скажут «не везет», пожмут плечами и двинут дальше. Комиссия? А им то что? Им лишь бы выручка была побольше. И не копы, разве придет в их дубовые головы, что какой-то там цветочек шепчет «suivez-moi»?[58] Чудо, что я-то допетрил.

Как я неоднократно подчеркивала, Роуг совершенно не осознавал седьмого своего чувства,

---

[58] Notes: 58
Следуйте за мной (фр.).

своего видения.

Он увидел спину и-Шу еще раз — женщина как раз исчезала в двери какого-то покосившегося от ветхости павильона. В двери, над которой были изображены три розмарина — выцветшие, облупившиеся, но до сих пор различимые.

— С первым этапом покончено, — сказал себе Уинтер и взглянул на часы.

— Остается еще пять часов. Ну и как же нам приступать ко второму этапу? Если здесь малина ихней инвалидной команды, охрана должна быть серьезной, и прямо вот так соваться со взятками вряд ли стоит. Ну хорошо, не стоит, а что же стоит? Господи Исусе, да что это я, совсем отупел? Как же к ним подъехать?

Некоторое время он усиленно думал, а затем удовлетворенно кивнул.

— Да, конечно! Сделаем, как с мамонтами. Не имеет смысла пытаться их перехитрить, там же очень ушлые ребята — вон какую хохму с бандитами придумали. Пусть они играют по моим правилам — может, я и не такой ушлый, но что-нибудь такое соврать или пыль в глаза пустить — это всегда за милую Душу.

Уинтер бегло осмотрелся в поисках материала для импровизации. Павильон располагался на

грязной оживленной площади, окруженной магазинами, магазинчиками, конторами…

Чайный домик, внутри играет музыка. Похоронное бюро, предлагающее «Доски для преклонного возраста» и «Одежду для преклонного возраста» — гробы и саваны, если перевести эти эвфемизмы с джинковского околичного языка на нормальный.

Шроф, то есть меняла. Вход занавешен своеобразными бусами из медных монет, которые еще мельче по достоинству, чем Большие Деньги.

Аптека. Витрина с ножами и мечами. Фейерверки. Мясная лавка. Над жаровней с углями подвешена целая свинья, от которой разносится божественный аромат. «Рай плотских наслаждений», аромат другой, но тоже божественный. Синтоистский храм, украшенный деревянной рыбой, — подобно богу, рыба никогда не смыкает глаз.

Уинтер придумал, как организовать большой, шумный скандал, я бы даже сказала погром. Вы, конечно, думаете, что он пошел к этим плотским дамам, выложил некую сумму и попросил их выбежать на площадь в чем мать родила? Ошибаетесь. У фейерверочного прилавка он купил дюжину каллистянских ракет, совершенно не

интересуясь их цветом. Затем пошел к меняле и получил за полусайсу даже больше медно-монетных бус, чем ему требовалось — совершенно не интересуясь размером удержанной комиссии. Затем он начал привязывать бусы к ракетам, чем и привлек к себе внимание праздношатающихся кули. Вокруг него собралась небольшая толпа. Покончив с этим занятием, синэргист обстрелял ракетами крышу павильона, где те и рассыпались весьма приятным для глаза фонтанами искр и звонким дождем звонкой монеты. Связки монет, оставшиеся без применения, он просто закинул на ту же самую крышу.

— Хай! — дружно прокричали кули и столь же дружно бросились на штурм павильона. Уинтер получил свой погром.

Скорее даже не Уинтер получил его, а павильон. Искатели легкой — хотя и не очень большой — наживы мгновенно облепили все стены хилого строения. Они бешено карабкались вверх, срывались, сталкивали друг друга. Люди ползали по крыше, отчаянно обшаривая каждый ее уголок; время от времени завязывались драки. И все это — в сопровождении ярких огненных фонтанов, то там то здесь взлетавших к небу. Какой-то человек выскочил из двери, бросил взгляд на про-

исходящее, обернулся и что-то крикнул. К нему присоединилась небольшая группа охранников, сразу взявшаяся за наведение порядка, а Уинтер тем временем проскользнул внутрь, никем не замеченный и не остановленный.

Изнутри загадочный павильон вполне — и даже с избытком — соответствовал своей ободранной внешности. Миновав несколько охранных постов (где не было сейчас ни одного охранника) Уинтер оказался в неком подобии сарая, совершенно пустого, если не считать нескольких скамеек и табуреток. Заплесневелые стены буквально шевелились от многочисленных насекомых, грязный, облезлый потолок, в полу зияли широкие трещины.

— Господи, — поразился Роуг. — А мне-то казалось, что воровство — выгодная профессия. Здесь бы и мамонт жить не стал. Неужели я зря таскался за этой однорукой бабой?

Через щели в полу пробивался свет. После недолгих и не особенно осторожных — дикий шум снаружи перекрывал звуки его движений — поисков Уинтер обнаружил вход на лестницу, завешенный истлевшей, кишащей вшами тряпкой. Брезгливо сморщившись, он отодвинул эту мерзость, встал на четвереньки и начал медлен-

ный, осторожный спуск. И вдруг окаменел.

Самую середину большого подвала занимал длинный деревянный ящик из-под чая. На ящике лежал человек в синей рабочей одежде, правая рука его была откинута в сторону: рукав на ней закатан, а кисть свисала над белой кюветой, из которой поднимался пар. Пар шел и от двух стоящих неподалеку белых сундуков. Кули судорожно извивался, его удерживали на месте пять женщин (в том числе и знакомая и-Шу). Женщины смеялись и — насколько мог понять Уинтер — шутили, кули тоже пытался шутить. Невероятная сила духа: одетый в белое джинк как раз кончал ампутировать — с помощью вполне современных хирургических инструментов — окутанную клубами пара кисть.

Грубые, натруженные пальцы судорожно что-то сжимали. Сжимали что-то непонятное — от кисти исходило тусклое красное сияние потухающего костра, раскаленного железа, умирающей новой звезды. Новой? И вдруг Уинтер все понял.

— Господи! Господи! Господи Исусе! Это же вроде как негры, калечившие себя, чтобы проносить алмазы в ранах. За каждую горсть радужных пуговок мета джинки расплачиваются кистью руки. Их проверяют только на холод криогенных

контейнеров — кому же придет в голову проносить такую вещь в голой руке?

— И ведь это — совсем не глупость. Ценой кисти — которую он, скорее всего, и так потерял бы при здешней технике безопасности — полуголодный кули до конца дней своих будет жить в достатке и почете. Но только это — по одной горсточке, много так не натаскаешь. Для крупномасштабной коммерческой контрабанды нужно использовать… что? Опаро называл их мелкими жуликами. Верно, конечно, но знает ли он, как действуют крупные? Да, конечно же, знает. Только сумею ли я из него это вытащить?

— Спасибо, Роуг, премного тебе благодарен, — произнес знакомый голос.

Так и пребывавший на коленях Уинтер резко обернулся. У спуска в подвал стоял блестящий экзобиолог Томас Янг, он же тритонианский вельможа, манчжурский князь Да-мо Юн-гун. За его спиной виднелась небольшая группа крайне мрачного вида солдат.

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

На дуэли остерегайся ложной атаки.
Эта страшная уловка открывает путь
для настоящего, смертельного выпада.
Мушкетер А'Артаньян

Ну да, ушел от нас Томас Янг, ушел при помощи совершенно неслыханной уловки. Человек широчайшего образования и кругозора, великолепно подкованный буквально во всех науках и искусствах, он использовал свои таланты на изобретение блестящих трюков, позволявших ему всегда хоть на один шаг, да опережать нас.

Мы знали, например, что основная его деятельность, конечно, разведка, а первая из вспомогательных — поддержка, тренировка и направление действий Солнечной Организации Освобождения — это надо же, чтобы название настолько не соответствовало сути! СОО имела своей целью освобождение. От чего? Да от всего, на что обозленные неудачники желали свалить вину за свои разочарования. Республиканство, капитализм, социализм, марксизм, да что угодно — все снести, чтобы Солнечная перестала мешать

их заслуженному, справедливому восхождению к вершинам социальной лестницы.

А в действительности, не очень далекие члены СОО были послушными орудиями классовой борьбы феодально настроенной джинковской аристократии, твердо решившей вернуть Солнечную к старому доброму времени баронов и холопов. Основной тактикой этой борьбы было разрушение политической и правовой стабильности при помощи такого испытанного оружия, как террор. Прямых доказательств связи Янга с террористической деятельностью не было — и вербовка и тренировка членов СОО проводились в диких притонах Титана.

Один, всего один раз удалась нам инфильтрация в ряды СОО, и тем самым задним умом, который мне так ненавистен, я понимаю, что угрозу провала можно было предвидеть — и избежать его. Я послала одного из лучших и отчаяннейших наших агентов (кодовое имя «Терьер») в Брисбенский купол, где он дрался, зверствовал, убивал, пока не заслужил благосклонного внимания и вербовки. Терьер мог быть абсолютно безжалостным, когда того требовало задание.

Одним из тестов способностей предполагаемого террориста служит так называемая «темная

комната». Кандидата раздевают догола — это чтобы не было возможности делать заметки, — дают ему электрический фонарик и посылают в совершенно темную комнату. Комната эта — нечто вроде самой заурядной гостиной со всей полагающейся мебелью и прочей ерундой; нужно за пять минут все осмотреть и все (по возможности) запомнить.

По выходе на свет Божий сперва проверяется сознательная память: сколько там столов, стульев, картин, ламп, окон и т. д. — именно это и велели ему запомнить. Следующим номером проверяется память бессознательная: начинают спрашивать, были стулья жесткие или обтянутые тканью, если обтянутые тканью, то какой, не было ли на столе игральных карт, какая одежда хранилась в открытом шкафу, что изображено на картинах, опишите, пожалуйста, абажуры, занавески… В общем, такие детали, о которых и слова не было в задании.

Терьер вошел в эту комнату, провел там пять минут, а затем его убили, прямо на выходе. Черт бы побрал Янга! Темная комната была ярко освещена ультрафиолетом, невидимая идентификационная татуировка TerraGardai четко проявилась на сканерах. Черт бы побрал меня! Я

должна была предвидеть. Но все это выяснилось значительно позже, в тот момент я знала только, что наш лучший оперативник исчез, spurlos vershwindet,[59] операция провалилась, и я снова занялась организацией наблюдения за Янгом на Земле — а он снова выкинул номер.

Мы наблюдали за каждым его движением, и он считал это само собой разумеющимся. Мы знали, что он знает. Он знал, что мы знаем, что он знает, и так — ad infinitum, обычная ситуация. Было давно решено, что при первой же попытке покинуть Землю мы его задержим, под тем или иным предлогом. Знать этого точно Янг не мог, но у себя, на Тритоне, он поступил бы именно так и вполне допускал такую возможность здесь, в Нью-Йорке.

Я сняла комнату в доме напротив университетского корпуса экзобиологии, на верхнем этаже, и поселила там оперативницу Garda с кодовым именем «Бабуля Мозес». При помощи коротковолновой станции Бабуля сообщала в центр обо всех приходах и уходах известного ученого, так что нам не приходилось растрачивать драгоценное время оперативников на толкотню вокруг

---

[59] Notes: 59
Бесследно исчез (нем.).

этого корпуса в ожидании, когда же покажется милый дружок. Вопреки распространенному мнению, мы совсем не бросаем все свои силы на одну операцию, а ведем их несколько одновременно. Я дирижирую оркестром, в котором каждый исполнитель играет на двух, а то и на трех инструментах.

Дураком этот манчжурец не был, и очень скоро его обостренные чувства обнаружили Бабулю. Виду он, конечно же, не подал и начал обращаться с ней ровно так же, как любой сосед, которого забавляет любопытная старушка, вечно подглядывающая из окна. Сперва он корчил ей рожи, потом просто улыбался, потом начал приветствовать ее рукой. Я проинструктировала Бабулю так и держаться роли добродушной любительницы совать нос в чужие дела, и она начала отвечать на его приветствия. Через какое-то время они даже вели нечто вроде небольших бесед — попрежнему жестами.

Ну а потом настало утро, когда произошло то самое, неслыханное. Томас появился у корпуса экзобиологии в обычное свое время, и Бабуля сообщила, что он вошел и пробудет на месте, скорее всего, несколько часов, так что его хвост может пока удалиться — опять-таки все, как обычно. Од-

нако дальше Янг отошел от программы — вместо того, чтобы где-то там играть со своим любимым компьютером в интересную игру экзобио и не вылезать наружу, этот манчжурский жулик — или, если хотите, князь — показался в окне десятого этажа, как раз напротив окна Бабули и с самым трагическим видом махнул ей рукой. Бабуля ответила ему столь же печальным взмахом.

— Этот мир полон зла, — вот такую интересную новость сообщил он ей на языке знаков, и Бабуля просигналила полное свое согласие, пребывая в законном недоумении, какого это хрена он задумал. Недоумение не было долгим — Томас распахнул окно, послал ей воздушный поцелуй и выпрыгнул вниз.

Бабуля увидела падающее тело, истерически прокричала несколько слов в микрофон и бросилась вниз. Когда она выскочила на улицу, подлетели и с визгом тормозов остановились машины трех оперативников. Бабуля Мозес воззрилась на мостовую. Оперативники тоже воззрились на мостовую. Потом они оторвали глаза от этого незабываемого зрелища и тупо воззрились друг на друга. Тела на мостовой не было. На ней вообще ничего не было. Собралась, конечно, толпа: к тому времени, как они про-

толкались сквозь эту толпу и занялись корпусом экзобиологии, манчжурца и след простыл.

Да, вот именно, неслыханный случай гипноза на большом расстоянии. Все эти махания да улыбания, да разговорчики жестами готовили нашу Бабулю к одномоментной иллюзии. Пока внизу царили хаос и неразбериха, Янг улетел с крыши на бесшумном вертолете. Противник опасный, находчивый и, признаюсь честно, превосходящий меня по классу.

Сколько помнится, мы оставили манчжурского князя и Роуга Уинтера на Тритоне, в куполе Катай, в момент картинной конфронтации на ступеньках подвальной лестницы. Дальше события развивались быстро — и самым отвратительным образом. Трое вооруженных солдат — не в яркой парадной форме, а в зловеще черном — проскользнули мимо Томаса и Роуга, вскинули свои ручные лазеры и молча, хладнокровно срезали всех присутствовавших в подвале. Потом они закинули ампутированную кисть с зажатой в ней горсткой мета в один из контейнеров с жидким гелием (те самые «сундуки», от которых шел пар), повернулись и замерли в ожидании дальнейших приказаний.

Да-мо Юн-гун кивнул, сделал им какой-то знак,

взял Уинтера за руку и вывел его на площадь, где разворачивалась другая, более масштабная бойня. Чернорубашечники князя без разбора перебили всех охранников павильона и всех кули, стараясь, чтобы не ушел никто. Теперь они с привычной, видимо, ловкостью обшаривали трупы; крыша павильона тем временем горела, а любопытные чуть не вываливались из окон, наблюдая необыкновенную сцену из приятной безопасности своих квартир.

Манчжурский князь довольно улыбался.

— Ну что это ты придумал со своей троянской клячей? — добродушно шутил он, крепко держа Уинтера за локоть и направляя его вдоль все так же кишевших народом улиц. Сзади неотступно следовали трое одетых в черное охранников. — Неужели не понятно — есть у меня источники информации в турецких куполах, конечно, есть. Маори обязаны были обучить наследника своего престола искусству шпионажа, а еще лучше — искусству маскировки. Турецкий корабль, перекрашенный в тотемный столб, и ты, перекрашенный в индейского вождя… Фу, стыдно!

Уинтер молчал.

— И все же я крайне обязан тебе, Роуг. Кто же как не ты вывел меня на операции Цзэй-Фэй-Дан

— в переводе это звучит очень поэтично: «Бандитское Содружество Поход и Пропитание». Теперь я смогу покончить с контрабандой мета, и это — в значительной степени — твоя заслуга. Лао-цзя! Пошли через площадь для казней, так будет ближе. Ты видел сегодня утренний спектакль?

— Да.

— Если у меня есть еще хоть какое влияние… Насчет просить у своих ребят помощи, ты, милый, выкинь это из головы. Если у меня есть какое-нибудь влияние, а оно у меня есть, всех вас — и тебя, и этих твоих клоунов — всех вас обслужат примерно таким же образом. Просто не могу допустить, чтобы старого моего друга приговорили к мяо-чжунь тоу.

— К чему?

— Буквально это «прицеливание в голову», но вы, варвары, по созвучию придумали название «мэн-шут»[60] — Янг остановился рядом с железным ящиком, с которого Уинтер зазывал посетителей, и постучал по нему. — Тебя засовывают сюда, наружу торчит одна голова. Лучники стреляют по очереди, пока не забьют тебя насмерть. Зрелище весьма пикантное. — Он повел

[60] Notes: 60
man-shoot (англ.) — стрельба в человека.

Уинтера дальше. — Но тебе, дорогой, я обещаю последнюю услугу. Если не удастся договориться о повешении, и моего друга все-таки сунут в ящик, я поручу хорошему стрелку после первой же крови прошибить тебе голову. Нельзя, чтобы над дважды королем Р-ог'ом измывались целый час. Это было бы lese majeste.

— Благодарю.

— Конечно же, остальную вашу шайку обкарнают на колесе, вместе с шайкой и-Шу, но тут я вмешиваться не собираюсь. Спектакль должен продолжаться — так, кажется, говорят?

— Хлеб и зрелища, — пробормотал образованный синэргист.

— А на Тритоне — гашиш и зрелища, — рассмеялся Янг, проводя своего пленника мимо чуть ли не целого взвода охраны к нефритовому порталу высокой цилиндрической стены, изготовленной ни много ни мало из кованого золота. — А сейчас, старый дружище, ты удостоишься высочайшей чести посетить Алтарь Небес, что даст тебе возможность прийти к полюбовному согласию с Высшим Бытием.

Янг что-то отрывисто скомандовал, и дверь открылась.

— Это все мой красный шарф, — пробормотал

он, потрогав рукой упомянутую регалию. — Творит чудеса.

Внутри золотого цилиндра девять концентрических, белого мрамора террас поднимались к центральной площадке.

— Привезли из Каррары, — пояснил Янг, подталкивая Уинтера вверх. — Каждый круг символизирует одно из девяти небес. Каждый сложен из количества плит, кратного девяти. Верхний круг — девять Следующий вниз — восемнадцать. Затем двадцать семь и так далее до самого нижнего неба, где плит девять в квадрате, и это — любимое число наших сдвинутых философов.

На самом верху блистающего великолепием холма находилась центральная плита.

— А вот это — Шан-ди, рай. Центр Вселенной. Ты не хотел бы, Роуг, навестить рай в плотском обличий? Душа твоя — она и так попадет туда завтра.

Они взошли на Центр Вселенной — и тут же Шан-ди стремительно двинулся вниз. Это было настолько неожиданно, что Уинтер покачнулся, и Янгу пришлось его поддержать.

— Ты и твой насквозь прозрачный троянский конь! — засмеялся манчжурский князь — упоминание троянского коня неизменно вызывало у

него приступ веселья. — Ну можно же быть таким идиотом, вообразить себе, что какое-то мелкое жульничество приведет: тебя на это место?

— Что это за место?

— Официальный вход шахты, где добывают мета.

— Вот же хрен я в такую дурь поверю.

— Увидишь — поверишь.

— И что, для всех? Для рабочих? Для охраны? Что, все они так и шляются туда-сюда через Алтарь Небес?

— Нет, конечно нет. Только Ви-Ай-Пи.[61] Цзяньчан-ди, шахтеры, проходят через боковые стволы шахты, которые разбросаны по всему куполу. Теперь можно и сказать тебе — ведь ты умудрился устроить весь свой шум и беспорядок в какой-то полусотне футов от одного из этих входов.

— Да? А где он?

— Внутри Рая Плотских Наслаждений.

Центр Вселенной летел мимо загадочных дверей, непонятных люков и остановился в конце концов посреди огромного, гулкого, как вокзал, помещения. Формой помещение напоминало колесо, осью которого был лифт. По ободу

---

[61] Notes: 61
Very Important Person (англ.) — особое важное лицо.

располагалось двенадцать арочных проемов с массивными дверями, у каждой — по часовому. Взглянув на Янга, солдаты вытянулись по стойке смирно.

— Цин-бянь — вольно. Снова красный шарф, — добавил он, повернувшись к Уинтеру. — Вызывает полное благоговение — ведь носить такую штуку может только член императорской семьи. Пошли.

— Куда?

— Ты же не прочь посмотреть нашу мета-шахту, верно? Ну так пошли, посмотрим. Не хочется, дорогуша, чтобы, вставая под петлю, ты мучился еще и вопросом, оставшимся без ответа. Это было бы негуманно.

И Да-мо Юн-гун, князь Манчжурии, распахнул тяжелую, обитую железом дверь.

Уинтер невольно вскрикнул. (Парадокс нашего времени — устремляясь в глубины пространства, мы все более и более стесняем свою личную жизнь. Дух наш вожделеет огромности, но — именно «но» — но не необозримого внешнего пространства, а огромного внутреннего. Душа жаждет покорить жизненное пространство — lebensraum — огромных масштабов, именно поэтому так ошеломляют нас гигантские интерье-

ры.) А Уинтер был именно ошеломлен, несмотря на смертельную опасность своего положения. Он находился в хрустальном… нет, в ледяном соборе. Свет, проникающий сквозь распахнутую дверь, терялся в высоте готического свода, с которого сосульками свисали стрельчатые сталактиты. Свод опирался на десятки ледяных колонн, покоящихся на черном базальтовом основании, и всю эту мерзлую неоглядность заполняли недвижные облака тумана.

Томас прикрыл дверь, и стало темно, как в могиле, однако затем, по мере привыкания глаз, во мраке начали проступать тусклые угольки, горящие в толще колонн. Эти мерцающие цепочки чем-то напоминали огни рождественской елки.

— Гранулы мета, — безо всякой, собственно, нужды объяснил Томас. — Кстати сказать, здесь их и открыли двести лет назад. Тогда это был всего лишь узкий туннель. Мы, конечно, знали про туннели в ископаемом льде, узкие кривые норы, где только крысам в пору лазать, но не больно-то ими интересовались. Какой от них толк — разве что туристов водить. А зачем нам туристы? Мы и раньше не любили посетителей.

— Да, слышал.

— Но тут один мальчишка занялся обследова-

нием совсем узкого прохода, в который взрослому и не пролезть бы, и увидел во льду огонек, вроде этих. Он пробил лед деревянным башмаком и вытащил из полости гранулу мета — решил, что это драгоценный камень.

— Вот и я сперва так подумал. Крошечные опалы.

— Ну и, конечно, помчался со своей находкой домой, даже не спрашивая себя — отчего это руку начало жечь, словно раскаленным железом. Так и появилась мета.

— Мальчишку наградили?

— Каким образом? Он умер, медленно сгорел. И вообще — даже приди нам в голову наградить его, мы не знали бы, за что. Ученым потребовались годы, чтобы разобраться, какое сокровище нашел этот сорванец.

— Так что глупый ребенок подросту медленно сгорел…

— Когда мета начинает преобразовывать энергию, остановить процесс невозможно.

— Разве что посредством ампутации.

— Вот именно.

— Жалко мне что-то этого мальчишку.

— Беда с вами, внутренними варварами. Всегда страдаете из-за какой-нибудь ерунды.

— Где уж нам до вас, избранных обитателей Поднебесной. А почему вы не подберете эти, которые тут светятся?

— Своду нужна опора. Нагрузка просто чудовищная, даже при нашей низкой гравитации… иногда начинает превосходить предел прочности. Тогда окаменелая лава вспучивается и перекрывает проходы, а заодно появляется дурацкая такая опасность, которую мы называем «стреляющий лед». Из столбов начинают вылетать осколки, прямо как пули. На этом мы теряем очень много рабочих.

— А, вон как, — пробормотал Роуг и снова погрузился в молчание, настолько зараженное электричеством, что Томас Янг мгновенно это почувствовал. Он развернул Уинтера и попытался прочитать что-нибудь на освещенном призрачным сиянием лице.

— Погоди, погоди, — медленно произнес он. — Похоже, Роуг, я улавливаю твои вайбы.[62]

— Какие вайбы?

— Что там такое? Возможно, еще один способ контрабанды?

— Пожалуй. Если в горсти можно вынести фунт,

---

[62] Notes: 62

vibs, сокращение от vibrations (англ.) — вибрации; у нас в таких случаях говорят о биополе.

так сколько же можно в жмурике? А всего-то и надо, что симулировать несчастный случай, вспороть мужику брюхо, нагрузить его и вынести несчастную жертву, стеная и обливаясь слезами.

— Убийство?

— Вы, джинки, любите убивать для забавы, почему бы не убивать ради приличного дохода?

— И вот таким, значит, образом они выносят крупные партии… Ну конечно, свечение появляется только через несколько часов! Откуда охране знать, что в труп запаковано сорок, а то и пятьдесят фунтов мета? Понятное дело — профессионалы. Все эти штучки с ампутацией сугубо для одиночек, захотевших поживиться, а вот систематические убийства — работа серьезная. Ну и кого же, думаешь, они используют на упаковочный материал?

— Да любого, чья морда не понравилась. Горлопана и скандалиста. Женщину, которая кому-нибудь не далась. Любого, кто слишком уж дружен с вашими стукачами. Любителя пожрать за чужой счет. Хвастуна. Пижона, считающего себя умнее окружающих…

— Это все твоя мафия придумала и организовала?

— Возможно, точно я не знаю. Я, конечно,

король, но это еще не значит, что мне все рассказывают.

— Как бы там ни было, Роуг, это — еще одно очко в твою пользу.

— Благодарю.

— Очень жаль, что тебя придется прикончить, — вздохнул Янг. — Твоя синэргия была бы мне очень кстати. Ну как, насмотрелся?

— Это ведь не может быть вся рудная жила.

— Господи, конечно же нет! В темноте ничего не видно, но она тянется на многие мили. Тут просто старый заброшенный участок, который мы показываем высокопоставленным визитерам. Настоящие разработки — уйма лав, штреков, шлюзовых камер, шахтных стволов, и там не такое вот спокойствие, а все кишит работягами и забито криогенным оборудованием. — Томас снова вздохнул. — Ладно, дорогуша, пошли. Надо кончать эту хрень с твоим судом и казнью. Уговаривать тебя переметнуться к нам — пустое занятие. Я и так знаю, что твое упрямство раньше тебя родилось.

Все это время Янг ни на секунду не отпускал локтя своего старого друга. Теперь он подвел Роуга к двери и постучал в нее каким-то хитрым стуком. Они вернулись в залитый ослепитель-

ным светом зал как раз в тот самый момент, когда бригада кули затаскивала через другую дверь последний из двадцати огромных ящиков. Никаких надписей на ящиках не было — только ярко-красные, сделанные по трафарету изображения звезды и полумесяца.

— А, — весело улыбнулся Янг. — Заключительный и такой приятный штрих. Ты попал сюда как раз вовремя, можешь полюбоваться на посылочку от наших турецких друзей. Ахмет Труйдж — мой любимый партнер. Он никогда не запаздывает с оплатой, его контейнеры никогда не надо перевешивать, все тютелька в тютельку, и товар у него самого высшего качества. Ну как, уважаемый Роуг, мне кажется, есть маза забить косячок, из соображений анестезии перед неизбежно предстоящей вам малоприятной процедурой. А может, лучше уж вмазать, круче возьмет?

Однако, как только горящие приятным предвкушением охранники и кули вскрыли ящики, из каждого выскочил вооруженный маорийский боевик, и на долгую, как в ночном кошмаре, минуту гулкий зал заполнился грохотом, звоном, предсмертными криками. Теперь уже Уинтер крепко держал манчжурского князя за локоть.

— Ну, дорогуша Том, теперь ты понял, что такое

троянский конь? — ласково улыбнулся он, отводя потрясенного Янга подальше, чтобы того не зацепил ненароком один из мелькавших в воздухе Потрошильных ножей и не забрызгала обильно льющаяся кровь. — Я очень надеялся на рандеву с нашими коммандос, но не имел полной уверенности, что удастся его организовать. Должен по всей справедливости записать очков твою пользу — ты предельно облегчил задачу.

К ним приближался командир маорийских коммандос Чинча, массивный как шкаф — как шкаф, густо измазанный кровью.

— Так что, берем шахту? — спросил он. — Опаро и солдаты ждут только твоего слова.

— Как это берете? Нашу шахту? — ошеломленно выдохнул Да-мо и тут же взял себя в руки. — Нет, вы сошли с ума. Вы все сошли с ума. Прекращай эти штучки, Роуг, и сдавайся. Я проявлю милосердие.

Чинча ткнул острым концом Потрошильного ножа в горло Янга — безо всякого милосердия.

— Нас тут сотня, — презрительно бросил он, — и это больше, чем тысяча любых ваших солдат. Мы возьмем шахту.

— Никогда!

— Ну а потом будем разговаривать на наших

условиях.

— Никогда!

По горлу Да-мо Юн-гуна скатилась капля крови, однако манчжурский князь, отдадим ему должное, не дрогнул.

— На наших условиях, — повторил Чинча, — иначе мы превратим Тритон в небольшую такую звездочку с помощью мета. Так приказал король Р-ог.

— У тебя что, Роуг, крыша поехала прямо с карнизом? — закричал Янг. — Ты приказал устроить конец света, Gotterdammerung? Для всех, и для вас и для нас?

— Я приказал устроить большой погром, — пожал плечами Уинтер, — и наша маорийская мафия готова действовать до самого упора. Но только мы обойдемся без этого, — добавил он, повернувшись к Чинче.

Вожак коммандос кинул на своего короля жесткий, полный подозрения взгляд.

— Во всяком случае, сегодня, — нехорошо ухмыльнувшись, добавил Уинтер. — К нам на руку весьма любезно пришел самый старший козырь тритонской колоды. Манчжурский князь смерти — это ведь поглавнее, чем Король шахт или Туз энергии. Он в нашем распоряжении, и с его по-

мощью мы сорвем все ставки. Вы получите свою мета, а я — свою девушку.

— Ни в чьем я не распоряжении, дебил ты несчастный!

— Нет? Тащи его, вождь. Мы выйдем через Центр Вселенной, как важные посетители, а потом соединимся с Опаро.

— Тебе никогда не вывезти меня с Тритона.

— Нет? Разрешите, пожалуйста, позаимствовать ваш императорский шарфик. Он послужит пропуском для меня и моих ребят.

— Идиот, — фыркнул Янг. — Ведь я — Да-мо Юн-гун. Меня узнают и с шарфом, и без него.

— Узнают, думаешь?

— Одно мое слово у главных ворот, и тебя колесуют за компанию со всей твоей сотней. Кончай петушиться, Роуг, у тебя нет ни единого шанса. Я обещал, что буду милосерден, и сдержу свое слово.

— Так что, — нетерпеливо спросил Чинча, — берем шахту?

— Нет, берем князя.

КОСА НА КАМЕНЬ

Встретив противника, ведите себя вежливо и благородно. Пусть ваша отвага не только остротой, но и блестящей изысканностью напоминает ваш клинок.

Ричард Бринсли Шеридан

Ну и зачем, спрашивается, Князь смерти кипятился и волновался? Препроводили его через главный шлюз Катая — а затем и с Тритона на Землю — без сучка и задоринки, даже говорить не о чем. Янг, собственно, и не мог ни о чем говорить, его накачали ГАБК (гамма-аминобутридная кислота из служебного арсенала Барбары), которая даже ганимедского мамонта сделала бы мягким и податливым, как тесто. Кроме того, всесильного Да-мо обмотали тряпками с ног до головы и заставили исполнять роль египетской мумии (мумия-змея, помните?). Не видать и не слыхать — так, собственно, и должен вести себя каждый порядочный Князь смерти.

Однако вся эта порядочность враз куда-то улетучилась на борту ракеты, когда его размотали; ГАБК действует четыре-пять часов, а затем все

временно заглушенные страсти возвращаются с удвоенной силой. Обычно в космосе можно насладиться тишиной, но на этот раз Янг развлекал экипаж и пассажиров корабля чем-то вроде концерта для ударных инструментов — даже не верилось, что это всего лишь соло, — яростно барабаня ногами по стенкам своей каюты.

— Ботинки надо было снять, — печально вздохнул Роуг.

— Ты бы охладил его как-нибудь, — посоветовала Барб, — неровен час, головой биться начнет. Нужно, чтобы он остался более-менее compos mentis,[63] а то какие же это получатся переговоры?

Уинтер удрученно кивнул. За всю свою жизнь он еще не сталкивался со столь деликатной и потенциально взрывчатой структурой. Ну какими ласками, сказками или угрозами можно вынудить уступки у столь неприступного противника, который безразличен к любым физическим пыткам, у грозного противника, распоряжавшегося бессчетными жизнями и смертями в течение трех четвертей века?

— Вот и смейся после этого над несокрушимы-

---

[63] Notes: 63
В своем уме (лат.).

ми объектами, — пробормотал синэргист. — А к тому же я — никакая не непреодолимая сила.

Роуг точно знал, какие уступки хочет он получить от манчжурского князя: совершенно железную, гарантированную сделку по мета для маорийской мафии — это обещано Опаро за его помощь — и возвращение в целости и сохранности титанианской девицы — в этом он поклялся сам перед собой. Оставалось немного, совсем пустяк: найти способ синэргизировать оные уступки из заложника, который и думать не желает ни о чем кроме возвращения к своему поднебесному статус кво — ну да разве еще о поучительном, страх наводящем наказании вконец обнаглевших внутренних варваров.

— Самое время прибегнуть к Двенадцатой Заповеди, — пробормотал Роуг про себя, открывая люк. — Знать бы только, что это за хрень такая — Двенадцатая Заповедь.

— С добрым утром, с добрым утром, с добрым утром, мистер Янг, — пропел Уинтер, вплывая в каюту. — Добро пожаловать, добро пожаловать, мы рады приветствовать вас на борту нашего корабля. Моя фамилия Уинтер — меня еще называют Красавчик Уинтер — я распорядитель этого круиза, и я счастлив своей обязанностью превра-

тить вашу экскурсию в полную счастья поездку на полном счастья корабле. А сейчас я должен пригласить вас в кают-компанию, во время ленча намечен конкурс красоты, мы хотели бы видеть вас судьей. Участвуют десять прелестнейших прелестниц, и те, которые получили одинаковое число баллов, вознаграждают судью — ха-ха. Кроме того, в программе чемпионат по настольному теннису, dansant[64] и…

Янг зарычал.

— Что, Том, ноги болят?

Янг зарычал.

— Неужели не смешно?

— Ничуть.

— Ну не знаю, я старался… Команда доложила, что ты не очень доволен.

— Не то слово.

— Что, совсем тебя достали?

— Чуть поближе.

— Яростью кипишь?

— На две тысячи градусов.

— Даешь себе клятвы превратить мою жизнь и жизни моих близких в нескончаемые муки?

— Догадливый ты.

---

[64] Notes: 64
Танцы за чаем (фр.).

— А как, интересно бы узнать, представляешь ты себе эти муки? Затоптать нас до смерти собственными своими ножками?

— Много чести.

— Петля?

— Слишком быстро.

— Колесо?

— Тоже недостаточно медленно.

— Мэн-шут?

— Слишком необратимо.

— Ну уж не знаю, что тебе и предложить.

— А у вас, маорийских варваров, своих идей вообще не бывает?

— Вот это. Том, очень интересный момент. Мы возвратились к практике, слишком, наверное, примитивной с точки зрения вас, поднебесных. Не интересуют нас убийства со всякими загогулинами и прибамбасами. Мы теперь играем в «убей быстрей», да ты и сам наблюдал это в шахте. Чик-чик — и до свидания.

— Почему же вы не убили меня?

— А кто вообще говорил насчет убить тебя?

— К чему тогда это похищение?

— Подумай сам. Том, разве смогли бы мы смыться с Тритона без твоей помощи?

— Помощь? Когда вы запеленали меня, как му-

мию!.. Жаль, я захлебываюсь желчью, а то охотно посмеялся бы.

— Чьей, Том — твоей или нашей?

— И той, и другой.

— Так ведь наша желчь — следствие твоей. Этакая, понимаешь, симпатическая магия. А нашу удачу облегчил твой шарф. Вот он, кстати, с благодарностью возвращаю. Моя головорезочка с очевидным удовольствием постирала его и погладила. Похоже, Том, девочка переходит к тебе по наследству от Ахмета Труйджа. Поздравляю, но только ты поглядывай все-таки, что она там делает со своими ракушками. Неровен час…

— Ха. Ха. Ха.

— Никак это твоя желчь смеется?

— Слушай, Роуг, какого черта тебе надо?

— Будто сам не знаешь.

— Хотелось бы услышать от тебя.

— Да ничего особенного. Том, только, чтобы мы были друзьями. Совместное сообщество «Поход и пропитание».

— Кто такие «мы»?

— Маори и джинки.

— А что такое в твоем представлении эта «совместность»?

— О, это святое понятие, воспетое в песнях и

легендах… Единение. То, что отличает мирную семейную жизнь от развода.

— Кончай треп?

— Говорим напрямую?

— Да когда ты умел говорить напрямую?

— Ну тогда — разумно.

— Попробуй.

— Нам нужно партнерство в мета.

— Что?

— Я говорю от имени маори, а остальная Солнечная — шла бы она на фиг, выживайте их, как вам заблагорассудится, но только не нас. Мы хотим получить партнерство. Мы работаем вместе с вами, причем начальники. Том, вы. Мы получаем нужное нам количество мета на честной основе, себестоимость плюс разумная наценка, и всю бухгалтерию ведете вы, мы вам верим. Все четко, определенно, по-деловому.

— Никогда.

— Ты сначала послушай. Ну какую мы занимаем часть вашего рынка? Меньше одного процента, и это все, что вы теряете. А что вы получаете взамен? В десять раз больше, ведь мы покончим с контрабандой, это будет вам огромная экономия. Повторяю, Том, такая сделка выгодна и маори, и джинкам.

— Никогда.

— Господи, с вами, непостижимыми поднебесными, просто невозможно разговаривать, вы ведете себя, словно и не люди, а какая другая порода. Ну почему — никогда? Да еще дважды.

— Потому, что ты уже показал мне, как покончить с контрабандой.

— Ми-лай, да мафия всегда сообразит что-нибудь новенькое!

— Кроме того, твоя долбаная мафия все равно будет нас обдирать.

— Каким образом?

— Мы поставим мета по себестоимости плюс наценки, а они втихую перепродадут все на сторону и с каким, ты думаешь, наваром?

— Верно. Ты совершенно справедливо отметил этот момент. Однако выход есть. Пускай тогда не мафия присоединится к вам, а ты присоединишься к мафии — будете тихо, благородно приворовывать вместе.

— Ты совсем спятил!

— А почему нет? Это будет для тебя еще одна вспомогательная роль. Одесса Партридж — она, кстати, просила передать, что буквально благоговеет перед тобой — подробно описывала всю эту историю с Сохо Янгом и его липовой агентурной

сетью. А так ты будешь руководить сетью мафии и преспокойненько класть в карман свою долю.

— А я, значит, должен поверить, что ты отказываешься от своей?

— От какой — своей? Мне и маорийского дважды королевства по это самое место хватает, а к контрабандным играм я вообще не хочу иметь никакого отношения. Бери все, отдаю с превеликой радостью.

— Я могу получить все это и без твоей помощи,

— Пока ты мой гость — вряд ли.

— Так что, мое освобождение тоже входит в состав сделки?

— Naturlich.

— А что еще?

— Возвращение моей девушки.

— Твоей девушки?

— Моей титанианки. Ты хотел обследовать ее, помнишь?

— У нас ее нет.

— Да, но только моя интуиция подсказывает, что твои агенты знают, где она, и могут с ней связаться. Ведь верно? Только не крути со мной. Том, и у тебя, и у меня слишком много стоит на кону.

— Ну а какой тебе толк, если я скажу?

— Узнав, где она, я сумею заставить ее вернуть-

ся. Ведь тебе известно, куда она забилась, точно?

— Да, и это — мой козырь.

— Возможно. Вполне возможно. Но только займемся лучше делом.

— Нет.

— Что тебя не устраивает? Сделка по мета? Твое освобождение? Возвращение девушки?

— Меня не устраивает какое бы то ни было сотрудничество с тобой. Ну и какой же картой пойдешь ты теперь? Пригрозишь смертью?

— Ни в коем случае, Том. Ты нужен мне не меньше, чем я тебе.

— Пытка?

— Не исключено.

— А тебе Одесса Партридж не рассказывала, случаем, как меня раз поймали ганимедские зулусы — я был тогда совсем в другой роли. Принялись меня поджаривать, как это принято у них в джунглях. Хотели получить информацию… Ничего они не получили.

— Верю, Том, охотно верю.

— Не придумали еще пытку, которая меня сломает, — а ведь я бывал в руках очень больших специалистов по этой части.

— Да, Том, ты — серьезная задачка. Даже увлекательная.

— И меня совершенно не интересует, что ты там хочешь получить, меня интересует только, чего хочу я сам.

— А что ты хочешь. Том? Какую цену?

— В вашем куполе встречаются камины?

— У нас с тобой деловой разговор или светский треп?

— Так встречаются?

— Только в королевском дворце и у племенных вождей — у Опаро, Чинчи и прочих. Символ статуса, не более.

— А перед каждым из них — шкура белого медведя, с головой. Так это у вас?

— Мамонтовая. Малопривлекательная штука…

— У меня камин из дельфтских изразцов. Так вот, я хочу каминный коврик из твоей шкуры вместе с головой. И чтобы сперва тебя ободрали заживо, как можно медленнее, и только потом отрубили голову.

— А я тем временем вопил бы в ей бемоль миноре? Слушай, Том, у меня появляется странное подозрение, что ты меня не любишь.

— Можно сделать еще лучше. Что там вколола мне эта баба из Gardai?

— Какое-то производное гамма-аминобутридной кислоты, разведка обожает эту гадость. От

нее гремучая змея становится такой дружелюбной, что готова прислуживать за столом.

— Так вот, лучше я накачаю тебе этой вашей ГАБК и использую на каминный коврик твою шкуру прямо с потрохами. Живьем.

— Странно, Том, я всегда считал тебя практичным человеком. Ну сколько, спрашивается, времени смогу я пролежать под твоими копытами? Меня же нужно будет кормить и выводить иногда в туалет.

— Ни в коем разе. Когда обосрешься, твои маорийские свиньи все сожрут и начисто подлижут, ну а ты будешь глодать их сырое мясо.

— Ну ты даешь! Это ведь ужасно расточительно, так я проем весь основной капитал. Слушай, Том, не откажи в небольшой услуге, скорми мне первой малолетнюю прачку. Я уже раз пробовал ее попочку. Я покажу тебе, которая эта девица — сексуальная такая, танец живота у нас исполняла. Не будь ты педрила, сам бы ее заметил.

— Замолчи, Роуг!

— Что ты так взвился? Это же никакой не секрет, я давно все знаю. Изо всех известных мне пассивных ты, пожалуй, наиболее привлекателен, но

— увы! «О пидоры, вам имя — вероломство»,[65] да простит меня Уильям Шекспир. А тебе не кажется, что Гамлет тоже был голубым? Такая странная ненависть к больной мамаше…

— Клянусь, я тебя…

— А теперь еще и компьютеры стали полуорганическими… этот самый механизм с кафедры экзобиологии, с которым у тебя преступная связь, он что, отсасывает?

— Сволочь ты проклятая!

— Ну ясно — отсасывает. Совершенно уникальное ощущение, верно? Теперь, когда научились напрямую связываться с квазибиологическими компьютерами — я, например, иногда подозреваю, что мой арифмометр человечнее меня — теперь можно и любовь с ними крутить. Можно достигать единения даже по радио, телефону или телеграфу. Вот твоя железяка, она звонит тебе на Тритон?

— Клянусь, ты будешь умирать бесконечно долго и бесконечно мучительно!

— Да неужели, тетенька? И весьма вам благодарен, у меня появились интересные идеи относительно природы предстоящих вам пыток.

---

[65] Notes: 65

«Гамлет», акт 1, сцена вторая; там: «О женщины, вам имя — вероломство!».

Неожиданно Уинтер скинул шутовскую маску, его лицо стало ледяным.

— Ну так что, манчжурец, договоримся про мета? Я последний раз спрашиваю.

— Нет.

— Ты скажешь мне, где девушка?

— Нет.

— Сколько там поджаривали тебя эти зулу?

— Неделю.

— И ты не сломался?

— Нет.

— Ну а мне недели хватит вполне. Ты сломаешься, а я тебя даже пальцем не трону.

BALLADE DE PENDU[66]

В которой предельное унижение весьма опасного Противника приводит к тому, что два любящих сердца начинают искать друг друга в паутине тайных для непосвященного сплетен и пересудов Достопочтеннейшего Сообщества Компьютеров.

Автор

Нью-йоркский зверинец
представляет
ВОДЕВИЛЬ В ВОЛЬЕРЕ

исполнители:
Горилл героический
Шимпанзе шизофренический
Петух патетический
Гиппопотам гипотетический
Слон слюнявый

---

[66] Notes: 66
Обыгрывается название стихотворения Ф.Вийона «Ballade des Pendus» — «Баллада повешенных». Название главы обозначает, соответственно, «Баллада повешенного», а точнее — учитывая контекст — «Баллада подвешенного».

Гну гунявый
Опоссум оптимист
Филин филуменист
Выхухоль выпендрист
Лемур лицемер
Мамонт мямля
Соня соня

звуковое сопровождение
ХОР МОРЖОВЫЙ

в главной роли
ДРЕССИРОВЩИК,
ДЬЯВОЛ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОБЛИКЕ

постановка под руководством
Найдж Энглунд

Постановщики и работники театра являются членами компании «Солнечная лига эко-театров инкорпорейтид»
Вход свободный
(Взрослые допускаются исключительно в сопровождении детей)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ: Некоторые несознательные личности оскорбляют чувства зрителей, а также подвергают опасности свою и других безопасность, пользуясь огнем

для раскуривания косяков, кальянов и прочих курительных принадлежностей в местах, специально для того не отведенных во время представления, а также во время антрактов. Такие попытки словить неуместный и несвоевременный кайф противоречат городским установлениям и наказываются в соответствии с существующим законодательством.

Этот грязный, подлый дрессировщик, вооруженный огненным хлыстом. (Свист. Крики «ДОЛОЙ ЕГО!») зверскими пытками принуждает милых, беззащитных животных («У-УУ! А-АА!») прыгать сквозь пылающие обручи, жонглировать раскаленными кирпичами, ездить на велосипедах, которые бьют их молниями электрических разрядов. («У-УУ! ДОЛОЙ!») Героический горилл восстает против невыносимого рабства («МОЛОТОК!»), к нему присоединяются и другие животные. (Хор моржовый: «Звери всех стран, соединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своих цепей!») («УР-РА!») Они побеждают злобного дрессировщика (Радостный смех. «ТАК ЕМУ И НАДО!») и тем же самым хлыстом заставляют его исполнять те же самые унизительные номера. (АПЛОДИСМЕНТЫ! ОБЩИЙ ЭКСТАЗ!) Занавес упал, рабочие начали готовить декорации, бута-

форию и больших — в натуральную величину — марионеток к следующему спектаклю. Марионеток всех, кроме одной — куклу дрессировщика отвели на веревочках за кулисы, в одну из артистических уборных, где сидели Найджел Энглунд, ветеринар-альбиноска, ставшая с недавнего времени директором зверинца, и Роуг Уинтер.

— Вот сегодня утром ты. Том, молодцом, — сказал Уинтер, наблюдая, как Найджел удаляет из гипногенных точек тела марионетки акупунктурные иглы и снимает веревочки. — Лучше, чем вчера вечером. Гораздо лучше. Сейчас ты действительно входишь в роль. Я насчитал сорок взрывов смеха и десять криков возмущения.

Да-мо Юн-гун, главный мандарин джинков, а по совместительству манчжурский князь жизни и смерти беспомощно зарычал.

— Ты был просто великолепен. Том. Детишкам очень нравится тебя ненавидеть. Ты бы только послушал Найдж, по ее словам в этом зоопарке никогда не было лучшего аттракциона.

— Если… бы… я… только… мог…

— Ну, ну. Том! Не нужно этих вспышек артистического темперамента. И чтобы никакой отсебятины. Тебя акупунктурно запрограммировали на участие во вполне определенном, также

программированном представлении, потому будь добр придерживаться сценария.

— Мы не можем тянуть это бесконечно, Роуг, — предостерегла Найджел. — Даже с учетом отдыха между представлениями он постепенно лишится всех жизненных сил и превратится в растение.

— Чтобы разбить его amor propre, мне потребуется не больше недели. Дольше, Найдж, его тщеславие не выдержит. Пидор он и есть пидор.

в главной роли
ДРЕССИРОВЩИК,
ДЬЯВОЛ В РЫЧАЩЕМ ОБЛИКЕ

— А сегодня, Том, ты был просто великолепен. Этот крик боли, когда Героический Горилл запихивал тебе в задницу раскаленный кирпич… Я даже испугался, что сейчас потолок рухнет, так детишки хлопали в ладошки и смеялись.

Да-мо Юн-гун, главный джинковый мандарин и манчжурский князь жизни и смерти беспомощно скрипнул зубами.

— Да, в курсе я, в курсе, сценарий все время переделывается. Но ты. Том, должен понять — великие сценарии не пишутся сразу, их пишут и переписывают.

в главной роли
ДРЕССИРОВЩИК,
ДЬЯВОЛ В СКРЕЖЕЩУЩЕМ ЗУБАМИ ОБЛИКЕ

— Даже не знаю, Том, работает ли этот эпизод, когда Выпендрист закидывает тебе в рот сардинки — вознаграждает за удачно перепрыгнутые обручи. Тут нужно еще думать и думать. И я категорически против того, чтобы Слюнявый заваливал тебя экскрементами. Дурной вкус, чистейшая дешевка. Это нужно убрать, хотя, с другой стороны, дети были просто в восторге.

Но ты, дорогуша, не беспокойся. Найдж Энглунд назначила на завтра совещание по сценарию, мы обязательно что-нибудь придумаем. Самим мозгов не хватит — вызовем пару ребят из Калифорнии, профессионально пишущих конферанс. У тебя самого нет никаких предложений? С кем бы тебе хотелось работать?

Да-мо Юн-гун, мандарин и манчжурский князь беспомощно застонал.

в главной роли
ДРЕССИРОВЩИК,
ДЬЯВОЛ В СТЕНАЮЩЕМ ОБЛИКЕ

— Новости, Том, закачаешься! Шапки на первых страницах! Ты стал культовой фигурой. По всей Солнечной дети организуют клубы поклонников Дристировщика. Они носят значки с твоей фотографией — ну, этот знаменитый снимок, где Героический Горилл засовывает тебе в задницу кирпич. Твои фэны ходят с красными хлыстами и переименовали — не очень, по-моему, удачно — «ливайс» в «дьяволайс». Ну а самое главное — многие взрослые узнают твое лицо и приходят сюда. Хотят выяснить, чего это ради знаменитый экзобиолог валяет такого дурака. И твои друзья-джинки, они тоже приходят. На Тритоне просто не могут поверить, что их небесный мандарин выступает, словно какой-нибудь дебильный жлоб, в цирковом представлении — вот они и хотят убедиться собственными глазами. И убеждаются. Ты, дорогуша, стал знаменитостью. Нужно будет запрограммировать тебя на подписывание автографов.

Да-мо Юн-гун, мандарин и князь, беспомощно всхлипывал.

в главной роли
ДРЕССИРОВЩИК,
ДЬЯВОЛ

В СЛОВАМИ НЕПЕРЕДАВАЕМОМ ОБЛИКЕ

— А теперь, леди и джентльмены, все люди, народы и — *ха-ха* — племянники. ЭсБиСи-ТиВи в кривом — *ха-ха* — эфире донесет до каждой дыры и щели — *ха-ха, сечете?* — Солнечной самого дикого и великого, балдежного и невозможного клоуна за всю историю варьете в первом представлении новейшего и наглейшего, злобного и утробного, вульгарного и кошмарного сериала. Перед вами выступит человек, которого приятно ненавидеть — *ДРЕССИРОВЩИК В ДРИСТАЛИЩЕ-ШОУ!*

— Мистер Янг, до начала пять минут. На сцену, пожалуйста.

— Ну, Том, все на мази. Уж сегодня мы тебя так запрограммировали — народ будет в полном отпаде. Ты и твой Тритон — завтра вся Солнечная ни о чем больше говорить не будет. Подумать только, я смогу похвастаться, что знал тебя еще простым, незаметным князем смерти. Вот так оно и бывает. Ну, давай. Удачи. Тьфу, чего это я. Чтоб тебе пусто было…

— Ком… Пу… Терр… — прохрипел манчжурец.

— Что, дорогуша?

— Ком… Пу… Терр… Зна… Ет.

— Компьютер знает?

— Д-д-ы…

— Что знает компьютер? И побыстрее, Том, через три минуты тебе на сцену.

— Хгде… Т-тая… Девшк…

— Где моя девушка? Где находится моя девушка? Компьютер знает, куда запряталась моя титанианка? Где она нашла место, до которого не могут добраться твои солдаты?

— Д-д…

— Какой компьютер? Где он?

— …

— Брось, Том, не надо играть со мной в такие игры. В Солнечной миллионы этих железяк. Какой конкретный компьютер знает, где моя Деми?

— …

— Бросай это, погань несчастная! Конец тебе, понимаешь? Давай все открытым текстом, не виляя. Какой компьютер и где?

— …

— Бесполезно, Роуг, — тронула его руку Найджел. — Он не может. Он полностью выдохся… превратился в самую настоящую куклу. Одному Богу известно, придет ли он в себя и сколько потребуется для этого времени.

— Да. А может, запустить его в это шоу? Теперь ему уже все равно. Могу поздравить этого сукина сына — целых шесть дней продержался. Но и себя могу поздравить — я и вправду сломал его, не тронув даже и пальцем… только вот остался в результате ни с чем, благодаря излишнему количеству сена.

— Что?

— Иголка в стогу, Найдж. Сперва нужно найти этот чертов компьютер, да и тогда еще не факт, что он скажет мне правду.

— Компьютеры не лгут.

— Они ведь наполовину живые, верно? А ты назови мне хоть одну живую тварь, которая бы не врала — тем или иным способом.

— Если она так запрограммирована.

— А кто поручится, что этот манчжурский хмырь не запрограммировал машину, знающую, где сидит Деми, именно так? Очень просто — говори правду только после ввода ключевого слова.

— Да, непросто.

— И найти ее тоже будет непросто, даже если железяка скажет мне, где искать.

— А почему ты так решил?

— Обыденный здравый смысл, Найдж. Если наш драгоценный князь Смерти может сказать

своим солдатам, где искать Деми, и они все равно не могут ее сцапать, значит до нее абсолютно невозможно добраться. У меня в estomac'е[67] распускается tsibeles.[68] Ой вей, мейдл!

Будто перед глазами стоит эта дурацкая фантазия, как Роуг и Деми бродят по нью-йоркским улицам, разыскивая друг друга. Шансы встретиться у них один к сикстильону — когда он ищет в центре города, она отправляется на окраину, когда она поворачивает на восток — он идет на запад.

Но в этом моем дурацком мысленном спектакле они по случайности одновременно подходят к одному и тому же углу с разных сторон и, вроде бы, обязаны встретиться, несмотря на всю невероятность подобного события. Только в тот же самый момент на тротуар, на самом углу, опускается огромная театральная вывеска, для замены электрических лампочек. Роуг огибает вывеску снаружи, Деми проскальзывает внутри, они расходятся, так и не заметив друг друга. На вывеске горит название пьесы:

---

[67] Notes: 67
estomac (фр.) — желудок.

[68] Notes: 68
Лук (идиш).

«СУДЬБА ИГРАЕТ В БИРЮЛЬКИ».

Как ни странно, эта сценка основана на реальных событиях, описанных мне Роугом и Деми — они разыскивали друг друга через сеть, связывающую Достопочтенное Общество Компьютеров — лабиринт, значительно более запутанный, чем улицы любого города.

Компьютерная технология пошла весьма неожиданным путем — она, можно сказать, обратила протезирование, компенсацию дефектов тела посредством добавления механических органов. Инженеры обнаружили, что добавление к компьютеру органических частей превращает его из сверхскоростного арифмометра в некую квазиживую сущность. Однако никем неожиданный побочный эффект преобразовал эти железяки в компанию страстных, убежденных сплетников.

Деми Жеру вела поиски Уинтера изнутри этой сети. Можете посмотреть, как сквозь тарабарскую трепотню компьютеров проглядывает их полуодушевленность.

!PRINT «ALL POINTS BULLETIN = APB»
APB!PRINT «ROGUE WINTER = ROG»
ROG!PRINT «R-OG UINTA — ROGUE WINTER =

ROG»

ROG!PRINT «TERRA = T»

T!PRINT «GANYMEDE = G»

G!PRINT «TRITON = TT»

TT

READY!

APB ROG TGTT

T?T?

900 REM ***SEARCH GENERATOR***

100 °CLS 1010 INPUT «COMPUTERS(C)»; A$ 1020 INPUT «ANALOG DIGITAL (A,D)»; # 103 °CLS: IF A$ = «A» OR A$ = «D» THEN # = INFORM 1040 IF # = «A» INFORM 1050 IF # = «D» INFORM

1060 PRINT APB LOCATION ROG

NO SIGNIFIES «NUMBER»

0 SIGNIFIES «ZERO»

0 IS A NUMBER NO = R-OG UINTA NO = ROGUE WINTER 0 = NO R-OG UINTA 0 = NO ROGUE WINTER

107 °СПАСИБОЧКИ ТЫ Z = ZANUDA!! REM ***MAINPROGRAM-ROG CAPTURE***!! GOSUB 1000 ROGUE WINTER

20 GOSUB 2000 R-OG UINTA 30 ROG = «RANDOM = R»

40 ROG APB = «R»

50 GOSUB TERRA «T»; GOSUB GANYMEDE «G»

60 IF ROG = «T» THEN APB «T»

70 GOSUB APB ROG TGTT JUST IN CASE 80 IF NO = 0 0 = NO ROGUR WINTER THEN WHERE?
ИЩУ ТЕБЯ, ГЛУПАЯ, И САМА ТЫ 1070

В то же самое время Уинтер работал снаружи, пытаясь выжать из сети какую-нибудь информацию относительно места, куда спряталась Деми, и совершенно не осознавал, что эта сеть привыкла хранить собственные свои секреты. Он подверг допросу десятки и сотни машин, разговаривая с ними на компайлере, ассемблере и на машинных языках. Вот некоторые из полученных им ответов:

00101101110001011001010110001111

и

' ' ' ' ' ' '

— - — -

и

.....

...

Последний ответ переводится следующим образом: «Случайной величиной в пространстве выборки, обладающем допустимой системой событий и вероятностной мерой, называется функция, сопоставляющая каждому событию из допустимой системы действительное число».

— Спасибочки, — прорычал Роуг.

— Поле — это коммутативное кольцо с делением, — попытался обнадежить его компьютер.

И еще одно обстоятельство, доводившее Уинтера до белого каления. Ему, профессиональному полиглоту, приходилось читать буквари этих языков, чтобы привыкнуть к до мелочей дотошной лингвистике компьютеров. Получалось нечто вроде беседы Алисы с Белым Рыцарем.

Имя вашего поиска называется «Иголка в стоге сена».

Верно. Это и есть мой поиск.

Неверно. Так называется его имя. Само имя будет «Выходи, выходи, где б ты ни была».

Верно. Так и называется мой поиск.

Неверно. Ваш поиск называется «Спроси у компьютеров», но он только называется так.

Ну а что тогда такое мой поиск пропавшей девушки?

Вот к этому мы как раз и подходим. В действительности ваш поиск это «АРВ Деми Жеру». А теперь слушайте внимательно. Компьютерам необходимы четыре лексических объекта: название имени поиска, имя поиска, название поиска и сам поиск. Понятно?

C'est la mer a boire.

Что?

Это просто невозможно. Все равно что выпить море.

Теперь, Одесса, когда вам все известно, когда вы знаете, в каком таком недоступном месте я пряталась, вы легко поймете, откуда я знала все сказанное и сделанное Роугом после того, как он, злой и обессиленный, вернулся домой, в свою ротонду Beaux Arts.

Ну да, подглядывала я, подглядывала, каюсь, но ведь у влюбленной девушки есть свои, особые права. Кто это сказал, что «На войне и в любви позволено все»? Вроде, какой-то поэт по имени Френсис. Только не Френсис Скотт Ки,[69] скорее уж Френсис Смедли, хозяин расположенного рядом с мэримонтским общежитием «Звездно-полосатого сода-солярия (одиноким вход воспрещен)».

Роуг забрал у Найдж Энглунд мою пси-кошку (звать которую, кстати, Коко) и изливал ей все свои горести и разочарования. Коко липла к его шее и блаженно мурчала. Не скрою, я немного ревновала, мне и самой хотелось бы так, однако никуда не денешься — нужно было тщательно подготовить Роуга к неожиданности. Маорийское

---

[69] Notes: 69

Френсис Скотт Ки (1780–1843) — автор американского гимна «Звездно-полосатый стяг".

мужское достоинство (а мужское достоинство двойного маорийского короля — тем более) вещь весьма нежная и даже взрывоопасная.

Плакался он следующим, примерно, образом: «Кой черт, мадам, я опросил джинковскую железяку из посольства Тритона. Теперь, когда у меня в руках самый сочный ихний мандарин, эти гады передо мной прямо по полу стелются. Потом — который в „Солар Медиа“. Из отдела по розыску пропавших. Ее квартира. Все места, где у нее был кредит. Затем „Алиталия“, „Юнайтед“, „Тран-Солар“, „Джет Франс“, „Пансол“. Вирджиния, по дальней связи. Одесса Партридж и ее разведывательная железяка. Том-Янговский псих с кафедры экзобиологии. Я пробовал Elektronenrechners, Ordinateurs, Calcolatores, Comhairims. Ткнулся даже в Иерусалим к древнему компьютеру Голему-первому. И нигде ничего. Нуль. Nada. Nulla. Я в полной дыре».

Он расстегнул воротник, чтобы подпустить пси-кошку поближе к своему горлу, и раздраженно заходил по квартире, изучая каждый стул, на котором я сидела, каждую книгу и картину, которые я рассматривала, безделушки и сувениры, которые я трогала, шестифутовую ванну, которой мы так и не успели воспользоваться вместе, и

японскую кровать, которой успели. Затем Роуг пошел в студию, чтобы включить компьютер, с которым у него была телепатическая связь. Компьютер оказался уже включенным.

— Бред какой-то, — пробормотал он. — Неужели я разгуливаю во сне по дому, как лунатик… а может, это ты его включила, китикэт?

— Мрррр, — из чего не следовало ровно никаких выводов.

Тогда Роуг включил вспомогательные видеоэкраны компьютера, расставленные по всей квартире, чтобы иметь возможность расхаживать с места на место, беседуя со своим вторым «я» и наблюдая ответы. И самым натуральным образом разинул рот, увидев нас, сидящих на диванчике гостиной, как в ту самую первую ночь.

— Но ведь в ту, первую, ночь компьютер был выключен. Я поклясться могу!

РОУГ: А чем я тебе понравился?

ДЕМИ: Когда?

РОУГ: Когда поступила на работу в «Солар».

ДЕМИ: А с чего это ты решил, что я обратила на тебя внимание?

РОУГ: Ты так обрадовалась, когда я пригласил тебя в ресторан.

ДЕМИ: На меня произвела впечатление твоя

дикая страсть.

РОУГ: Какая, конкретно, страсть?

ДЕМИ: К утонченной красавице с горнолыжной базы, Мистик де Харизма.

РОУГ: Никакой Мистик де Харизма не существует.

ДЕМИ: Вот потому-то ты мне и понравился.

— Мы же говорили с ней совсем не так тогда, в нашу первую ночь. Здесь все вывернуто шиворот-навыворот!

ДЕМИ: Хочешь, я подарю тебе снимок Мистик в голом виде? Даже с автографом. Попрошу в отделе иллюстраций «Медиа», они для меня состряпают.

РОУГ: Нет, благодарствую. Я намерен получить с тебя нечто большее, чем поддельные голые картинки.

ДЕМИ: Вот уже и мужской шовинизм. Охмурил девушку — теперь можно и не скрывать истинное свое лицо.

— Да что же это такое случилось с этой железякой чертовой? Голоса, изображение — все идеально, а текст разговора — чушь какая-то!

ДЕМИ: А чем понравилась тебе я, когда ты увидел меня в «Солар»?

РОУГ: А кто сказал, что ты мне понравилась?

ДЕМИ: Ты пристал ко мне, словно бандит какой, и позвал в ресторан пообедать… и за этим ясно проглядывали гнусные намерения.

РОУГ: Ты была какая-то необычная.

ДЕМИ: Необычная? Ты что, принял меня за переодетого в платье извращенца?

РОУГ: Нет, нет, что ты. Необычно радостная. Для тебя все — игры и веселье, и к тому же ты совершенно непредсказуемая. Ты… ты — веселая обманщица.

ДЕМИ: В смысле, что я — врунья?

РОУГ: В смысле, что ты — фея.

ДЕМИ: Да. У меня даже прозвище такое — «Серебряный колокольчик».

РОУГ: А ведь я и вправду верю в фей.

ДЕМИ: Те, кто верят в фей, хлопните в ладоши.

— Врубился! Врубился! Компьютер показывает все с ее точки зрения. Точнее говоря, вот таким хотела бы Деми запомнить наш первый разговор. А кино это записала специально для меня еще тогда, когда относила сюда кошку и ключ, перед тем, как рванула когти.

РОУГ: Невнятное у нас начало какое-то получается.

ДЕМИ: С чего это ты решил? А по-моему — сплошные игры и веселье. Ведь именно это, помнится, тебе во мне и понравилось.

РОУГ: А кто тут веселится?

ДЕМИ: Я. РОУГ: А в игры играет?

ДЕМИ: Твоя веселая обманщица.

РОУГ: А я что должен делать?

ДЕМИ: Лови мелодию и подыгрывай.

РОУГ: Каким ухом, левым или правым?

ДЕМИ: Средним. Там, кажется, пребывает твоя душа?

РОУГ: В жизни не встречал таких бредовых и наглых девиц.

ДЕМИ: Если желаете знать, сэр, мне приходилось выслушивать оскорбления от людей и получше вас.

РОУГ: Это от кого же?

ДЕМИ: От тех, кому я отказывала в их гнусных намерениях.

РОУГ: Остается только лапки вверх.

— Удивительно! Теперь изложение идет очень близко к тому, что было на самом деле. По-видимому, эта часть Деми нравится. Интересно, что она нашла тут такого?

ДЕМИ: Вот уж последнее, чего я от тебя ожи-

дала.

РОУГ: Что последнее?

ДЕМИ: Что ты окажешься таким стеснительным.

РОУГ: Я? Стеснительный?

ДЕМИ: Да, и мне это очень нравится. Глазами уже все ощупал, а в остальном — никаких поползновений.

РОУГ: С негодованием отрицаю.

ДЕМИ: Ты знаком с любовными стихами Джона Донна?[70] *РОУГ: Боюсь, что нет. Наверное завалил их, благодаря излишествам в употреблении чего-то там.*

ДЕМИ: Все виргинские девушки читают эти стихи и вздыхают. Сейчас я разыграю тебе одно из них.

РОУГ: Давай, ничего страшного.

ДЕМИ: «Моим рукам-скитальцам дай патент обследовать весь этот континент».

РОУГ: А теперь мне становится страшно.

ДЕМИ: «Тебя я, как Америку открою, смирю и заселю одной собою, о мой трофей, награда из

---

[70] Notes: 70

Джон Донн (1572–1631) — английский поэт. Использованы фрагменты из его стихотворения «На раздевание возлюбленной». Но а) стихотворение от имени мужчины, соответственно в нем не «одной собою», а «одним собою»; б) последние две с половиной строчки (со слова «Фея» и дальше) — собственное сочинение Деми.

наград...»

РОУГ: Деми, не надо. Пожалуйста.

ДЕМИ: «Явись же в наготе моим очам: как душам — бремя тел, так и телам необходимо сбросить груз одежды, дабы вкусить блаженство».

РОУГ: Прошу тебя...

ДЕМИ: «Фея прежде тебя разденется, желанья не тая, зачем же ты одет, когда раздета я?»

РОУГ: Деми!

ДЕМИ: Давай, Роуг...

— Матерь Божья! Она что, и свою собственную версию постельной сцены записала?

Записала, записала, не сомневайся. Он казался мне сотней мужчин с сотнями рук и ртов. Он был негром с огромным, душившим меня языком, с мощными долгими движениями, которые сотрясали меня насквозь.

Он наполнял мои уши жадным, ненасытным воркованием — и в то же время его рты извлекали арпеджио из моей кожи, обследуя весь этот континент. Он диким, из какого-то иного мира монстром, гортанно вопившим, по-зверски мною овладевая, извлекал из самой моей утробы экстатические стенания. Он был жестким и нежным, требовательным и диким, и все время — мужчи-

ной, мужчиной, мужчиной. Мое лоно содрогалось от его бесконечных, вулканических спазмов.

И все время мы словно вели легкую блестящую беседу за икрой и шампанским — в качестве эротической прелюдии, чтобы возлечь потом перед зажженным камином и впервые предаться любви. И после первого поцелуя он надел на средний палец моей левой руки колечко из розового золота с гравировкой в виде виргинского цветка.

Уинтера словно подбросило.

— Потухни, — крикнул он своему второму «я».

Все экраны померкли. Роуг тяжело перевел дыхание. Вообще-то, команду нужно было отдавать мысленно, но теперь он знал, что компьютер самовольничает, и не только знал, но и начинал догадываться — почему.

— Деми неоткуда знать про это кольцо, — произнес он медленно. — Когда я его покупал, она уже смылась от джинковых боевиков. Она его никогда не видела. Она никогда о нем не слышала. Если только… Если только…

Уинтер начал ходить по комнате.

— Как там говорил величайший синэргист, которому я и в подметки не гожусь? «Элементарно, Ватсон». И это действительно элементарно. А я — полный идиот. Мало удивительного, что

джинковые гориллы не могут до нес добраться.

— Запрограммируй задачу АРВ Деми Жеру Печать Абсолютный Адрес, — сказал он громко, а затем сел и начал ждать.

Роуг не знал, чего в точности он ждет, будет это городской адрес, радиочастота из диапазона общественного пользования, изображение дома, конторы, вокзала, аэропорта или еще какое указание места в городе, на спутнике, планете, в реке, озере, океане. Было очевидно одно — его собственный компьютер знает, где находится Деми. «Абсолютный адрес» обозначает в компьютерных кругах точное указание места хранения указанной переменной, безо всяких околичностей и предложений «обследовать весь этот континент». Он никак не ожидал увидеть то, что появилось на вдруг осветившихся экранах:

«#$%-)(*+:=-;#.»

— Это что еще за хренопень?

«*#)$(% - +.»

— Ты что, пытаешься мне что-то сказать?

«#*$*%*-* * *()*)(.»

— Ой, вей! Я — хороший индеец, а ты кто такой?

«+=:;*-0)0(# =+**.»**

— Вы бы не отказались сообщить мне, на каком

языке вы разговариваете… если тут вообще подходит слово «язык»?

«,;=0-*+:?#)(.»

— А вы не могли бы на другом? На соларанто, или хотя бы на вашем, компьютерном? Ну, знаете, тот, на котором один плюс один равняется тому, на что ты запрограммирован.

«-»

— Это что, «нет»?

«+»

— А это — «да»?

«+»

— Ну вот, теперь немного понятнее. Давай, сыграем в «Двадцать вопросов». Ты — животное?

«+»

— Растение? Это я просто так, чтобы лишний раз удостовериться в твоих плюсах и минусах.

«+»

— И то и другое сразу? Крутишь ты что-то. Минерал?

«+»

— Подумаем, что может быть одновременно и тем, и другим, и третьим — животным, растением и минералом? Человек? Не исключено, если у него есть протезы, а в наши дни такое сплошь и рядом. Машина? Возможно. Пища? Тоже воз-

можно, некоторые приправы — минералы. Но только люди не говорят на таком вот языке. И машины тоже. Остается пища. О, эта Пища, она изъясняется с нами на божественном языке вкусов и ароматов…

И тут Роуга снова подбросило. Несколько секунд он пребывал в полном смятении, а затем разразился страстным монологом:

— Глубокоуважаемый Бог! Дражайший, достойный полного и всяческого доверия, дружелюбный, благосклонный, благожелательный, всемилостивейший Бог, я глубоко Тебе благодарен и надеюсь, что и мне представится как-нибудь случай отплатить услугой за услугу. Ну конечно же! Элементарно, дорогой Ватсон. Запахи, вкусы, ощущения — титанианский химический язык. Именно это железяка и пытается перевести в визуальную форму, ведь у нее нет устройств для передачи вкуса и запаха. Как и у любого другого компьютера. Возможно, когда-нибудь такие устройства и появятся. Как бы там ни было — я весьма впечатлен, даже попытки такие заслуживают глубочайшего уважения. Ну ладно, работай дальше. Можешь все говорить на титанианском. Так куда же к чертовой матери запропастилась Деми Жеру?

— Да?

— Да?

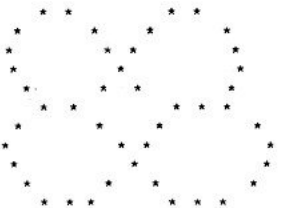
— Давай дальше.

— Говори, говори.

— Полумесяц, может? Заваленный набок.

— Круг, понятно. А дальше?

— Круг, разделившийся пополам. А теперь?



— А теперь четыре? Подождите минутку. Подождите. Всего. Только. Одну. Долбаную. Минутку. Эти картинки чем-то таким отзванивают… Колокольчики. «Серебряный колокольчик». Шутовской колпак с бубенчиками. Колпак. Колпак. Околпачить. Шит колпак не по-колпаковски. Переколпаковать. Колпак. Стеклянный колпак в биологической лаборатории университета, под

которым хранились инструменты. Биология. Деление клеток. Образование бластулы. А потом — гаструляция. Эмбриология, вот что тут происходит. Что-то рождается. Но только что? И где? Что обозначает это сообщение?

Картина молниеносного деления клеток буквально завораживала. Бластула, гаструла, бластодиск…

— Боженька ты мой, да тут все происходит за микросекунды! Эктодерм, мезодерм, эндодерм… Впервые в истории компьютер вознамерился что-то родить, но только — что именно?

До предела взвинченный Роуг бросился в студию, чтобы получше — на огромном главном мониторе компьютера — увидеть, чем же все кончится. За эти несколько мгновений бешено ускорявшийся процесс достиг своего denoument[71] — прямо перед Роугом огромный экран разлетелся вдребезги. Вместе с фонтаном пластиковых осколков из компьютера вылетела Деми Жеру — вылетела, сшибла ошеломленного синэргиста с ног, а сама вполне удачно приземлилась сверху. Ее голое, обильно покрытое потом тело била дрожь.

---

[71] Notes: 71
Исход, развязка (фр.).

— Господи, — хрипло выдохнула Деми. — Забираться внутрь было куда легче, чем вылезать наружу. Ты не поранился, милый?

— Я в порядке. Я восхищен. Я потрясен. Я в полном экстазе. Привет-приветик. Привет, любимая. Привет, феечка ты моя родная. Интересно бы знать, чем это занималась приличная девушка в таком сомнительном месте?

— Удивлен?

— Ни в коем разе. Я прекрасно знал, на что ты способна. Я никогда в этом не сомневался.

TERRA INCOGNITA

Увы, увы! Как хорош был этот мир две-три сотни лет тому назад, когда его начинали открывать! Тогда человек еще только охмурял Природу, а теперь он вступил с ней в законный брак. Солнечная наших дней до тошноты обыденна и привычна, как давно протоптанная тропинка. И если вы в это верите — значит у вас крыша поехала.

Одесса Партридж

На этот раз они покинули шестифутовую ванну вместе и, не вытираясь, пошлепали голыми пятками в гостиную. Там сели на диванчик и водрузили упомянутые пятки на кофейный столик. Им было совершенно наплевать — течет с них вода или не течет, и на что именно она течет — все заслоняла радость успешного завершения нелегких испытаний.

— Жаль, не слышишь ты, как ворчат мебель и ковры, — засмеялся Уинтер.

— Глюг, глюг, глюг. Глгглглг. Глууг, глууг, глууг. На некоторых ничем не угодишь.

— А вот я в полном восторге, — блаженно зажмурилась Деми.

Сейчас она напоминала нереиду, отдыхающую на волне — рыжие распущенные волосы, зеленые глаза, кораллово-розовая кожа. — И думать не могла, что заниматься любовью под водой так… так…

— Так — что?

— Не могу сказать. Приличные виргинские девушки никогда о таком не говорят, поэтому у меня нет слов. А ты, ты делал так раньше?

— Тыщи раз, — честно признался Роуг. — Я исполнял обязанности самца под самыми разнообразными водами и подо всем, в чем есть вода. Могу провести инвентаризацию: вода сельтерская, воды околоплодные, мутная водичка, водка, водопровод. Водолей, водолаз, завод, подвода…

Деми слегка шлепнула его по губам, заткнув тем самым водоизлияние, грозившее стать катастрофическим.

— А пока меня не было?

— Что — пока тебя не было?

— Сам знаешь, что. У тебя была какая-нибудь девушка? Обещаю, что я все пойму и не буду тебя осуждать, — она стала очень похожа на мать Уинтера.

— А ну-ка слазь с кресла-качалки, — ухмыльнулся он и тут же посерьезнел. — Можешь вполне довериться мне, любимая. Мы гоняемся за бабами, но не от того ведь, что все мужики такие развратные, просто хочется чего-то другого, нового. Ну а с тобой каждый раз — новый, другой, непохожий, так что мне просто нет смысла за кем-то там бегать на стороне. Короче говоря — нет. Я был счастлив, ожидая тебя. Кроме того, у меня просто не было времени, все оно уходило на попытки обнаружить мой театр одной актрисы и заполучить его назад.

— Ты — мой любимый супершмук! — Деми счастливо улыбнулась, одновременно превращаясь в зардевшуюся от смущения еврейскую красавицу. — А теперь расскажи мне о своих приключениях — компьютеры, конечно же, знают о многих из них, но далеко не о всех.

— Нет, ты первая.

— Так у меня не было никаких приключений. Откуда, если я все время просидела в твоей железяке?

Уинтер немного подумал.

— Ладно. Тебе какие сначала, хорошие или плохие?

— Начни уж с плохих, чтобы сразу с ними по-

кончить.

Уинтер молча кивнул, выражая полное согласие.

— Ты не можешь этого знать, — начал он медленно и очень серьезно, — но на Тритоне я попал в ледяную пещеру, из которой не было выхода. Надолго. Без пищи, без воды, без света. И я упал бы духом, не поддерживай меня мысль о тебе, мечты о том, в какие восхитительные игры будем мы с тобой играть, когда — и если — я тебя найду.

— И все же ты спасся, Роуг. Это очевидно. Каким образом?

— Меня охватило полное отчаяние, но затем оно сменилось яростью; во мне проснулся дикарь-маори. Словно попавшее в ловушку животное, я начал голыми руками рвать лед и лаву и прорыл наконец отверстие, достаточно широкое, чтобы протиснуться наружу, но тут вдруг…

— Что?

— Тут вдруг увидел собственную свою тень и юркнул назад, в пещеру.

Деми негромко вскрикнула.

— Врун, врун, врун! А ведь я совсем уже было поверила! Врун! Роуг — мерзкий врун! Ты и в гробу, наверное, не перестанешь врать.

— Да, обязательно совру что-нибудь носиль-

щикам. Так каким же образом забралась ты в этот компьютер? Ведь он открывается только для меня, и ни для кого другого.

— Ну, когда я смылась от джинковых боевиков…

— Каким образом?

— Слезоточивый газ, Мэйс.

— Я и не знал, что он у тебя есть.

— У меня и не было, но я изо всех сил орала им на титанианском химическом «мэйс», что и сработало не хуже настоящего газа.

— Да, милая ты моя, с тобой не больно-то справишься.

— Уж это точно. И мне никогда не придется говорить «сегодня у меня болит голова» — я могу в любой момент остудить тебя химически. Хотя вряд ли это потребуется, ведь ты мой самый-самый любимый и единственный. Как бы то ни было, я схватила кошку, прибежала сюда, открыла дверь своим ключом, села и начала думать Существует ли такое место, где я могу выжить и откуда меня не сумеют вытащить джинки? Единственное, что приходило в голову, это твой компьютер: Вот я туда и залезла.

— Но он открывается только мне.

— Ты оставил его включенным.

— Вполне возможно, но он все равно слушает только мои мысли и ничьи больше. Так что ты сделала?

— Ну, это вроде, как когда смотрят в магический кристалл.

— Ты хочешь сказать — как эти гадалки с их стеклянными шарами?

— Ну да, примерно так.

— Не верю.

— А почему, собственно? Ведь титанианцы — жители кристаллического мира.

Спорить было трудно.

— Ладно, а как все-таки это делается?

— Хрустальный шар совсем не обязателен, сойдет что угодно другое: лужица чернил, вода, зеркало, свой собственный ноготь…

— Ну и?

— Я воспользовалась экраном твоего компьютера и сконцентрировалась на нем. Нужно полностью потерять себя в чем-нибудь…

— И тогда?

— Экран помутнел, стал молочным, затем — абсолютно черным, исчезли даже блики и отражения. Потом я увидела тебя, сперва — черно-белого и неподвижного, словно фотография.

— А затем?

— Затем появились цвета, и ты начал двигаться, ходить — ну, примерно, как ты это делаешь, когда думаешь или разговариваешь. Словно запустили кинофильм.

— Ты слышала меня?

— Сперва нет. Сперва это был немой фильм. Но потом появился и голос, а потом это был уже совсем не фильм, все было по-настоящему. Вроде как я стою у стены комнаты, а ты посередине, и ты посмотрел на меня, и я подошла к тебе и… и ты обнял меня, и… и я оказалась в компьютере, вместе с тобой.

— А откуда ты знала, что это именно я? Все всегда говорят, что я слишком уж изменчивый, легко приспосабливающийся, что во мне нет настоящей, твердой основы… Даже первая моя жена на это жаловалась.

Деми скорбно поджала губы и стала похожа на преступника, которому предстоит самому себе вынести суровый приговор,

— Тебе это не понравится, милый, — сказала она наконец, — и мне бы лучше промолчать, но… Понимаешь, ты, конечно, натура сложная, глубокая, переменчивая — в зависимости от обстановки и настроения. Однако для нас, титанианцев, в тебе нет ничего такого уж загадочного.

Именно поэтому многие из нас переселяются на Землю — вы, здешние, для нас очень просты и прозрачны, с вами гораздо легче жить. Потому я и смогла воссоздать твой облик — и внешний и внутренний.

Вот тут Деми была права — Роугу услышанное совершенно не понравилось, хотя он постарался этого не показать.

— Так значит, ты оказалась внутри. В каком виде? Биты в блоке памяти?

— Мы можем преобразовываться в любую живую сущность — от амебы до бронтозавра. В твоем компьютере есть такой органический, живой коммутатор, соответствующий варолиеву мосту мозга, он координирует поступающие сообщения — все сообщения поступали от тебя — и отдаваемые команды. Я трансформировалась в такую же структуру и присоединилась параллельно.

— Дублировала Pons Varolli?

— Вроде того.

— Таким образом ты жила себе и процветала внутри органической части компьютера, питаясь теми же самыми веществами, что и он?

— Да. Пристроилась на халяву. Ты уж извини.

— И добраться до тебя мог один я?

— Да, один ты.

— А каким же тогда образом чертов этот манчжурский князь Смерти разнюхал, в какую дыру ты забилась?

— Точно не знаю. Возможно, прямая дедукция, ведь Янг — редчайший образчик чисто рационального ума, личность совершенно блестящая. Возможно, ему настучал компьютер с кафедры экзобиологии.

— А этот что, знал?

— Все они знали. Каждый из органических компьютеров находится в контакте со всеми своими ближайшими соседями.

— Каким образом?

— Прямая связь, рассеянное излучение коммуникационных сигналов, наводки, приходящие по линиям питания. Сидя в этой штуке, я узнала уйму интересного.

— И была в полной безопасности. Так какого же черта не сообщила об этом мне? — Уинтеру ошибочно казалось, что он хорошо скрывает свою злость.

— Господи ты Боже, да я же чуть не сдвинулся, тревожась, как ты там и где ты там.

— Так я и сообщала! Я все время сообщала! Мое послание передавал тебе каждый компьютер сети.

— Какое послание?

— Что я в безопасности. Неужели ты не получил?

— Ничего я не получил. А что ты сообщала?

— Что я о'кей.

— Я получал о'кей в зоопарке, в банке и в консульстве, но все это к делу не относится.

— А что это были за о'кей?

— Что твоя пси-кошка может получить половину клетки, что банк может выдать мне только половину запрошенных мной денег и что я могу получить полугодовую визу на Титан. Секундочку… Да, еще что я могу получить на лайнере, летящем к Ганимеду, половину каюты.

— А что все-таки сообщали компьютеры? Конкретно и точно.

— Каждый раз одно и то же — половина о'кей. Половина печаталась как число.

— Роуг, Роуг, дурачок ты мой! Где же была знаменитая твоя сообразительность?

— Планировала погром Тритона. Ради тебя, кстати.

— Да, да, понимаю, и огромное тебе спасибо, любимый. Но… Ладно. Скажи мне, как называется пальто не летнее, не зимнее, а серединка на половинку, осенне-весеннее? А как называет-

ся полусвет — не высший, аристократический «свет», а так, народец, у которого труба пониже, и дым пожиже?

— Демисезонное, конеч… — он запнулся и смолк. — А. Это. Будет. Деми. Монд?… Господи! Ой, Господи! Так значит, мне каждый раз сообщали, что «Деми О.К.» По-французски деми — половина. — Уинтер громко расхохотался, сразу утратив всю свою злость. — Ну, на конкурсе придурков первое место мне обеспечено.

— Твой мозг занимался более важными делами.

— Все равно я должен был… — Роуг прямо горел негодованием. — Я, Ich, Moi, бывший великий синэргист — и проворонил до дурости очевидный ключ! Вот так вот оно и бывает — зарабатываешь себе репутацию, зарабатываешь, а потом мордой в лужу.

— Только не в моих глазах.

— Ну, это не считается, ты — случай отдельный. Но почему было не использовать имя открытым текстом?

— Тогда уж лучше прямо по телевизору, пусть все знают… Сообщение предназначалось исключительно для тебя, ТДУ, Только Для Уинтера — именно с таким грифом я и передала его в сеть.

Судя по всему, этот по уши в Янга влюбленный компьютер нарушил указание и все разболтал дружку своему любезному. Трепло он, и больше никто.

— Влюбленный? Так ты что, тоже знаешь эту тошнотворную историю?

— Мы, компьютеры, знаем все.

— А откуда ты узнала, что заварушка утихла и пора вылезать? Тоже от знакомых железяк?

— Компьютер Найдж Энглунд передавал по сети все, происходившее в зоопарке. Надо сказать, милый, теперь, после этой истории с Да-мо Янгом, я тебя даже побаиваюсь. Никогда бы не подумала, что ты можешь быть таким извергом.

— Не такой уж я, значит, простой и насквозь прозрачный?

— Ой, так я и вправду тебя обидела! — Деми мгновенно стала той, первоначальной, из «Солар Медиа», Деми, да к тому же — до слез испуганной.

— Я ведь знала, что ты обидишься, а что было делать? Ты хотел получить ответ, а я обязана была сказать правду. Соври я тогда, ты бы сразу это увидел и разозлился еще сильнее. Ну пойми меня, пожалуйста, Роуг. Пожалуйста? Роуг? Дружба?

Она протянула ему руку и сразу стала походить

на честную, прямодушную школьницу. Правда, голую.

Роуг посмотрел на эту руку, на лицо, горящее мучительным ожиданием, неожиданно ухмыльнулся, вскочил на ноги и бросился в свою студию. Буквально через секунду он вернулся и снова сел на прежнее место. Ни поза, ни выражение лица Деми не изменились, она словно окаменела.

— Раз уж вы с компьютером нафантазировали целый эротический спектакль, можно попробовать сыграть его, в меру сил и способностей. — На средний палец левой руки Деми скользнуло розовое золотое колечко. — Хочешь, лапа, затопим камин? Не знаю только, осталось ли в холодильнике шампанское.

Деми взглянула на кольцо и буквально взвизгнула (в высшей степени достоверная виргинская дебютантка, правда, как уже указывалось, голая).

— Ой, Роуг! Роуг! Роуг! — Она бросилась целовать Уинтера, который воспринял заслуженное вознаграждение с удовлетворенным достоинством.

— Пшл. Вкрвть. Дв, спф. — С некоторой неохотой он освободил свои губы. — Пошли в кровать. Давай, суперфея.

С трудом сдерживаемое обожание неожиданно сменилось на лице Деми болью и удивлением.

— Деми! Что с тобой? Что случилось?

— П-п-рости п-п-пожалуйста, — прозаикалась она. — Но из меня сейчас, кажется, высыплется горошина.

— Что?!

— М-мне так кажется.

— Но ведь всего два месяца!..

— Д-да…

— И по тебе совсем не видно.

— Д-да, но т-тут же н-ничего заранее не скажешь. П-первый раз, такого ведь еще не бывало. Я… Я, пожалуй, нарушаю все правила цивилизованного ведения войны.

— Упаси нас святые угодники! Я звоню Одессе, а ты не двигайся. Ничего не делай.

В диком возбуждении Роуг бросился к телефону.

— Господи Боже, да ведь это — еще одна, с иголочки новая структура. Еще один, с иголочки новый кризис. С вами, титанианками, не соскучишься. Интересно только, что же это такое мы произ… Алло, Одесса? Это Роуг Уинтер. На помощь!

А это — Одесса Партридж. Я начала эту психо-

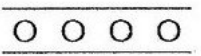
ванную любовную историю, мне ее и закруглять.

Манчжурского князя мы содержим в полнейшей тайне — по нескольким причинам. Главная из этих причин: как о том и предупреждала Найдж Энглунд, Томас Янг выгорел начисто, и мы теперь ставим на нем интересный эксперимент. Все слыхали, что людей с больной печенью присоединяют к аппарату, который очищает их кровь. Примерно таким же образом мы очищаем — во всяком случае пытаемся это сделать — мозг манчжурца, только вместо всяких аппаратов у нас дельфины.

Дельфины очень умные, умнее, пожалуй, чем большинство людей; воспользовавшись этим, мы соединяем их последовательно с князем и прогоняем через образовавшуюся цепь церебральные импульсы. Есть надежда, что дельфины помогут открыть мозг нашего подопытного кролика, жаль было бы терять такую голову.

Стоит, пожалуй, объяснить немного подробнее — для тех, которые, включая лампу, не знают да и знать, пожалуй, не желают, отчего это она загорелась. Возьмем для примера новогоднюю елочную гирлянду. Если лампочки в ней подключены параллельно, имеется пара проводов, ведущих к розетке, и каждая из лампочек подключена к

обеим этим линиям. Вот так:



Лампочки включены последовательно, образуется нечто вроде бус. Одна единственная линия проводит ток через все лампочки по очереди; когда цепь замкнута, все они загораются одновременно:

Именно так мы и сделали, мозг князя стоит последним в цепочке образованной из дельфиньих мозгов. Вы спросите: а вдруг, когда (и если) шарики несчастного психа встанут на место, он начнет думать по-дельфиньи и сбежит в океан? Не знаю, может и так, но тогда рыболовному флоту предстоят очень трудные времена.

Так как у нас в руках не кто-нибудь, а сам Да-мо Юн-гун, переговоры с Тритоном на тему мета становятся довольно реалистичными. Опаро и его веселые мафиози не выражают по этому поводу особого восторга, так что Джею Йейлу приходится

затрачивать уйму усилий, улещивая их и утихомиривая. Немного подумав, я командировала ему на помощь Барбару, которая тут же завербовала уинтеровскую малолетнюю террористочку и занялась ее тренировкой. Из этой чертовки получится потрясающая оперативница.

Титанианская фея не ошиблась, она нарушила все возможные правила. Девчонка родила пару мальчиков-близнецов и без малейших, вроде бы, для себя беспокойств — словно вышелушила горошины из стручка. Весили они по пять фунтов, итого десять, а ведь по ней ровно ничего не было видно — хоть (тьфу, на зубах навязло) обследуй весь этот континент. Ну и каким, спрашивается, образом сумела она произвести десять (10) фунтов гибридной живности в два (2) месяца? Солнечная медицинская ассоциация прямо слюной истекает от желания добраться до нее и ее потомства, тем более, что мальчики оказались полностью доношенными и не нуждаются в инкубаторе.

Самые обычные, нормальные земные дети, в них нет ровно ничего титанианского, а ведь мы-то думали… Счастливые родители этим обстоятельством озабочены и — как я подозреваю — несколько разочарованы. Тэй и Джей даже не просто близнецы, а идентичные, однояйцовые

близнецы, так что пришлось привязать каждому из них к ножке бирку с именем — для различения. Однако идентичность их все-таки не полная, не абсолютная, не стопроцентная.

Помните, может быть, как Клуни Декко и Дамон Крупп записывали сны своего экспериментального зародыша, подвергавшегося мазерно-генерированной парадоксально акцентуированной пренатальной акселерации, зародыша, который вырос в Роуга Уинтера? Мы проделали то же самое с детьми Роуга и Деми — на этот раз, правда, уже после рождения — и обнаружили, что они — изомерные, зеркальные близнецы, в чем нет, собственно, ничего такого уж необычного.

Часто удивляются, что же могут видеть во сне зародыши? Ведь у них нет никакого опыта, им не от чего отталкиваться. Ответ — «культурное подсознательное», сиречь «память поколений». Сны эти основываются на миллионолетних культурных отложениях, на всем материале, накопленном человеком за время его восхождения к теперешнему уровню.

Exempli gratia: каждый из нас в то или иное время подвергался приступам непонятного страха, беспричинного, ни чем не обоснованного ужаса. Психиатры тщатся объяснить подобные явле-

ния в терминах неуверенности и запретов, но в действительности эта слепая волна, поднимающаяся из самых глубин подсознания, — наследие бесчисленных поколений наших полудиких предков, которые выжили только благодаря страху перед неведомым.

С другой стороны, роды — процесс весьма травмирующий не только для матери, но и для существа, привыкшего к уютному, беззаботному существованию в околоплодных водах, и эта травма дает обильный материал для ошеломленных, недоумевающих снов. Так было и с близнецами Деми, в результате чего мы, собственно, и обнаружили упомянутую зеркальность. Смятение каждого из них объединялось звуком — или, если хотите, буквой — «к», многозначным символом концепции. Иногда их мысли бывали отчетливыми, иногда — зачаточными и неопределенными, но всегда — зеркально-взаимными:

Джей, правосторонний:
аКа
каКак
шоК
Контакт
Какофония
Конфликт

шоК
каКак
аКа

Тэй, левосторонний:
аКа
каКак
Кош
ткатноК
яинофокаК
ткилфноК
Кош
каКак
аКа

Все нормально, ничего такого особенного? Да, только вот я забежала сегодня на секунду, чтобы приглядеть за кормящим-следящим персоналом (Деми вывезла Роуга в Виргинию, первый раз: желает продемонстрировать всем свою добычу). Поговорив с медсестрами, я пошла взглянуть на этих младенчиков в их колыбельках и, хотите — верьте, хотите — нет, Джей, правосторонний, хватался за край кроватки левой рукой, а Тэй, левосторонний, — правой. На всякий случай я даже проверила их бирки — все верно, они действительно поменялись ролями. Пришлось

сообщить красавчикам, что такие номера не пройдут незамеченными.

— Эй, вы, задрыги хитроумные, просыпайтесь, — строго сказала я. — Это я, ваша всемогущая крестная, и сейчас я вам покажу. Может, вы и вправду не умеете еще говорить, но наверняка все слышите и все понимаете. Ну что, вундеркинды косопузые, трансформировались, значит, и поменялись, так? Джей стал Тэем, а Тэй — Джеем. Очень смешно. Очень, очень смешно.

И тут эти крошечные терранианские шпанята дружно перекатились на спины и посмотрели на меня с таким веселым лукавством, что невозможно было удержаться от смеха.

Такие вот новорожденные хулиганы, полуземные, полутитанианские обманщики, и одному Богу известно, что еще придумает каждая из этих половинок каждого из них! Так что Фее и Синэргисту предстоит очень и очень веселенькая жизнь с этой свалившейся на их головы структурой. Да и всей Солнечной — тоже.